2030.
Проверено 1925 г.

СВОЕ СЛОВО.

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

(ВМѢСТО „ФИЛОСОФСКАГО ТРЕХМѢСЯЧНИКА“)

ПРОФЕССОРОМЪ **А. А. Козловымъ.**

№ 5.

Цѣна 1 р. 50 к. безъ пересылки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1898.

Прев. 1939

1097
37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Преклонный возрастъ (67 лѣтъ) и хроническая болѣзнь (параличъ) все болѣе отодвигаютъ время появленія новыхъ выпусковъ «Своего Слова». Наконецъ-то мнѣ удалось выпустить и 5 № моего изданія. Что касается до будущаго, то, какъ бы мало ни оставалось въ моемъ распоряженіи силъ, я все таки надѣюсь употребить ихъ на то дѣло, которому служилъ всю жизнь.—И такъ, я еще не совсѣмъ прощаюсь съ читателемъ, а, надѣюсь, только до новаго общенія мыслію.

А. К.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:		*Читать:*
Стр. 53	строка 1 (снизу)	
	разогрѣлся	разгорѣлся
„ 86	19 или	не читать.

БЕСѢДА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ разговоръ съ Синайскимъ, Красоткинымъ и Поспѣловымъ Сократъ объясняетъ, что понятіе движенія можетъ быть разсматриваемо съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) метафизической, гдѣ оно состоитъ изъ актовъ нашего общенія и взаимодѣйствія со всѣми другими субстанціями міра въ ихъ метафизической связи другъ съ другомъ; 2) психологической, гдѣ оно состоитъ въ смѣнѣ сознаваемыхъ нами ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ и съ другими психическими состояніями и, наконецъ, 3) физической, гдѣ оно состоитъ въ перемѣнѣ положенія и мѣста въ пространствѣ. Первое понятіе движенія есть источникъ второго, а второе источникъ третьяго. Терминомъ-же: движеніе, выражается собственно 3-я точка зрѣнія, а въ первыхъ двухъ его употребленіе метафорическое. Причина того, что метафизическая наша связь и общеніе съ другими субстанціями не отражается прямо въ нашемъ сознаніи, заключается въ нашей ограниченности, которая обнаруживается въ узости и недостаточной интенсивности человѣческаго сознанія. При этомъ Сократъ объясняетъ понятіе технической или исторической системы, которая можетъ служить подобіемъ нашей метафизической связи съ другими субстанціями міра. Далѣе разговоръ переходитъ собственно къ физическому движенію и къ заключающемуся въ этомъ понятіи, противорѣчію, которое было вскрыто еще въ древности элейскимъ философомъ Зенономъ. Доказывая, что аргументы Зенона противъ понятія физическаго движенія основательны, Сократъ думаетъ, что противорѣчіе, вскрытое имъ, можетъ быть устранено указаніемъ на источникъ, изъ котораго оно происходитъ.

Утромъ въ субботу тотчасъ послѣ чая я вмѣстѣ съ Сократомъ и другими гостями Карамазовыхъ поѣхали въ Петербургъ. Когда мы, взявши билеты, усѣлись въ одинъ вагонъ и поѣздъ тронулся, то Синайскій обратился къ Сократу съ вопросомъ:

„Я не могу хорошенько понять вашего мнѣнія о нашей ощущающей и двигательной дѣятельности. Иногда мнѣ кажется, что у васъ это только два слова для одного и того же, а иногда вы, повидимому, ихъ различаете. Мнѣ уже давно хочется попросить у васъ объясненія на счетъ этого пункта“.

Сократъ. Вашъ вопросъ въ сущности касается понятія движенія, въ которомъ совпадаютъ *три* точки зрѣнія на одно и то же, а именно: *метафизическая*, *психологическая* и *физическая*. Самая важная точка зрѣнія, конечно, метафизическая, потому что ею объясняются двѣ другія, составляющія какъ бы ея отраженіе. Съ метафизической точки зрѣнія, движеніе есть не что иное, какъ акты общенія и взаимодѣйствія субстанцій въ ихъ обще-міровой связи. Съ психологической точки зрѣнія, движеніе есть не что иное, какъ соотвѣтствующая этому метафизическому взаимодѣйствію *смѣна* въ нашемъ сознаніи ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ, а также и съ сопровождающими ихъ чувствами и мыслями. Съ физической точки зрѣнія, движеніе есть не что иное, какъ *феноменъ* перемѣны мѣста матеріальными вещами въ пространствѣ. Что-же касается до общаго термина: движеніе, то онъ взятъ собственно изъ области физической, но уже издавна прилагается иносказательно и въ области психологической, какъ, напр., въ выраженіяхъ: потокъ, теченіе мыслей, движеніе чувствъ и т. под. Конечно, можно и теперь безъ всякаго сомнѣнія употреблять этотъ терминъ въ метафизическомъ и психологическомъ смыслѣ, но, однако, не забывая, что это употребленіе есть не болѣе, какъ *метафора*.

„Метафизическое движеніе или взаимодѣйствіе въ обще-міровой связи не дано въ нашемъ первоначальномъ сознаніи такъ непосредственно, какъ даны мы сами себѣ и акты нашей дѣятельности, а

потому, мы можемъ дѣлать о немъ выводы и заключенія на основаніи только болѣе или менѣе правильнаго истолкованія перемѣнъ въ состояніяхъ нашего сознанія вообще. Эти заключенія тѣмъ болѣе могутъ подвергаться ошибкамъ, что, по нашему несовершенству, *сила* или *энергія актовъ* нашего сознанія весьма *ограниченна* и *сфера* каждаго отдѣльнаго акта чрезвычайно *узка*, такъ что большая часть нашихъ движеній или нашего метафизическаго общенія съ другими существами остаются безсознательными; значитъ, должны быть дополняемы или угадываемы путемъ болѣе или менѣе правильныхъ гипотезъ и заключеній изъ нашего опыта, т. е. фактовъ какъ первоначальнаго, такъ и сложнаго сознанія. Такъ, напр., даже общеніе наше съ тѣми тѣсно связанными съ нами субстанціями, значкомъ которыхъ служитъ наше тѣло, протекаетъ для насъ большею частью безсознательно, каковы, напр., всѣ наши растительныя функціи или какова, напр., дѣятельность нашей души въ постройкѣ нашего тѣла. Въ знаніи объ этомъ предметѣ мы должны ограничиться только весьма не полными и шаткими теоріями...

Красоткинъ (съ досадою). Ну, ужь извините меня! Просто невыносимо слушать эту философскую ерунду! Да кто-же вамъ сказалъ, что ваша фантастическая душа строитъ тѣло.

Сократъ. Такъ какъ вы не признаете души, то, конечно, для васъ всего естественнѣе, что атомы или молекулы вещества въ своихъ вихреобразныхъ *кадриляхъ* и *вальсахъ* случайно образуютъ тѣло. Но для меня, который признаетъ *дѣйствительность души*, немыслимо, чтобы она не принимала никакого участія въ координаціи, поддержкѣ, усовершенствованіи функцій тѣхъ существъ, которыя съ нею тѣсно связаны и служатъ ей въ качествѣ орудій для ея взаимодѣйствія съ болѣе отдаленными по отношенію къ ней существами въ мірѣ. Для меня немыслимо, что-бы душа спала мертвымъ сномъ тогда, какъ образуется и группируется ея тѣло. По крайней мѣрѣ, наши ежедневныя, ежеминутныя сознательныя заботы о нашемъ тѣлѣ, о *правильности* его функцій (пища, жилище, лекарство и т. п.) и *соотвѣтствіи* ихъ съ нашею

жизнью ведутъ меня къ умозаключенію, что душа каждаго изъ насъ дѣйствовала точно также и тогда, когда эти ея дѣйствія имѣли столь сравнительно *низшую интенсивность*, что не были сознаваемы, а потому и не вспоминаются, хотя и не исчезли въ ничто и всегда сохраняютъ за собою право стать объектомъ нашей мыслящей функціи и быть сознаваемыми, вспоминаемыми и понимаемыми въ формѣ болѣе или менѣе ясныхъ понятій.

Когда Сократъ произнесъ эти слова, то Калгановъ, слушавшій разговоръ стоя, такъ какъ на двухъ скамеечкахъ сидѣли Сократъ съ Синайскимъ и я съ Красоткинымъ, вдругъ наклонился къ послѣднему и сказалъ: „Будетъ Вамъ, Николай Ивановичъ, слушать эти басни! пойдемте-ка въ тотъ конецъ вагона, я вамъ тамъ кое-что покажу“; и, подхвативъ Красоткина подъ руку, Калгановъ подошелъ съ нимъ къ какому-то пассажиру, котораго я, по близорукости, не могъ разсмотрѣть, а Сократъ съ Синайскимъ и совсѣмъ не могли видѣть, потому что сидѣли къ нему задомъ. Тогда Синайскій просилъ Сократа, не дожидаясь Калганова и Красоткина, продолжать начатую рѣчь, такъ какъ ему, Синайскому, чрезвычайно интересно слышать объ отраженіи въ нашемъ сознаніи метафизическихъ отношеній между нами и другими субстанціями.

Сократъ. Такъ какъ, при узости нашего сознанія, въ каждомъ его актѣ отражается только ничтожный отрывокъ нашей связи со всѣми субстанціями міра, то мы въ теченіе всей нашей жизни послѣдовательно переходимъ отъ одного звена *всей цѣпи этой міровой связи* къ другому. Отсюда происходитъ, что въ каждомъ пунктѣ этого перехода и движенія измѣняются *перспектива* и *явленія* нашего сознанія, а между тѣмъ, какъ мы уже видѣли это, бесѣдуя о времени, все дѣйствительное бытіе и дѣйствительный міровой процессъ со всѣми его отношеніями причинъ, слѣдствій, цѣли и средствъ уже готовъ безвременно. Поэтому каждый клочекъ мірового цѣлаго, освѣщающійся тѣмъ или другимъ актомъ нашего сознанія, необходимо мыслится въ видѣ того идейнаго временнаго пункта, который называется словомъ:

„теперь“. Два-же другіе и тоже идейные, соотносительные съ нимъ, пункты называются словами: „прежде“ и „послѣ“. Въ этихъ двухъ пунктахъ мыслится вся остальная міровая дѣйствительность, не освѣщаемая наличнымъ сознаніемъ. Въ пунктѣ: „прежде“, помѣщается все то, что соотвѣтствуетъ понятію воспоминанія и что дано въ менѣе яркомъ сознаніи того-же содержанія, которое гораздо живѣе сознается въ пунктѣ „теперь“. Въ пунктѣ „послѣ“ или „потомъ“ помѣщается все то, что соотвѣтствуетъ понятію ожиданія и что сознается въ болѣе или менѣе яркомъ образѣ фантазіи или воображенія того-же самаго, что первоначально также сознается въ пунктѣ: „теперь“, а потомъ, говоря фигурально, погружается въ пунктъ: „прежде“. Значитъ, наши „теперь, прежде и послѣ“ съ различными мыслимыми въ нихъ содержаніями соотвѣтствуютъ разнымъ особымъ звеньямъ уже безвременно готовой цѣпи, или *точнѣе сѣти*, координированныхъ между собою въ міровомъ цѣломъ субстанцій съ ихъ актами. Отсюда мы имѣемъ право на заключеніе, что отражающееся въ сознаніи наше метафизическое движеніе отъ одного единичнаго элемента этой сѣти къ другому можно понимать по аналогіи съ нашими техническими или историческими системами, гдѣ всегда къ одному отдѣльному явленію или событію временно примыкаетъ другое то же единичное явленіе или событіе, третье, четвертое и т. д.

Синайскій. Поясните, пожалуйста, примѣромъ, что вы разумѣете подъ *техническими* или *историческими* системами и подъ аналогіей между ними и метафизическимъ движеніемъ отъ одного элемента міровой связи къ другому и отраженія этого движенія въ сознаніи.

Сократъ. Прежде всего примѣромъ исторической системы можетъ служить всякій историческій разсказъ, а также драма, романъ и проч. Сюда же принадлежатъ и разнаго рода техническіе учрежденія и процессы, напр., фабрика, канцелярія, музыкальный концертъ и проч. и проч. Здѣсь вездѣ всякій составной элементъ системы индивидуаленъ и входитъ въ частное свое, а затѣмъ и въ міровое цѣлое на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, обусловленномъ единствомъ этого цѣлаго. При

этомъ должно не забывать, что каждое существо, слѣдовательно, и всѣ мы входимъ въ это цѣлое не только какъ зрители, но, главное, какъ дѣятели, такъ что, подобно пѣвцамъ въ концертѣ или музыкантамъ въ оркестрѣ, каждый поетъ свою партію и разыгрываетъ свои ноты. Повидимому и для поверхностнаго взгляда профановъ, каждый дѣлаетъ это независимо отъ другихъ и произвольно: но, какъ знаемъ это мы, посвященные въ порядокъ дѣла, каждый и начинаетъ, и кончаетъ, и присоединяется къ тѣмъ или другимъ голосамъ или инструментамъ, а также и умолкаетъ или дѣлаетъ паузы; — все это каждый дѣлаетъ вовсе не ad libitum и случайно, а строго систематически, сообразно духу и содержанію цѣлой симфоніи или піесы, уже давно созданной и окопченной ея композиторомъ. Точно также и для каждаго участника въ міровомъ концертѣ его мѣсто и роль опредѣлены сообразно съ вѣчно готовымъ міровымъ цѣлымъ; но въ измѣнчивой перспективѣ его узенькаго индивидуальнаго сознанія, этому каждому участнику, не посвященному въ систему и гармонію цѣлаго, *кажется*, что онъ какъ будто бы совершенно случайно и даже произвольно дѣлаетъ свои дѣла въ мірѣ. Но болѣе осмысленное отношеніе къ пережитому опыту и безчисленныя иллюзіи и ошибки, случающіяся съ нами въ жизни, могутъ убѣдить каждаго мыслящаго человѣка, что въ силу причинной—или, что все равно, телеологической—связи между всѣми звеньями міровой сѣти въ теченіи міра царствуетъ необоримая *необходимость* и что, слѣдовательно, все то, что уже протекло въ прошедшемъ, не можетъ быть мыслимо не совершившимся и что порядокъ всѣхъ событій и явленій въ прошедшемъ долженъ быть понимаемъ *непреложнымъ* и *роковымъ*. Отсюда мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ допустить перемѣщенія событій во временномъ порядкѣ, хотя онъ и имѣетъ свое основаніе и силу только въ насъ и для насъ. Нельзя, напр., произвольно поставить на мѣсто Юлія Цезаря и римской имперіи Наполеона I и французскую имперію. „Но еще гораздо болѣе считаемъ мы не упорядоченнымъ и вполнѣ подлежащимъ *случаю* и *нашему произволу* будущее, хотя горькій опытъ

заставляетъ насъ усомниться въ этой кажущейся его безпорядочности и случайности и придти къ болѣе или менѣе ясному убѣжденію, что и будущее столь-же непреложно упорядочено, какъ и прошедшее. Особенно-же это убѣжденіе вызывается тѣми многочисленными случаями, когда мы торжественно подносимъ къ своимъ устамъ заранѣе съ большими усиліями и жертвами подготовленную чашу счастія и радости и когда въ тотъ-же моментъ какой-то таинственный рокъ безжалостно вышибаетъ ее изъ рукъ и проливаетъ. Въ этомъ безвременно упорядоченномъ міровомъ теченіи, которое ни подъ какимъ видомъ нельзя *символизировать* безконечною прямою линіею, а окружностью, въ которой нѣтъ ни начала, ни конца, а всего вѣрнѣе, пожалуй, шаромъ, уже также безвременно существуютъ всѣ пункты нашего метафизическаго движенія въ координаціи со всѣми пунктами такого-же движенія другихъ существъ и освѣщаются отдѣльными актами нашего сознанія во всѣхъ его функціяхъ. Но, къ сожалѣнію, эти метафизическія звенья нашей міровой связи отражаются въ сознаніи весьма неполно и отрывочно, а потому метафизическое истолкованіе явленій нашего сознанія не легко, такъ какъ въ него входятъ сложные выводы изъ трудно провѣряемыхъ предположеній. Поэтому весьма было-бы удобно воспользоваться понятіями Аристотеля для выраженія отношеній между двумя областями, въ которыхъ терминъ движенія употребляется въ переносномъ смыслѣ и сказать, что метафизическое движеніе есть „первое по природѣ“, а психологическое есть „первое для насъ“. По этому „первому для насъ“, данному непосредственно въ сознаніи, мы должны построить путемъ спекулятивнаго мышленія „первое по природѣ“, не данное непосредственно въ сознаніи. Теперь-же я могу перейти...

На этихъ словахъ рѣчь Сократа прервали Калгановъ и Красоткинъ уже нѣсколько минутъ подслушивавшіе ее. Они вмѣстѣ съ Поспѣловымъ, оказавшимся пассажиромъ, сидѣвшимъ въ другомъ концѣвагона, тихохонько подошли къ намъ, дѣлая мнѣ руками знаки, чтобы я ничего не говорилъ Сократу, занятому разговоромъ, объ ихъ присутствіи.

„Извините Сократъ Ивановичъ“, сказалъ, обращаясь къ нему, Калгановъ, „что я нарушаю вашу бесѣду, желая ввести въ нее новаго собесѣдника, уже знакомаго вамъ профессора, Поспѣлова“.

Поспѣловъ, поздоровавшись съ нами, съ своей стороны, также извинился въ нарушеніи бесѣды и просилъ Сократа продолжать свою рѣчь съ того пункта, на которомъ его прервали. Затѣмъ Красоткинъ сѣлъ на свое старое мѣсто рядомъ со мною, а Калгановъ съ Поспѣловымъ сѣли на пустыхъ концахъ двухъ скамеечекъ противоположной стороны.

Сократъ (нѣсколько смутившись и обращаясь къ Поспѣлову). Собственно говоря, я хотѣлъ повести рѣчь о новомъ пунктѣ въ томъ вопросѣ, о которомъ мы разсуждали съ Петромъ Семеновичемъ, а потому вы, въ сущности, не прервали нити нашего разговора (Обращаясь къ Синайскому). Позвольте, кстати, мнѣ воспользоваться весьма удобнымъ случаемъ для иллюстраціи одного пункта нашего теперешняго разговора. Вотъ, сейчасъ произошло метафизическое движеніе, состоящее въ нашемъ переходѣ отъ одного звена въ общеміровой связи и взаимодѣйствіи нашихъ субстанцій съ субстанціями трехъ нашихъ почтенныхъ знакомыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующая этому метафизическому переходу психологическая перемѣна въ нашемъ сознаніи, т. е. появленіе въ немъ зрительныхъ и осязательныхъ образовъ ихъ тѣлъ, а также и нашихъ умозаключеній объ ихъ мысляхъ и чувствахъ, сдѣланныхъ на основаніи звуковъ и словъ, отнесенныхъ нами къ нимъ, какъ причинамъ, произведшимъ эти слова и звуки и тому подобное.

Калгановъ. Ну, господа, видите-ли, какъ у него *умъ за разумъ* зашелъ. Да какая-же тутъ метафизика, когда вы собственными глазами видите, что, вотъ, тутъ, на этомъ мѣстѣ, къ вамъ подошли три человѣка, которыхъ вы можете, если хотите, не только видѣть, но даже ощупать. И какое еще нашли вы звено общеміровой связи въ томъ, что знакомые люди повстрѣчались въ вагонѣ. А когда въ Петербургѣ всѣ разъѣдемся по домамъ, то и звено распадается! Хо-

роша-же міровая связь изъ такихъ звеньевъ! (Къ Поспѣлову). Что вы скажете на это, профессоръ!

Поспѣловъ (Калганову). Полагаю, что и безъ моего посредничества вы сами можете объясниться съ Сократомъ Ивановичемъ, а я, можетъ быть, обращусь къ нему съ своимъ собственнымъ вопросомъ.

Сократъ (Калганову). Да, вѣдь, я ужь вамъ тысячу разъ говорилъ, что дѣйствительныхъ субстанцій нельзя ни видѣть, ни ощупывать, ни обнюхивать. (Махнувъ рукой и обратившись къ Поспѣлову). Впрочемъ, онъ спрашиваетъ, такъ сказать, только для зубоскальства и разсыпятся или нѣтъ звенья міровой связи и существуетъ-ли она— это его нисколько не интересуетъ. А, вотъ, мнѣ интересно было-бы узнать, съ чѣмъ вы сами желали-бы обратиться ко мнѣ.

Поспѣловъ. Да, если позволите, я сдѣлаю одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, что вмѣсто метафизическихъ предположеній объ источникѣ движенія нужно было-бы обратиться съ вопросомъ объ его сущности къ точнымъ наукамъ, гдѣ съ полною ясностью и обстоятельностью дано и опредѣленіе этого явленія, и изслѣдованы законы всѣхъ формъ его, напр., къ механикѣ и къ физикѣ. Метафизическія-же гипотезы могутъ оказаться карточными домиками, а законы движенія, изслѣдуемые точными науками, *непреложны*, ибо они подтверждаются такими несомнѣнными и поразительными фактами, каковы, напр., предвидѣнія астрономами тѣхъ мѣстъ, которыя будутъ занимать небесныя свѣтила спустя десятки и сотни лѣтъ. Вотъ эти-то науки и даютъ намъ точное опредѣленіе движенія, по которому оно есть не что иное, какъ перемѣна мѣстъ тѣлами въ пространствѣ съ тою или другою скоростью, а тѣла даны намъ въ нашемъ чувственномъ опытѣ. Конечно, говоря о движеніи, мы соприкасаемся и съ областью психологіи, но мнѣ кажется, въ отношеніи къ движенію, психологія занимаетъ второстепенное мѣсто для его объясненія, а первое принадлежитъ физикѣ и механикѣ. Что-же касается до метафизики, то, по моему, безъ нея и совсѣмъ можно обойтись, ибо метафизическій пере-

ходъ отъ „однихъ звеньевъ міровой связи къ другимъ“, о которомъ вы говорили, есть безполезное предположеніе, не подлежащее и не могущее подлежать никакой *научной* провѣркѣ.

Сократъ. Я, съ своей стороны. думаю, что физика и механика вовсе не могутъ объяснить движенія, и считаю, что сдѣлать это могутъ только, съ одной стороны, *психологія*, а съ другой — *теорія познанія* съ *метафизикой*. Не могу также согласиться и съ вашимъ мнѣніемъ, что будто бы теорія метафизическаго движенія не подлежитъ научной провѣркѣ. По моему, всякія предположенія, ихъ провѣрка и доказательство, вообще вся человѣческая научная дѣятельность зависитъ въ послѣдней инстанціи ни отъ чего другого, какъ отъ правильнаго мышленія вообще, а не отъ тѣхъ или другихъ особенныхъ предметовъ, къ которымъ оно прилагается въ тѣхъ или другихъ частныхъ наукахъ.

„Теперь я опять стану на тотъ путь, по которому я шелъ въ разговорѣ съ Петромъ Семеновичемъ и съ котораго меня столкнула слѣпая поспѣшность Петра Ѳомича. Надѣюсь, что отъ васъ, какъ ученика такихъ именитыхъ ученыхъ, подъ руководствомъ которыхъ вы работали за-границей, не укрылась наивность сдѣланнаго имъ мнѣ возраженія и что вы не станете спорить со мною въ томъ, что понятіе о движеніи, состоящее въ перемѣнѣ мѣста въ пространствѣ совершенно условное и имѣетъ значковый характеръ. Въ немъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, которыя существуютъ только въ нашихъ представленіяхъ, а именно въ тѣхъ, которыя состоятъ изъ ощущеній зрѣнія и осязанія въ связи съ мускульными, т. е. тѣхъ же самыхъ, которыя подаютъ поводъ и къ образованію идеи пространства. А такъ какъ пространство само по себѣ не существуетъ, то и это физическое движеніе вмѣстѣ съ видимыми и осязаемыми тѣлами реально не существуетъ. Но такъ какъ далѣе задача философіи, какъ науки, въ томъ и состоитъ, чтобы объяснить перемѣны въ явленіяхъ нашего сознанія изъ реальной природы нашего и другихъ существъ и ихъ дѣятельностей, то и намъ съ Петромъ Семеновичемъ пришлось не-

избѣжно коснуться метафизическаго взаимодѣйствія нашей субстанціи съ другими. Къ сожалѣнію, въ нашемъ сознаніи обнаруживаются только ничтожные отрывки этого взаимодѣйствія, а потому и путь нашего совершенствованія заключается въ томъ, чтобы постепенно переходить къ большей ширинѣ актовъ сознанія и такимъ образомъ постепенно охватывать въ немъ все большую и большую долю нашей реальной связи со всѣмъ міромъ. Что-же касается до *предвидѣній*, на которыя вы ссылаетесь, то они происходятъ не потому только, что образовались точныя науки съ строго формулированными законами движенія, а потому, что люди вообще отмѣчаютъ и понимаютъ правильную координацію перемѣнъ въ состояніяхъ своего сознанія, что, въ концѣ концовъ, и выражается въ этихъ пресловутыхъ законахъ. Поэтому астрономическія и даже метеорологическія предвидѣнія дѣлались (конечно, только въ меньшемъ числѣ) и въ самой отдаленной древности, когда еще о такъ называемыхъ точныхъ наукахъ и рѣчи не было. Въ концѣ концовъ я не могу принять опредѣленія движенія, какъ перемѣны мѣста тѣломъ въ пространствѣ по той причинѣ, что оно сопряжено съ противорѣчіемъ, котораго не замѣчаютъ и не хотятъ замѣчать представители точныхъ наукъ, но которое давно уже отмѣчено философами.

Поспѣловъ (съ пренебреженіемъ). Да ужъ не хотите-ли вы выдвинуть пресловутые софизмы Зенона вродѣ „Ахилла и черепахи“, которыми забавлялись въ греческихъ философскихъ школахъ взрослые дѣти, подобно тому, какъ теперешніе школьники иногда забавляются доказывая, что діаметръ равенъ хордѣ и т. под.

Сократъ. Да отчего-жъ бы мнѣ и не *выдвинуть* эти мнимые софизмы? Вѣдь, до сихъ поръ ихъ никто не опровергъ, не смотря на то, что многіе пытались сдѣлать это и для того даже пускали въ ходъ высшую математику, не соображая того, что вопросъ совсѣмъ не относится къ области математики ни высшей, ни низшей, а подлежитъ логикѣ и философской теоріи познанія. Впрочемъ, есть не мало философовъ, знакомыхъ съ математикой, которые добросовѣстно при-

знаютъ, что Зеноновы версіи о движеніи до сихъ поръ никѣмъ не опровергнуты.

Поспѣловъ. А мнѣ помнится, напротивъ, что софизмъ „о быстроногомъ Ахиллѣ и медлительной черепахѣ“ опровергнутъ еще Аристотелемъ.

Сократъ. Извините, но мнѣ кажется, что ваше воспоминаніе не совсѣмъ точно. Правда, Аристотель *опровергалъ, но не опровергъ* Зенона, мнимый софизмъ котораго, какъ вамъ извѣстно, выраженъ въ такой дѣтски-наивной, но остроумной формѣ. Быстроногій Ахиллъ, говоритъ, по преданію, Зенонъ, никогда не можетъ догнать медлительной черепахи, потому что, по предположенію, пока Ахиллъ дойдетъ до того мѣста, отъ котораго пошла черепаха, она въ это время все-таки продвинется впередъ и т. д., значитъ, такимъ образомъ дѣло пойдетъ въ безконечность. Разстояніе между Ахилломъ и черепахой сравнительно съ прежнимъ можетъ уменьшаться до безконечности, но никогда не обратится въ нуль. Конечно, для ясности дѣла нужно отвлечься отъ шуточной формы проблемы и выразить ее абстрактно черезъ двигающіяся точки. Въ сущности смыслъ проблемы Зенона сводится къ вопросу: какъ можно сосчитать безконечное число, потому что между всякими двумя точками пространства лежитъ безконечное количество точекъ. Слѣдовательно, если движеніе есть перемѣна мѣста въ пространствѣ, то оно оказывается немыслимымъ, ибо, допустивши его, мы предполагаемъ возможность *счесть* безконечное число, т. е., *нѣчто неисчислимое,* или *исчерпать неисчерпаемое, пройти непроходимое,* словомъ, впадаемъ въ полное противорѣчіе въ терминахъ.

„Что-же касается до упоминаемой вами попытки Аристотеля опровергнуть Зенона тѣмъ, что онъ въ своемъ „Ахиллѣ“ упустилъ изъ виду время, дѣлимость котораго идетъ параллельно дѣлимости пространства и что въ безконечности моментовъ времени, даннаго въ какихъ либо предѣлахъ, можетъ быть исчерпано безконечное количество точекъ, черезъ которое должна пройти движущаяся точка—то

прежнее затрудненіе этимъ нисколько не разрѣшается, а только переносится изъ одного элемента понятія движенія на другой: *съ пространства на время.* Тогда возникаетъ новый вопросъ, какъ исчерпать и реализировать безконечное число моментовъ въ какое либо опредѣленное время, напр., въ часъ, минуту и т. под. Впрочемъ, мнѣ *тоже помнится,* что и самъ Аристотель послѣ отказался отъ своей попытки. Но такъ называемымъ софизмомъ „Ахилла и черепахи" не исчерпываются затрудненія, на которыя указалъ—не софистъ, а, сколько намъ извѣстно изъ скудныхъ преданій объ его жизни, чрезвычайно стойкій и мужественный человѣкъ и мыслитель,—Зенонъ. Я хочу напомнить вамъ о другой его версіи: „летящая стрѣла спокойно лежитъ" (или неподвижна), гдѣ уже совсѣмъ не приложима уловка Аристотеля перевести затрудненіе изъ одного мѣста въ другое. Если движеніе состоитъ въ перемѣнѣ вещью мѣста въ пространствѣ, то, значитъ, ея покой состоитъ въ томъ, что она всегда одинаково къ себѣ относится, или занимаетъ пространство равное ей самой. Значитъ, если нѣчто двигающееся, напр., стрѣла, въ каждый моментъ занимаетъ пространство равное ему самому, то все движеніе стрѣлы состоитъ изъ *суммы моментовъ покоя,* которая, конечно, не можетъ дать движенія, подобно тому, какъ безчисленное повтореніе: *теперь, теперь, теперь...* не дастъ времени или безчисленное повтореніе одной точки не дастъ пространства. Противорѣчіе этой второй версіи Зенона всего ярче можно выразить такъ: что *движущійся предметъ не въ разное, а въ одно и то же время въ одномъ и томъ-же мѣстѣ есть и не есть...*

Поспѣловъ (перебивая). Извините, что я васъ остановлю. Я, признаться сказать, былъ непослѣдователенъ въ томъ, что своей ссылкой на Аристотеля далъ вамъ поводъ удариться въ стародавнюю схоластику и выйти изъ сферы единственно возможной философіи, а именно *философіи научной.* Конечно, вы сейчасъ же и воспользовались моею неосторожностью и подняли споръ не о законахъ *реальнаго* движенія, но о *возможности* для Ахилла догнать черепаху, когда они

еще совсѣмъ не двигались съ мѣста. Конечно, объ этомъ можно поспорить вѣка, а черепаха съ Ахилломъ все будутъ стоять на своихъ мѣстахъ. Но, слава Богу, мы живемъ въ концѣ XIX вѣка, когда философія начинаетъ стоять на твердомъ базисѣ *фактовъ*, констатированныхъ науками, и прежде всего точными науками, представители которыхъ не станутъ безплодно сравнивать движенія, когда имъ не дана ихъ *дѣйствительная* или *предполагаемая скорость*. Поэтому вопросъ о томъ, когда Ахиллъ догонитъ черепаху, безъ всякихъ затрудненій разрѣшитъ всякій школьникъ, если ему скажутъ, въ какую единицу времени проходятъ Ахиллъ и черепаха ту или другую единицу пространства. Этимъ я хочу только сказать, что философія должна отправляться отъ понятій, *данныхъ въ точныхъ наукахъ*, и уже на нихъ строить гипотезы, могущія опять таки подлежать научной провѣркѣ.

Сократъ (съ нѣкоторымъ озлобленіемъ). Да откуда же вы взяли, что естественныя науки имѣютъ дѣло съ реальностью, а потому и должны служить базисомъ для философіи? А, по моему, онѣ никогда не соприкасаются ни съ чѣмъ реальнымъ, а только съ условными понятіями и если мы думаемъ, на ихъ почвѣ строить науку о *дѣйствительно сущемъ*, то ничего другого, кромѣ грубаго матеріализма, въ результатѣ выйти не можетъ, и вся мнимая постройка философіи на базисѣ естествовѣдѣнія состоитъ только изъ *субстанціированія* понятій *времени*, *пространства*, *матеріи* и *движенія*. Что же касается до вашихъ представителей точныхъ наукъ, то на ихъ вопросъ о скорости движенія черепахи и Ахилла Зенонъ просто сказалъ бы, что они не понимаютъ, или прикидываются не понимающими поднятаго имъ вопроса. Въ своихъ версіяхъ Зенонъ оспариваетъ и существованіе, и возможность движенія, какъ они понимаются ходячимъ мнѣніемъ; а потому, спрашивая о скорости, вы уже *догматически утверждаете* это существованіе и только повторяете то, что уже давно продѣлано древними, оспаривавшими Зенона. Вамъ, конечно, извѣстенъ разсказъ о какомъ то циническомъ или стоическомъ фило-

софѣ, который думалъ возразить на философемы Зенона тѣмъ, что *сталъ шагать*, но этимъ quasi-наглядным возраженіемъ онъ только дѣлалъ логическую ошибку, извѣстную подъ названіемъ: ignoratio или mutatio elenchi. Въ новое время ту же ошибку повторяли и современники Берклея, которые на его ученіе о томъ, что матеріальныя вещи суть только идеи, *якобы остроумно*, возражали предложеніемъ удариться головой объ идею, называемую стѣною, или питаться идеями, одѣваться въ идеи и т. д. Во всякомъ случаѣ Зенонъ былъ вполнѣ правъ, что и не смотря на *кажущуюся* реальность движенія, отрицалъ его возможность, ибо если нѣтъ, какъ мы уже это видѣли, реальныхъ времени и пространства, то не можетъ быть и реальнаго движенія. Если же кто хочетъ считать за таковое физическое движеніе со всѣми его математическими опредѣленіями, какъ это дѣлается въ точныхъ наукахъ, тотъ непремѣнно долженъ сперва допустить противорѣчіе въ своемъ исходномъ пунктѣ. Это совершенно походитъ на то, какъ, по теоріи Аристотеля, древняя трагедія должна неизбѣжно въ своей основѣ предположить всѣ нелѣпости миѳа, и только въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она уже можетъ подчиняться требованіямъ разума.

Поспѣловъ. Такъ, по вашему, и точныя науки, подобно древнимъ трагедіямъ, выходятъ изъ нелѣпыхъ основаній, а ужь потомъ становятся разумомъ, т. е. науками, да еще точными. Для меня это, извините, не иное что, какъ философскій фокусъ, который я попрошу васъ мнѣ объяснить. Да, кстати, я былъ бы вамъ также весьма благодаренъ, если бы вы уяснили мнѣ ваше *темное утвержденіе*, что будто бы естественныя науки стоятъ, по вашему, не на реальной, а на какой-то *условной* почвѣ.

Сократъ. Да, мнѣ, кстати, и не далеко ходить за примѣромъ желательнаго для васъ объясненія. Не смотря на то, что въ самомъ дѣлѣ древнія трагедіи построены на нелѣпомъ миѳическомъ основаніи, мы все таки и до сихъ поръ считаемъ ихъ за великія произведенія генія человѣческаго и удивляемся ихъ реальной правдѣ въ

изображеніи различныхъ человѣческихъ чувствъ, страстей, мыслей и дѣйствій и за согласіе всего ихъ содержанія съ законами дѣйствительности и законами разума. Что же касается до вашего удивленія, какъ такъ называемыя точныя науки, которыя, конечно, суть созданія разума, могутъ въ основѣ своей имѣть условныя и даже фиктивныя понятія, а въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ представлять цѣлыя системы понятій о законахъ явленій или событій, подлежащихъ провѣркѣ на опытѣ или безспорному предвидѣнію и предсказанію, то въ обширной области явленій жизни человѣческой есть и на это чрезвычайно замѣчательные и поучительные примѣры. Я хочу напомнить вамъ, во первыхъ, о человѣческихъ играхъ, напр., въ карты, особенно же въ шахматы, и далѣе о болѣе серьезныхъ вещахъ той же категоріи, именно о фиктивныхъ военныхъ дѣйствіяхъ или маневрахъ. Здѣсь мы имѣемъ условныя понятія войны, борьбы, войска, его составныхъ элементовъ и ихъ дѣятельности вмѣстѣ и въ отдѣльности, условное поле для столкновенія борящихся силъ для ихъ эволюцій, маршей, контръ-маршей, военныхъ хитростей и т. п. и т. п. Здѣсь, несмотря на всю фиктивность и условность войны, ея силъ или элементовъ и орудій, появляются и развиваются вполнѣ реальныя чувства и страсти, сопровождающія и настоящую войну, каковы, напр., торжество побѣды, стыдъ пораженія, ревность соперничества, зависть и даже ненависть, наконецъ, являются не только нравственныя, но даже и матеріальные результаты и трофеи борьбы и т. п.

Поспѣловъ (улыбаясь иронически). А все таки не смотря на Ахилла, не дѣлающаго шага въ погонѣ за черепахою, и не смотря на летящую стрѣлу, которая лежитъ, инженеры и механики прокладываютъ желѣзныя дороги, строятъ мосты и ѣздятъ по нимъ; астрономы предсказываютъ движенія свѣтилъ безъ всякой помѣхи со стороны безконечнаго числа точекъ въ пространствѣ и безконечнаго числа моментовъ во времени, по вашему мѣшающихъ движенію!..

Сократъ (Сердито). Но, вѣдь, то, что вы сейчасъ говорите, есть только повтореніе того, что сдѣлалъ философъ, который въ опроверженіе

Библиотека ООН

Зенона началъ шагать, или же повтореніе вашего требованія дать скорость движенія, т. е., въ обоихъ случаяхъ допускается движеніе безъ его обосновки и вопреки его противорѣчивому опредѣленію. Но если вы хотите такъ насильственно отстаивать противорѣчіе, то я вамъ скажу, что ваши инженеры и астрономы, въ сущности сами того не подозрѣвая, исходятъ *не изъ мнимаго* физическаго движенія, а изъ *дѣйствительной* психологической смѣны актовъ ощущенія (или движенія), въ концѣ-же концовъ изъ соотвѣтствующаго ей метафизическаго движенія или взаимодѣйствія субстанцій въ общеміровой связи.

Поспѣловъ (улыбаясь). Признаюсь, если перемѣна мѣста въ пространствѣ есть нѣчто мнимое, то очень любопытно было бы слышать отъ васъ, что значило бы, напр., пропутешествовать изъ Петербурга... ну, хоть въ Москву?

Сократъ. Куда хотите?! не только въ Москву, но хоть въ Африку къ источникамъ Нила. Сдѣлать это путешествіе, по моему, значило бы, во первыхъ, *пережить* психологическую смѣну безчисленныхъ ощущеній: зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, мускульныхъ и т. п. Во вторыхъ, пережить соединенныя съ этими ощущеніями чувства, желанія, образы фантазіи, представленія и понятія или мысли. Но кромѣ огромной массы этихъ актовъ или состояній, пережитыхъ сознательно, нужно не забывать объ еще гораздо большей массѣ ощущеній (движеній), которыя вслѣдствіе ничтожной степени ихъ интенсивности рядомъ съ сознательными пережиты были бы безсознательно. Эти безсознательные акты ощущенія обыкновенно разумѣются нами подъ именемъ явленій физіологическихъ, химическихъ, физическихъ и т. под. Въ концѣ концовъ пропутешествовать изъ Петербурга къ источникамъ Нила значило бы принять участіе въ метафизическомъ движеніи различныхъ субстанцій, составляющихъ міръ и объединенныхъ въ вѣчныхъ бытіи и дѣятельности субстанціи высочайшей.

При этихъ словахъ Сократа раздался свистокъ, означавшій, что мы подъѣзжаемъ къ петербургскому вокзалу.

„Въ настоящую минуту“, продолжалъ Сократъ, обращаясь къ Поспѣлову, „мы должны прикончить нашу бесѣду, но если въ вѣчномъ бытіи уже какъ либо есть моя встрѣча съ вами и ваше желаніе еще разъ поговорить о томъ же предметѣ, то я могъ бы объяснить вамъ, вслѣдствіе какихъ ошибокъ мышленія происходитъ то противорѣчивое и опровергнутое Зенономъ понятіе движенія и какъ можно, по моему, весьма благополучнымъ образомъ устранить это противорѣчіе, не трогая высшей математики, а просто остерегаясь отъ естественной для человѣка склонности субстанціировать абстрактныя понятія и не давать себѣ отчета въ процессѣ своей-же собственной мыслительной дѣятельности.

Калгановъ (обращаясь ко всѣмъ). Слышите, господа, опять онъ заводитъ рацеи о какомъ то безвременномъ бытіи. Докажемъ же ему во-очію, что все бываетъ во времени, а по сему я усиленно прошу васъ сегодня пораньше, часовъ въ семь, напр., собраться у меня попить чайку и закусить чѣмъ Богъ пошлетъ. На всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ и на Сократа Ивановича я разсчитываю навѣрное, но буду особенно просить (обращаясь къ Поспѣлову) профессора сдѣлать мнѣ большую честь и удовольствіе своимъ посѣщеніемъ. Ужъ то то мы прижмемъ его (указывая на Сократа) къ времени и во времени.

Поспѣловъ (Калганову). Я готовъ исполнить вашу просьбу, если и всѣ остальные согласны и если вы мнѣ дадите вашъ адресъ.

Калгановъ. Такъ, какъ же, господа, вы согласны?

И когда всѣ обѣщали быть у Калганова, то онъ поблагодарилъ Поспѣлова, отдалъ ему свою карточку съ адресомъ, и сказалъ, что онъ самъ сейчасъ же опять полетитъ въ Царское, чтобъ притащить и Карамазовыхъ.

БЕСѢДА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ бесѣдѣ съ Поспѣловымъ, Синайскимъ, Красоткинымъ и Иваномъ Карамазовымъ Сократъ сперва указываетъ на источникъ противорѣчія въ понятіи движенія и говоритъ объ условіяхъ происхожденія этого понятія и о трехъ стадіяхъ его развитія: субъективной, объективной и абстрактной. Источникъ противорѣчія, вскрытый Зенономъ, заключается, по мнѣнію Сократа, прежде всего въ отсутствіи яснаго понятія о происхожденіи идеи движенія и объ его не реальномъ, но только идеѣномъ бытіи, потомъ въ неразличеніи вышеуказанныхъ стадій развитія этой идеи и, наконецъ, въ ложномъ мнѣніи, что количество есть необходимая принадлежность движенія вообще. Отсюда, думаетъ Сократъ, происходитъ постоянное смѣшеніе движенія въ субъективной стадіи его пониманія, гдѣ оно отмѣчается и оцѣнивается посредствомъ, такъ называемаго, чувственнаго воспріятія, съ пониманіемъ движенія въ объективно-абстрактной стадіи его развитія, устанавливаемой и оцѣниваемой мышленіемъ. Противорѣчіе состоитъ въ томъ, что люди, употребляя слова: прежде, послѣ, теперь, по предположенію, понимаютъ ихъ въ одномъ смыслѣ, а между тѣмъ, эти термины могутъ имѣть и имѣютъ различное значеніе и при томъ такъ, что сами употребляющіе ихъ не сознаютъ и не замѣчаютъ этого различія. Далѣе Сократъ объясняетъ происхожденіе понятія скорости движенія отъ сравненія одного движенія съ другимъ и указываетъ на то, какъ въ это понятіе вносится много недоразумѣній господствующимъ метафорическимъ его употребленіемъ. Въ концѣ бесѣды Сократъ развиваетъ мысль, что про-

странство, время и движеніе, не бывши реальностями, все таки могутъ быть понимаемы какъ символы различныхъ отношеній реальностей другъ къ другу.

Когда я въ началѣ 8-го пріѣхалъ къ Калганову, то нашелъ у него братьевъ Карамазовыхъ съ Катериной Ивановной и Сократа съ Синайскимъ. Калгановъ и Синайскій передавали Карамазовымъ разговоры, происходившіе въ вагонѣ, причемъ Калгановъ старался представить Сократа въ искаженномъ видѣ, а Синайскій оспаривалъ и поправлялъ его. Самъ же Сократъ, хотя и слушалъ это, но упорно молчалъ; и когда Иванъ Карамазовъ обратился къ нему съ вопросомъ: почему онъ самъ не разскажетъ, какъ было дѣло, то Сократъ отвѣчалъ: «Когда Петръ Ѳомичъ разсказываетъ что либо обо мнѣ, то я припоминаю поговорку: „мели Емеля, твоя недѣля“! и спокойно выслушиваю его мелево, нисколько ему въ томъ не препятствуя. Въ настоящую же минуту тѣмъ болѣе не буду препятствовать, что слышу и вижу приготовленія къ чаю и съ удовольствіемъ ожидаю его».

Въ эту минуту послышался звонокъ и появились Красоткинъ съ Поспѣловымъ, къ которому, поздоровавшись, Алексѣй Карамазовъ обратился съ вопросомъ: „А васъ таки опять Богъ снесъ съ Сократомъ Ивановичемъ и вы препирались съ нимъ въ вагонѣ?“

Поспѣловъ. Да, вѣдь, и нѣтъ возможности не спорить съ нимъ, потому что онъ говоритъ такія странныя вещи, что не утерпишь, чтобы не возразить! Вотъ, и сейчасъ придется, можетъ быть, поспорить съ нимъ по поводу, оставшагося за нимъ въ долгу, объясненія, которое онъ не успѣлъ сдѣлать давеча въ вагонѣ. Услыхавъ это, Сократъ, который уже началъ пить чай, отвѣчалъ Поспѣлову: „за мной недоимки не останется! Вотъ хлебну чайку и выплачу ее“.

„Такъ извольте же выслушать“, сказалъ онъ, допивши стаканъ: „чтобы устранить противорѣчіе, заключающееся въ понятіи движенія, намъ нужно прежде всего указать на условія, при которыхъ образуется эта идея. Во-первыхъ, она невозможна прежде, чѣмъ образовались идеи времени и пространства. Это не значитъ, что образованію идеи

движенія должно предшествовать по времени полное развитіе тѣхъ идей во всѣхъ его стадіяхъ. Необходимо только, чтобы идеѣ движенія у людей предшествовали время и пространство, хотя бы въ первой или *субъективной* стадіи своего образованія. Послѣдующія же двѣ стадіи, т. е. *объективная* и *абстрактная* всѣхъ трехъ формъ, т. е. пространства, времени и движенія могутъ развиваться почти одновременно.

Для того, чтобы мыслить движеніе, первоначальнымъ условіемъ служитъ сознаніе, не измѣняющагося, въ теченіе нѣкотораго времени, *поля* зрѣнія или осязанія, потому что, какъ и пространство, движеніе образуется отъ этихъ чувствъ, которыя даютъ *объектъ движенія*, т. е., движущійся зрительный или осязательно-мускульный элементъ. Далѣе нужно, чтобы въ противоположность этому неизмѣнному полю зрѣнія былъ отмѣчаемъ какой либо пунктъ его, который измѣнялъ бы свое относительное положеніе къ другимъ пунктамъ, ибо если бы постоянно измѣнялось по своему содержанію *цѣлое поле* зрѣнія или осязанія, тогда не могло бы быть отмѣчено движеніе, но происходила бы только одна безпорядочная смѣна въ состояніяхъ сознанія. Но и этого мало! Нужно чтобы прежнія мѣста, въ которыхъ находился движущійся объектъ, удерживались бы въ памяти и такимъ образомъ могли бы быть относимы другъ къ другу и сравниваемы, ибо безъ этого воспоминанія и сравненія *не возникло бы* идеи о прохожденіи имъ пространства. Очевидно также, что перемѣна объектомъ мѣста или пространственнаго отношенія къ другимъ объектамъ не должна происходить въ сознаніе мгновенно, ибо опять таки не возникло бы понятія движенія. Нужно, чтобы прохожденіе объектомъ пространства было отмѣчено и сознано. Значитъ, замѣчу я кстати, идея пространства уже должна быть готова ранѣе; и далѣе нужно, чтобы *непрерывность* перемѣны положенія была соединена съ ея *замѣтностью*.

Поспѣловъ. Да, позвольте!? вычисляя эти условія для образованія понятія движенія, вы, вѣдь, только описываете, какъ мы наблюдаемъ *его объективное* происхожденіе и тѣмъ невольно подтверждаете объ-

ективное существованіе движенія *въ природѣ*, а не въ нашей мысли, которая только воспроизводитъ природу.

Сократъ (улыбаясь). Напрасно изволите упрекать меня, не дослушавши въ моемъ объясненіи самого главнаго пункта, изъ котораго можете ясно увидѣть, что то понятіе движенія, которое мы имѣемъ, есть только нашъ умственный актъ, а вовсе *не дѣйствіе* природы. Всѣ сейчасъ исчисленныя мною условія суть *только элементы* для нашего понятія движенія, въ ихъ разрозненности, можетъ быть, доступные и животнымъ, которыя, однако, вообще не имѣютъ понятій, значитъ, и понятія движенія. Для этого всего важнѣе, чтобы нашимъ безвременнымъ и безпространственнымъ субъектомъ, или душою были не только *ощущены* и *отмѣчены* всѣ эти образы, отношенія и состоянія въ отдѣльности, но и *отнесены* одни къ другимъ во многихъ актахъ сравненія, *поняты* съ различныхъ точекъ зрѣнія, и наконецъ, *соединены въ то единое цѣлое*, которое и составляетъ понятіе, выражаемое словомъ: движеніе. Отдѣльно же взятые всѣ эти элементы ничего не могутъ дать кромѣ смутныхъ, противорѣчивыхъ понятій, какъ это и было обнаружено Зенономъ передъ его противниками, которые понимали движеніе тоже догматически, не задумываясь надъ вопросами о времени, пространствѣ, перемѣнѣ въ немъ мѣста и тому подобное.

Синайскій (обращаясь къ Сократу). Вѣрно ли будетъ, если я выражу вашу мысль такъ: ни отмѣченный въ сознаніи субъекта *объектъ и* даже *нѣсколько* таковыхъ *объектовъ*; ни идея отношенія этихъ объектовъ другъ къ другу (далеко, близко); ни внезапно совершившаяся перемѣна въ положеніи этихъ объектовъ—все это еще не даетъ идеи движенія, которая появляется только въ нашемъ актѣ мышленія, соотносящаго всѣ эти отдѣльные элементы и понимающаго ихъ въ связи и заразъ?

Сократъ. Вѣрно!

Синайскій. Но все таки я не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ въ результатѣ этого акта мышленія оказывается, повидимому, *абсолютно-*

необходимое противорѣчіе, что движущееся въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и *есть* и *не есть*, и на которое остроумно указано Зенономъ въ его „летящей стрѣлѣ". Какъ, спрашиваю я себя, не обращаютъ вниманія на это противорѣчіе не только люди вообще, но, напр., ученые естествовѣды, вся наука которыхъ вращается около понятія движенія? А какъ! думаете вы съ своей стороны? возможно ли, какъ либо устранить это противорѣчіе?

Сократъ. Абсолютно - необходимое противорѣчіе едва ли можно допустить, потому что противорѣчіе есть принадлежность не реальнаго бытія, а идейнаго, т. е., относится къ содержанію человѣческаго мышленія. Во-первыхъ, для человѣка все таки есть нѣкоторая возможность воздержаться отъ актовъ мышленія, приводящихъ къ противорѣчію, честно ограничивъ себя словечкомъ: *не знаю*. Во-вторыхъ, какъ бы долго противорѣчіе ни отравляло мысль, оно все таки, съ теченіемъ времени, можетъ быть замѣчено и преодолѣно. Что же касается до самаго глубокаго его источника въ понятіи движенія, то, по моему, этотъ источникъ заключается въ томъ, что люди причисляютъ движеніе вмѣстѣ съ пространствомъ и временемъ не къ идейной, а реальной области бытія, т. е., существующей самой по себѣ, а не только въ содержаніи нашего мышленія. Но *ближайшими*, вытекающими изъ этого коренного источника, причинами противорѣчія служитъ прежде всего *неразличеніе* стадій развитія, чрезъ которыя проходитъ это понятіе, подобно пространству и времени: *субъективной*, *объективной* и *абстрактной*. Къ этой причинѣ присоединяется далѣе обычное *недоразумѣніе*, что будто-бы количество или число есть неизбѣжная принадлежность движенія вообще (также какъ времени и пространства), между тѣмъ какъ оно необходимо привходитъ къ этому понятію только въ абстрактной стадіи его развитія. Вѣдь, моменты: *теперь*, *прежде*, *послѣ*, хотя и допускаютъ приложеніе къ нимъ *продолжительности* и *числа*, все таки, по своей природѣ, суть *только отношенія*, слѣдовательно, недѣлимы и не подлежатъ какимъ либо особымъ опредѣленнымъ мѣрамъ, по какому либо опре-

дѣленному масштабу. Это обстоятельство и вноситъ огромную разницу въ наше отношеніе къ движенію въ субъективной и объективно абстрактной стадіяхъ развитія у насъ этого понятія. Въ этихъ обѣихъ стадіяхъ совершенно различны *пониманіе* и *оцѣнка* момента, принимаемаго за *настоящее время* (теперь), что неизбѣжно и ведетъ къ противорѣчію, о которомъ мы говоримъ. Въ нашемъ дѣтствѣ или же у дикарей, когда человѣкъ стоитъ ближе къ животнымъ и живетъ, по преимуществу, такъ называемымъ *чувственнымъ воспріятіемъ* и несознаваемою или механическою ассоціаціею образовъ, не подвергая ихъ процессамъ *разлагающаго* и *соединяющаго* мышленія, когда онъ нисколько не интересуется количествомъ движенія (скоростью) или какою либо болѣе или менѣе точною мѣрою его продолжительности; иначе говоря, когда человѣкомъ движеніе объекта воспринимается въ субъективной стадіи in concreto: то сознаніе двухъ различныхъ положеній движущагося объекта, т. е., *здѣсь* и *тамъ* или *такъ* и *этакъ*, падаетъ, соотвѣтственно силѣ природной воспріимчивости нашего существа въ одно и то-же *субъективное теперь*. Но такъ какъ это *теперь* можетъ заключать въ себѣ, сколько угодно, и по какому угодно масштабу, объективно-абстрактныхъ мѣръ времени, то, слѣдовательно, субъективная оцѣнка движенія на основаніи чувственнаго воспріятія, чуждая противорѣчію, сейчасъ же подвергнется ему, какъ скоро въ нее войдетъ, путемъ *смѣшенія понятій*, абстрактная точка зрѣнія, основанная не на воспріятіи, а на мышленіи. Мышленіе, *оторванное* отъ естественной связи съ ощущеніемъ, воспріятіемъ и другими нашими дѣятельностями, уже не можетъ допустить, чтобы *здѣсь* и *тамъ*, *такъ* и *этакъ* падали въ чисто субъективный пунктъ воспріятія: *теперь*, а необходимо требуетъ распаденія ихъ въ разныя части настоящаго времени, мыслимаго in abstracto дѣлимымъ до безконечности, на ряду съ пространствомъ, а также и движеніемъ.

„Итакъ, ближайшая причина противорѣчія въ понятіи движенія зависитъ отъ *различныхъ масштабовъ*, по которымъ мы сравниваемъ и опредѣляемъ движеніе, причемъ *смѣшиваются* и *отождествляются*

акты оцѣнки его въ субъективномъ воспріятіи съ актами той же оцѣнки въ объективно-абстрактномъ мышленіи. . . .

Поспѣловъ (прерывая Сократа). Извините, что я немножко прерву васъ, для лучшаго уясненія дѣла. Какъ по вашему, дѣти и дикари мыслятъ или нѣтъ?

Сократъ (съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ). Дѣти?! Дѣти, можно сказать, первоначально, т. е., въ младенчествѣ, не мыслятъ, но мало по малу *входятъ* въ эту человѣческую функцію; взрослые же дикари несомнѣнно мыслятъ, хотя мышленіе ихъ, какъ и дѣтей въ раннемъ возрастѣ, смутно, отрывочно и большею частію протекаетъ столь же безсознательно, какъ и механическая ассоціація идей, принадлежащая одинаково какъ людямъ, такъ и животнымъ, хотя едва ли возможно приписать послѣднимъ мышленіе въ строгомъ смыслѣ этого термина.

Поспѣловъ. Но, впрочемъ, я предложилъ свой вопросъ о мышленіи дѣтей не изъ желанія узнать вашу теорію мышленія, а только для вывода слѣдствія изъ вашихъ разсужденій. Во всякомъ случаѣ, мышленіе дѣтей и дикарей ниже, чѣмъ мышленіе образованныхъ взрослыхъ и тѣмъ болѣе *научныхъ* людей, а, по вашему, выходитъ, что чѣмъ человѣкъ мыслитъ смутнѣе, тѣмъ его мысль о движеніи свободнѣе отъ противорѣчія, т. е., тѣмъ онъ мыслитъ правильнѣе; а чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ болѣе онъ входитъ въ противорѣчіе. Такъ ли это, по вашему? и если такъ, то не странно ли это?

Сократъ (съ досадою). А по моему такъ ничего нѣтъ страннаго! Избѣжать ошибокъ, сопряженныхъ съ какой либо дѣятельностью, можно *двумя путями:* или совсѣмъ не браться за нее, или же выполнять ее въ совершенствѣ. Человѣкъ, не играющій вовсе на какомъ либо музыкальномъ инструментѣ, никогда не дѣлаетъ ошибокъ, свойственныхъ играющимъ на немъ. Животное, которому совсѣмъ не доступно мышленіе о движеніи, никогда и не входитъ въ противорѣчіе по поводу этого понятія. Дитя и дикарь, мыслящіе о немъ смутно, избѣгаютъ противорѣчія тѣмъ, что понимаютъ движеніе только въ

конкретномъ воспріятіи и не мыслятъ о немъ абстрактно. Взрослые же способны мыслить о движеніи кромѣ того и in abstracto; особенно же образованные и ученые люди постоянно практикуютъ это мышленіе и тѣмъ самымъ становятся способными *смѣшивать* его продукты съ конкретными продуктами не яснаго мышленія, соединеннаго съ чувственнымъ воспріятіемъ, и при этомъ, конечно, входить въ противорѣчіе. Но за то у нихъ есть возможность проникнуть въ самый корень или *послѣднее основаніе* этого противорѣчія и тѣмъ радикально преодолѣть его. Ставши на истинно-философскую точку зрѣнія, они могутъ понять, что реальнаго движенія *нѣтъ* и что естественныя науки для своихъ цѣлей пользуются условнымъ понятіемъ движенія. Не входя въ вопросъ о происхожденіи и реальности времени, пространства и движенія, они принимаютъ ихъ условно, *какъ количество*, существующее само по себѣ и всегда имѣющее опредѣленныя или же неопредѣленныя, но подлежащія опредѣленію, мѣру и число. Такимъ образомъ, во всѣхъ наукахъ принимается *хронологическое, непрерывно и равномѣрно текущее* время, измѣряемое по тому или другому масштабу. Въ наукахъ о природѣ принимается *абстрактно-геометрическое* пространство, измѣряемое тѣми или другими условными мѣрами; и наконецъ *абстрактно-механическое* движеніе, совершаемое абстрактною физико-химическою матеріею съ тою или другою скоростью. Само собою разумѣется, что соединяемое условно съ понятіями времени, пространства и движенія количество, въ смыслѣ ихъ реальной принадлежности, предохраняетъ представителей естественныхъ наукъ отъ противорѣчія, хотя они и не сознаютъ этого, а думаютъ, что причина успѣшности ихъ дѣйствій въ открытіи и формулировкѣ, такъ называемыхъ, законовъ природы заключается въ мнимой *реальности* и непосредственной *данности* въ сознаніи предмета ихъ занятій. . . .

Красоткинъ (обращаясь къ Сократу). Хоть убейте меня, а я все таки не понимаю, въ чемъ и гдѣ та сорная трава, которую люди вообще, а ученые въ особенности, должны вырвать съ корнемъ, чтобы не впадать въ противорѣчіе!

Сократъ (сердито ворчитъ). Ну, ну! Вотъ такъ баня! (Говоритъ съ разстановкою). Сорная трава состоитъ въ томъ, что люди, употребляя *одни и тѣ же* слова: теперь, прежде и послѣ, разумѣютъ подъ ними *разное*, смотря по ихъ развитію и умственной точкѣ зрѣнія, съ которой они на самомъ дѣлѣ понимаютъ эти слова, между тѣмъ какъ въ то же время, обманываясь тождествомъ звуковъ, думаютъ, что эти слова и значатъ одно и то же. Такъ, напр., одно и то же „теперь“, если взглянуть на него съ точки зрѣнія субъективнаго, ребяческаго воспріятія, будетъ заключать въ себѣ уже не одно, а многія „теперь“, если перейти на точку зрѣнія взрослаго въ его объективномъ воспріятіи, т. е., относящемся къ измѣряемымъ или объективнымъ движеніямъ, и, наконецъ, то-же самое *одно* теперь заключаетъ въ себѣ *безконечное* количество таковыхъ же *теперь*, если стать на точку зрѣнія абстрактнаго, т. е., возможнаго воспріятія. Сорная трава и состоитъ въ непониманіи, или смутномъ пониманіи, этого обстоятельства, а вырвать ее съ корнемъ, значитъ, понять это, т. е., понять, что движеніе не есть нѣчто само по себѣ сущее, а существуетъ только въ нашемъ мышленіи, проходящемъ черезъ различныя стадіи развитія.—„Но“, продолжалъ Сократъ, наливая себѣ стаканъ вина, „большихъ объясненій я дать ужъ не способенъ и даже долженъ свои ослабѣвшія силы подкрѣпить винцомъ“.

Синайскій. Ну, теперь ужъ я попробую предложить вамъ на разрѣшеніе свое затрудненіе, въ которомъ (улыбаясь) можетъ быть вы и выручите меня, подкрѣпившись винцомъ. *Откуда* и *какъ* является *количество* въ понятіи *скорости*, относящемся къ движенію, состоящему въ перемѣнѣ мѣста, и, конечно, немыслимомъ безъ времени и пространства. Сами по себѣ они, какъ вы уже говорили, *не суть* количества, хотя и допускаютъ количественное измѣреніе. Теперь спрашивается, откуда привходитъ количество къ движенію: отъ времени, или отъ пространства, или отъ обоихъ вмѣстѣ, и какъ это могло бы быть, ибо, вѣдь, количества времени и пространства не соизмѣримы другъ съ другомъ? нельзя сравнивать и сосчитывать, напр., футы или дюймы съ часами или минутами!

Сократъ. Вопросъ вашъ замысловатъ, но, кажется, что я могу кое-что отвѣтить на него. Количество въ движеніи, конечно, происходитъ отъ измѣренія пространства и времени, но, однако, *не прямо, а косвенно.* Какъ во времени всякая величина происходитъ отъ сравненія одной продолжительности съ другою, какъ въ пространствѣ всякое количественное опредѣленіе происходитъ отъ сравненія одной протяженности съ другою, такъ и въ движеніи его количество происходитъ отъ сравненія одного движенія съ другимъ *движеніемъ-же* (а не съ временемъ и пространствомъ, какъ таковыми), положимъ, медленнѣйшаго движенія съ быстрѣйшимъ. Вотъ это то различіе и отношеніе движеній по ихъ медленности или быстротѣ и можетъ быть выражено при помощи *отношенія* величинъ временныхъ къ пространственнымъ. Значитъ, количество, привходящее къ движенію и называемое *скоростью,* возникаетъ не вслѣдствіе отношенія времени къ пространству, а вслѣдствіе сравненія и отношенія однихъ движеній къ другимъ, т. е., когда, напр., въ равное время одинъ предметъ проходитъ большее пространство, а другой меньшее. По моему, если бы *всѣ* движенія были равномѣрны или если бы существовало только *одно* движеніе, то невозможно было бы и понятіе скорости и, конечно, выраженіе ея чрезъ отношеніе количества протяженности къ количеству продолжительностей, потому что ни отношеніе большаго времени къ меньшему, ни отношеніе большаго протяженія къ меньшему не можетъ выражать движенія, но только отношеніе между проходимыми протяженностями, сравнительно съ продолжительностями этого прохожденія.

Карамазовъ Иванъ (обращаясь къ Сократу). Если я вѣрно понимаю, о чемъ сейчасъ былъ разговоръ, то, кажется, вы *настаиваете,* что скорость движенія не есть выраженіе отношенія пространства ко времени, а только отношеніе одного движенія къ другому, словомъ, что хотя пространство съ временемъ и необходимы для происхожденія понятія движенія, но все таки они не суть прямо источники понятія скорости. Но, однако, мнѣ случалось встрѣчать, что даже извѣстные

ученые *говорятъ о скорости* движенія представленій во времени, да и вообще всѣ мы такъ говоримъ и понимаемъ, что, напр., чувства или волненія или же желанія слѣдуютъ другъ за другомъ, положимъ, съ чрезвычайною быстротою, т. е., значитъ, двигаются во времени. Мнѣ даже помнится, что какъ то и вы сами разъ упоминали о движеніи идей во времени. Такъ не можете ли вы мнѣ объяснить, какъ должно понимать такія выраженія?

Сократъ. Васъ не было, когда я въ вагонѣ объяснялъ *три рода* движенія: метафизическое, психологическое и физическое, и когда я говорилъ, что терминъ: движеніе, собственно принадлежитъ послѣднему и что употребленіе его въ двухъ первыхъ отношеніяхъ есть только *метафора*. Въ первомъ случаѣ этой метафоры движеніемъ называется *переходъ* въ нашей метафизической связи съ другими субстанціями отъ однихъ взаимодѣйствій съ ними къ другимъ. Во второмъ-же случаѣ имъ называется психологическая *смѣна* разныхъ нашихъ состояній, которая, впрочемъ, выражается терминомъ: *перемѣна*. Терминъ-же: движеніе, принадлежитъ спеціально физическому движенію въ пространствѣ. Къ этому я, пожалуй, сейчасъ добавлю еще, что вообще *распространенію* метафорическаго употребленія термина: движеніе, способствуетъ абстрактная ступень развитія этого понятія, такъ что при все увеличивающемся господствѣ этого абстрактнаго понятія изъ него *какъ-бы исчезаетъ* пространственный элементъ и выступаетъ только одинъ временный. Такъ, напр., мы, нисколько не помышляя о метафорѣ, обычно говоримъ о *быстромъ движеніи* кого-либо по лѣстницѣ государственной службы, по ступенямъ умственнаго развитія, обогащенія и т. п. Во всякомъ случаѣ *пусть* ученые и даже философы *забываютъ* о метафорическомъ употребленіи терминовъ, я совѣтовалъ-бы себѣ и вамъ неослабно помнить объ этомъ, ибо только тогда можно смѣло посягать на метафору, не боясь умственно заблудиться въ ней.

Поспѣловъ (къ Сократу). Извините, я все-таки не могу еще (улыбаясь) отпустить васъ на волю. Пусть будетъ такъ, какъ вы на-

стаиваете, движеніе въ пространствѣ не реальнымъ, но, вѣдь, кажется, по вашему, оно есть отраженіе взаимодѣйствія субстанцій. Теперь я спрошу васъ, что-же само это взаимодѣйствіе, по вашему, дѣйствительно существуетъ или только кажется?

Сократъ. Да, оно дѣйствительно существуетъ.

Поспѣловъ. Вотъ теперь мнѣ и интересно было-бы узнать, какимъ образомъ нѣчто дѣйствительно существующее даетъ въ результатѣ только какую-то видимость, ведущую къ противорѣчіямъ, т. е., къ нелѣпости.

Сократъ. Признаюсь для меня вопросъ вашъ не кажется затруднительнымъ. Конечно, по моему, связь наша со всѣми субстанціями міра, при посредствѣ высочайшей, дѣйствительно существуетъ, но она до такой степени сложна, переплетена и превосходитъ размѣръ и силы нашего сознанія и нашихъ дѣятельностей вообще и познавательныхъ въ частности, т. е., воображенія и мышленія, что мы обнять и выразить ее вполнѣ и точно, или, какъ говорятъ философы, *адекватно*, не имѣемъ никакой возможности. Поэтому весьма естественно, что въ различіи реальнаго отъ кажущагося и въ теоріяхъ, въ которыхъ мы пытаемся установить понятіе о реальности, мы можемъ заблуждаться. Въ особенности-же трудно освободиться отъ ошибокъ, которымъ подвергаетъ насъ вліяніе *воображенія*. Когда воображеніе является въ чистомъ своемъ видѣ безъ соединенія съ мышленіемъ, напр., у животныхъ и дѣтей, то оно составляетъ у нихъ какъ-бы низшую ступень познавательной дѣятельности, вполнѣ *практическую* и достаточную для самыхъ элементарныхъ потребностей жизни. Въ этомъ видѣ оно не можетъ вводить въ тѣ *спеціальныя* ошибки и заблужденія, какія свойственны мышленію. Но когда у взрослыхъ и даже образованныхъ, вообще много и энергически мыслящихъ людей, воображеніе идетъ объ руку съ мышленіемъ и даже значительно подавляется имъ, то, какъ-бы ни было у человѣка энергично это мышленіе, все-таки его мыслящая дѣятельность и ея акты никогда не могутъ вполнѣ освободиться отъ, хотя-бы и мало замѣтнаго, вліянія воображенія. Мнѣ,

конечно, теперь нѣтъ возможности вдаваться въ подробности всѣхъ заблужденій мысли подъ вліяніемъ воображенія въ разныхъ областяхъ человѣческаго знанія, но нельзя не упомянуть объ этомъ вліяніи въ области *высшаго* знанія, именно философскаго. Подъ вліяніемъ воображенія, напр., время и пространство понимаются, какъ готовыя или сосчитанныя безконечности; пространство понимается какъ нѣчто вродѣ безконечнаго ящика, въ которомъ помѣщены всякія реальности; время какъ нѣчто вродѣ безконечной нитки, на которую нанизываются — всѣ событія и перемѣны и т. д.

Но когда мы въ нашемъ историко-философскомъ мышленіи преодолѣемъ всѣ эти продукты воображенія и смутнаго мышленія, то поймемъ, что и такъ называемыя вещи матеріальнаго міра и ихъ движенія суть только *значки* или *символы* тѣхъ субстанцій, съ которыми мы общимся и взаимодѣйствуемъ. Но тогда и *только тогда* ничто не мѣшаетъ намъ признать и за пространствомъ съ временемъ и движеніемъ нѣкоторую *прикровенную истину* и понять ихъ какъ *символы* существующихъ дѣйствительностей и ихъ отношеній. Такъ въ пространствѣ мы можемъ видѣть символъ того, что реальныя субстанціи существуютъ не изолированно, но въ одной охватывающей всѣхъ ихъ связи. Время можетъ служить для насъ символомъ того, что единая связь между субстанціями, символизированная пространствомъ, не есть *неподвижная тождественность*, нѣчто вродѣ сѣтки или мѣшка, содержимое котораго мертвенно хранится въ немъ; но что, оставаясь единою, эта *связь* тѣмъ не менѣе постоянно *измѣняется* въ порядкѣ и распредѣленіи этого содержимаго, т. е., что неизмѣнныя сами по себѣ субстанціи *живоподвижны* въ своихъ *акциденціяхъ*. Затѣмъ движеніе можетъ символизировать для насъ то, что эта подвижность акциденцій въ субстанціяхъ не есть измѣняющаяся, случайно, внезапно и безсмысленно, но составляетъ постепенный, правильный и имѣющій смыслъ переходъ отъ одного общенія субстанцій къ другому, третьему, четвертому и т. д., при чемъ все увеличивающіяся число и сложность акциденцій всѣхъ и каждой субстан-

ціи входятъ въ болѣе гармоничный и болѣе цѣлесообразный порядокъ ихъ взаимоотношенія и взаимодѣйствія, отъ чего и зависитъ совершенствованіе всѣхъ и каждой субстанціи. Мнѣ кажется, что такое пониманіе пространства, времени и движенія вполнѣ удовлетворительно отвѣчаетъ на предложенный вами вопросъ.

Послѣ этихъ словъ Сократа хозяинъ предложилъ гостямъ ужинъ, который прошелъ весьма весело, благодаря юмору, съ которымъ Сократъ, повидимому, добродушно и серьезно разспрашивалъ Катерину Ивановну о томъ, что она теперь читаетъ въ „Ребусѣ“, и объ ея знакомствѣ съ спиритами. Особенно ловко онъ наводилъ ее на разсказы, въ которыхъ заключались или явно противорѣчивыя выраженія вродѣ „*видимыхъ* и *осязаемыхъ* духовъ“ или же пустыя и даже пошлыя, по своему содержанію, такъ называемыя *медіумическія явленія*. Не догадываясь объ ироніи Сократа, Катерина Ивановна съ увлеченіемъ разсказывала, что Гуровская и ея знакомые ждутъ ежедневно на возвратномъ пути изъ Индіи и Тибета Блаватскую, около которой ежеминутно совершаются разнообразные „феноменчики“, по ея выраженію, что съ нею въ постоянномъ общеніи находится (какъ-бы spiritus familiaris) особый духъ Кутъ-хуми (впрочемъ, я хорошо не разслышалъ его имени), который является къ ней по первому ея требованію. Далѣе Катерина Ивановна разсказывала, что въ кружкѣ спиритовъ хотятъ выписывать изъ Италіи медіума, превосходящаго своею силою всѣхъ доселѣ извѣстныхъ медіумовъ.

Когда собесѣдники разставались, то Катерина Ивановна объявила, что завтра, т. е., въ воскресенье, у ней на дачѣ будетъ праздноваться благополучное окончаніе экзаменовъ дочери Сократа, а потому его съ дочерью она приглашала къ себѣ съ самаго утра, а всѣхъ остальныхъ гостей Калганова къ обѣду.

БЕСѢДА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ возникшемъ, по поводу экзаменовъ дочери Сократа, разговорѣ со мною и Калліановымъ о задачѣ, средствахъ и методахъ средняго образованія, Сократъ защищаетъ положеніе, что окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ философіи. Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Царское, у Сократа начался разговоръ съ Карамазовой и Серебряковой о вещахъ нашего, такъ называемаго, чувственнаго воспріятія. Этотъ вопросъ тотчасъ-же привелъ ихъ снова къ понятію бытія, при чемъ Сократъ доказывалъ, что это понятіе возникаетъ не изъ чувственнаго воспріятія, а потому и не принадлежитъ естественнымъ наукамъ: оно вполнѣ интеллектуальное и метафизическое. При этомъ онъ различаетъ постоянно смѣшиваемыя понятія бытія и познанія и далѣе указываетъ на необходимость бороться съ языкомъ, который ведетъ къ мысли, что бытіе или существованіе можно видѣть или вообще познать путемъ чувствъ. Отсюда прямо вытекаетъ слѣдствіе, что свойства вещей, повидимому, данныя въ чувственномъ воспріятіи, вовсе имъ не принадлежатъ, а только приписываются нами. Въ концѣ-концовъ Сократъ подводитъ такой итогъ цѣлому разговору, что непосредственно мы сознаемъ только свое существованіе и свои дѣятельности, о чужомъ же существованіи и функціяхъ мы знаемъ только по аналогіи съ собою, т. е., на основаніи вывода. Затѣмъ когда Иванъ Карамазовъ поднялъ вопросъ о, такъ называемыхъ (по Локку), первичныхъ и вторичныхъ качествахъ вещей, то Сократъ полагалъ, что какъ тѣ, такъ и другія составляютъ одинаково нашу принадлежность. Итакъ, заключаетъ Сократъ, во-первыхъ, нельзя допустить

предположенія, чтобы сами вещи какъ-либо переходили въ насъ; во-вторыхъ, чтобы онѣ переходили въ насъ, въ видѣ оттисковъ, которые какъ-либо были бы сходны съ вещами. Значитъ, если мы отрицаемъ у вещей цвѣта, звуки, запахи и проч., то совершенно точно такъ же имѣемъ право отрицать у нихъ и протяженность, непроницаемость и проч. такъ называемыя первичныя качества. Наконецъ, если бы даже вещи и на самомъ дѣлѣ были протяженными, непроницаемыми и проч., то въ воспріятіи онѣ не могли бы казаться таковыми.

Когда я на другой день за утреннимъ чаемъ обдумывалъ, куда мнѣ идти и что дѣлать до обѣда у Карамазовыхъ, то ко мнѣ неожиданно вошелъ Калгановъ и узнавши, что я свободенъ отъ какого-либо спѣшнаго дѣла, сталъ уговаривать меня сейчасъ же съ утра отправиться къ Карамазовымъ, предполагая, что на вокзалѣ мы, всего вѣроятнѣе, столкнемся съ Сократомъ и проведемъ пріятно время дорогою. Я согласился; и мы поѣхали на вокзалъ, гдѣ дѣйствительно встрѣтили Сократа, тоже отправлявшагося вмѣстѣ съ дочерью въ Царское.

Когда мы сѣли въ вагонъ, то барышня разсказывала намъ о ходѣ своихъ экзаменовъ, что и подало поводъ къ бесѣдѣ, въ которой Сократъ критически оцѣнивалъ постоянно поднимающіеся въ нашей литературѣ споры о полезности или безполезности экзаменовъ, о такъ называемомъ переутомленіи, о количествѣ времени, употребляемомъ на изученіе наукъ, преподаваемыхъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, о наукахъ, которыя должны лечь въ основу образованія;—вообще о *задачахъ*, *цѣляхъ* и *методахъ* первоначальнаго и особенно средняго образованія и т. п. Сократъ поддерживалъ ту мысль, что всѣ эти споры ни къ какому окончательному и удовлетворительному рѣшенію привести не могутъ, потому что у спорящихъ нѣтъ общей почвы, на которой бы они могли сойтись и примирить *различные* интересы и точки зрѣнія, съ которыхъ въ своихъ спорахъ смотрятъ на дѣло этого образованія.

Одни, напр., имѣютъ въ виду болѣе всего интересы родителей, которые обыкновенно желаютъ, чтобы воспитаніе и образованіе достались ихъ дѣтямъ съ возможно меньшимъ напряженіемъ и возможно большимъ сбереженіемъ ихъ силъ для наслажденія жизнью; другіе же, игнорируя интересы и чувства родителей, видятъ въ учащихся нѣчто въ родѣ машинъ, долженствующихъ производить со временемъ возможно большія количества работы; третьи главнымъ образомъ заботятся объ интересахъ учителей и воспитателей; четвертые смотрятъ на дѣло народнаго и общественнаго образованія съ точки зрѣнія цѣлей государства и правительства и т. д. Такъ какъ въ этихъ спорахъ обыкновенно принимаютъ участіе журналисты и публицисты различныхъ литературныхъ органовъ, то къ приведеннымъ сейчасъ различіямъ мнѣній присоединяются еще другія различія, основанныя на традиціяхъ литературныхъ партій: консервативной и либеральной, съ ихъ оттѣнками. Отсюда въ литературѣ по вопросу объ общественномъ воспитаніи и образованіи царствуетъ хаотическое столкновеніе мнѣній, которыя, по Сократу, если и могли бы быть какъ—либо соглашены, то только съ точки зрѣнія философіи, которая тѣмъ не менѣе или прямо отвергается спорящими, или же игнорируется, какъ нѣчто безполезное и къ дѣлу не идущее. Только философія, думаетъ онъ, могла бы дать прочные критеріи и твердыя основанія для системы воспитанія и образованія человѣка, какъ члена цѣлаго міра, человѣчества, гражданскаго общества, народа, семьи и т. п. Только съ точки зрѣнія этой іерархической координаціи его функцій могли бы быть примирены и законно удовлетворены и высшія вѣчныя цѣли общественной жизни и низшія, или разнообразная модификація первыхъ, сообразно съ тѣмъ или другимъ историческимъ временемъ и ступенями развитія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. Правда, эта философская точка зрѣнія implicite предполагается и въ существующихъ спорахъ, но такъ смутно и не ясно, что de facto вовсе не принимается въ соображеніе участвующими въ спорахъ, которые оттого неизбѣжно носятъ характеръ отголоска чисто-

субъективныхъ и случайныхъ мнѣній, не ведущихъ къ общепризнанному и плодотворному результату.

На эти мысли мы съ Калгановымъ возражали Сократу, что, такъ какъ философія существуетъ въ разныхъ направленіяхъ и системахъ, то и она не только не оправдаетъ надежды Сократа на прекращеніе разногласія, а, пожалуй, еще болѣе усложнитъ и запутаетъ спорный вопросъ. На это Сократъ отвѣчалъ намъ слѣдующими словами:

„Если бы даже и признать за вашими возраженіями ту силу, которую вы за ними предполагаете, т. е., что философія не можетъ служить *послѣднею инстанціею* для разрѣшенія споровъ о цѣляхъ и методахъ образованія, то все-таки пришлось бы обратиться къ ней же, потому что въ области науки объ обществѣ *всякій важный вопросъ*, въ концѣ концовъ, приведетъ къ рѣшенію его съ философской точки зрѣнія. Наука объ обществѣ относится къ философіи вовсе не такъ, какъ другія частныя науки, напр., физика, химія и пр., т. е., что она можетъ быть изучаема въ значительной мѣрѣ независимо отъ какой-либо философской системы на основаніи отчасти данныхъ какой-либо другой частной науки, а отчасти же путемъ индуктивныхъ обобщеній изъ опыта, какъ это принято въ позитивистической соціологіи. Напротивъ, наука объ обществѣ или, пожалуй, соціологія (дѣло, вѣдь, не въ имени) всецѣло входитъ въ кругъ философскихъ дисциплинъ: теоріи познанія, метафизики и проч. Она, именно, прямо примыкаетъ къ метафизикѣ, которая вообще трактуетъ о природѣ, отношеніяхъ и координаціи реальныхъ существъ въ общеміровомъ бытіи. Наука же объ обществѣ трактуетъ спеціально о людяхъ, ихъ жизни, дѣятельности и развитіи въ связи и соотношеніи другъ съ другомъ, а также и съ жизнью и дѣятельностью всѣхъ другихъ существъ, входящихъ въ міръ. Безъ философско-телеологическихъ основаній невозможны ни существованіе соціологіи, ни разрѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, а между ними и вопроса объ общественномъ воспитаніи и образованіи. Но если этотъ вопросъ неизбѣжно приводитъ къ философской точкѣ зрѣнія, то чѣмъ скорѣе его

рѣшеніе вмѣсто случайныхъ частныхъ соображеній отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ группъ перейдетъ къ философіи, тѣмъ лучше, потому что во всякомъ случаѣ выиграется время.

„Что же касается до того источника споровъ, который зависитъ отъ различія философскихъ направленій, то значеніе его, по моему, обыкновенно преувеличивается вслѣдствіе поверхностнаго мнѣнія о кажущемся множествѣ философскихъ направленій. Всѣ философскія разногласія и различія въ направленіяхъ могутъ быть, при строгомъ ходѣ разсужденія, сведены къ *тремъ* существеннымъ различіямъ: *спиритуализму* или, по моему, лучше бы сказать, *панпсихизму*, (хотя и этотъ терминъ не вполнѣ удовлетворяетъ меня), *матеріализму*, и *позитивизму*, который, впрочемъ, очень рѣдко является въ чистомъ видѣ безъ примѣси матеріализма. Что касается до меня, то я усматриваю, что въ настоящее время матеріализмъ все болѣе и болѣе теряетъ свой кредитъ у его сознательныхъ приверженцевъ. Затѣмъ остается борьба между панпсихизмомъ и позитивизмомъ; но я имѣю надежду на побѣду перваго; есть признаки, что и позитивизмъ перестаетъ удовлетворять даже наиболѣе вѣрныхъ его послѣдователей, т. е., представителей естественныхъ наукъ, которые, повинуясь потребностямъ разума и чувства, пробуютъ къ тому, что они считаютъ наукою, приладить обрывки различныхъ религіозныхъ вѣрованій, начиная отъ христіанскихъ и кончая спиритизмомъ.

„Я тѣмъ упорнѣе продолжаю стоять на требованіи разрѣшенія вопроса объ общественномъ образованіи на основаніи философіи, что споры, возникающіе изъ частныхъ и односторонихъ соображеній неизбѣжно должны идти въ безконечность, потому что во всѣхъ этихъ соображеніяхъ есть всегда нѣкоторая доля справедливости, ради которой каждый будетъ считать за собою полное право во что-бы то ни стало отстаивать свое мнѣніе...“

На этихъ словахъ Сократа поѣздъ прибылъ въ Царское Село; и мы, выйдя изъ вагона, отправились пѣшкомъ на дачу Карамазовыхъ.

Придя на дачу, мы застали Катерину Ивановну съ Серебряковой

въ столовой сидящими за столомъ, съ котораго горничная убирала самоваръ и другія чайныя принадлежности. Поздоровавшись съ нами, Катерина Ивановна сказала, что ея мужъ съ братомъ и дѣтьми пошли пройтись по саду и велѣла было снова приготовить чай для насъ, но мы отказались, заявивъ, что пили его еще дома. Затѣмъ Сократъ, вглядываясь въ обѣихъ дамъ, замѣтилъ у нихъ слѣды нѣкотораго возбужденія и обратился къ нимъ съ вопросомъ: „мнѣ кажется, что вы какъ будто, чѣмъ-то обезпокоены. Вотъ, я вижу, что Анна Михайловна розовѣе, чѣмъ обыкновенно, и, если не ошибаюсь, то порозовѣла она отъ какого-то раздраженія. (Осклабляясь). Не можете-ли вы удовлетворить мое любопытство на счетъ причины этого явленія?“

Карамазова. Да, вотъ, Анна Михайловна все спорила съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и какъ бы вы думали, изъ за чего стало дѣло? Все изъ за васъ! Анна Михайловна обвиняла васъ, что вы считаете всѣ эти вещи (указывая кругомъ рукою) нашими фантазіями, а Алексѣй Ѳедоровичъ говорилъ, что это неправда, что, по вашему, онѣ какъ-то существуютъ.

Сократъ (улыбаясь). Не знаю, вѣрно-ли вы передаете ихъ выраженія, употребленныя въ спорѣ? Но если вѣрно, то, по моему, они оба не совсѣмъ точно передаютъ мою мысль.

Серебрякова (съ увлеченіемъ). Да развѣ вы не говорили постоянно, что этого матеріальнаго міра нѣтъ, что эти камни, деревья, животныя, люди, которыхъ мы видимъ вокругъ насъ, суть только продукты нашей фантазіи.

Сократъ. Можетъ быть, иногда я и высказывался, точь въ точь, въ этихъ самыхъ словахъ, но всегда, однако, въ молчаливомъ предположеніи, что они понимаются *не отрывочно* и въ общепринятомъ смыслѣ, *а въ связи* съ другими положеніями, которыя я высказывалъ или одновременно съ этой фразой или же въ разное время. Понимаемыя безъ связи они будутъ ошибочны и заслуживаютъ обвиненія, которое противъ нихъ поднимаетъ Анна Михайловна;—въ связи

же они невинны и заслуживаютъ одобренія, на которое я, однако, не разсчитываю, зная, какъ люди скупы на признаніе истинъ, пока онѣ еще не признаны многими, т. е., пока онѣ еще не *поистерлись* и не *повыдохлись*, т. е., потеряли свой первоначальный цвѣтъ и ароматъ.

Серебрякова (сурово). Ну! ужь вы начали свои *прибаутки*: будемъ разсуждать безъ нихъ. Объясните же теперь сами, что вы разумѣете подъ всѣми этими вещами: существуютъ онѣ, или не существуютъ?

Сократъ. А что вы хотите сказать этимъ послѣднимъ вопросомъ?

Серебрякова. Сильно опасаюсь, что не то, что вы говорили, когда опредѣляли понятіе бытія *), и что я, признаюсь, тогда не совсѣмъ поняла. Теперешній же мой вопросъ о существованіи этихъ вещей значитъ: были бы онѣ тѣми же самыми, если бы вовсе не было бы ни васъ, ни меня, никого изъ людей, т. е., были бы онѣ такими, какъ вы выражаетесь, сами по себѣ, нисколько не нуждаясь въ томъ, знаетъ ихъ или не знаетъ какой бы то ни было, человѣкъ или даже животное?

Сократъ (улыбаясь). Очень жаль, что, можетъ быть, и по моей винѣ, но вы тогда не поняли моихъ объясненій понятія бытія, потому что въ противномъ случаѣ вы не дѣлали бы сейчасъ ошибки, состоящей въ томъ, что на вопросъ о томъ, что значитъ: быть, вы въ отвѣтъ сейчасъ употребляли слова: „существовали, были, были бы, не были бы“, тогда какъ нужно сначала опредѣлить, что значатъ эти слова! Ну, да, впрочемъ, поднимать опять прежнее разсужденіе теперь нѣтъ ни времени, ни охоты, а потому я пока удовлетворяюсь вашимъ теперешнимъ объясненіемъ въ надеждѣ, что мы и изъ него выберемся на настоящую дорогу. Итакъ, что значитъ, что „всѣ эти вещи были бы такими же, если бы никого не было бы: ни людей, ни животныхъ?“ Что значитъ, напр., „что это дерево (указывая въ окно) было бы такимъ же?“

---

*) См. „Свое Слово“, № 2-й, Бесѣда V-я. *Прим. редакт.*

Серебрякова. Это значитъ, что оно было бы зеленымъ...

Сократъ. Т. е., когда бы его никто не видѣлъ. Мнѣ кажется, что такая вещь, какъ зеленый цвѣтъ существуетъ только для зрячихъ, для видящихъ, людей, или же животныхъ.

Серебрякова (сердито). Ну, вотъ! опять начались придирки! Хорошо! я согласна: цвѣтовъ, самихъ по себѣ не существуетъ, но все-таки дерево существовало бы и безъ зрячихъ: былъ бы стволъ и вѣтки съ листьями, онѣ качались бы, шелестѣли отъ вѣтра.

Сократъ. Даже и *шелестѣли бы*, хотя бы, никого не было бы, кто слышалъ бы этотъ шелестъ. Стволъ былъ бы гладкій или шероховатый, хотя бы никого не было, кто его могъ бы осязать. Тотъ-же стволъ былъ бы круглый, вѣтки выходили бы изъ ствола подъ угломъ, хотя бы никого не было, кто понималъ бы и то, и другое. Такъ, что-ли? Кстати, такъ какъ вы уже взяли назадъ цвѣтъ листьевъ, то, значитъ, нужно, чтобы не только листья, но и кора вѣтокъ, ствола и проч. была бы никакого цвѣта...

Серебрякова (совсѣмъ разсердившись). Значитъ, по вашему ничего не стоятъ... да и не нужно наукъ и ученыхъ; а я, слава Богу, признаю и науки, и ученыхъ, которые говорятъ намъ...

Сократъ (мягко и заискивающимъ тономъ). Не сердитесь же Анна Михайловна! я, вѣдь, и самъ чту науки и преклоняюсь передъ учеными. Но, вѣдь, вы едва-ли можете назвать мнѣ науку или ученыхъ, которые бы думали и утверждали, что вещь можно считать цвѣтною безъ существъ, которыя бы ее видѣли или безъ предположенія, что ее могли бы видѣть какія либо зрячія существа. Точно то же разсужденіе можно сдѣлать относительно гладкости и шероховатости, круглоты вещи (въ нашемъ примѣрѣ дерева), подвижности и неподвижности, напр., вѣтвей. Словомъ, нѣтъ и не можетъ быть ученыхъ, которые бы допустили, разумѣется, одумавшись надлежащимъ образомъ, чтобы можно было заикнуться о чемъ либо существовавшемъ, существующемъ или имѣющемъ существовать въ этомъ окружающемъ насъ мірѣ безъ предположенія существъ видящихъ, слышащихъ, чув-

ствующихъ и т. д. и главное безъ предположенія, подобныхъ намъ, мыслящихъ существъ. Значитъ, первоначальное ваше утвержденіе, что эти окружающія насъ вещи *существуютъ сами по себѣ*, независимо отъ другихъ, оказывается несостоятельнымъ, значитъ, эти вещи существуютъ не сами по себѣ, а для насъ, въ нашемъ представленіи, въ нашихъ предположеніяхъ, безъ которыхъ ихъ существованіе равно ничто.

Серебрякова (съ тѣмъ же раздраженіемъ). Но, вѣдь, ученые говорятъ же, что когда-то была только матерія въ атомахъ и молекулахъ безъ всякихъ существъ видящихъ, слышащихъ, осязающихъ и проч.

Сократъ (улыбаясь). Вѣрно! для матеріи въ атомахъ не нужно существъ видящихъ, осязающихъ, но нельзя обойтись безъ *мыслящихъ*, вотъ эти-то ученые и мыслятъ *теперь*, что *когда-то* существовала только матерія въ невидимыхъ, неслышимыхъ и проч. атомахъ. Впрочемъ, я не могу признать ихъ мысль правильною, потому что въ ней тихомолкомъ признается реальность матеріи и времени, чего я не могу допустить...

При этихъ словахъ Сократа въ комнату вошли братья Карамазовы. Когда они поздоровались съ нами, то Иванъ Ѳедоровичъ спросилъ у Катерины Ивановны: Что это? уже не началъ-ли ратоборствовать Сократъ Ивановичъ?

Катерина Ивановна. Да! они съ Анной Михайловной заспорили опять о томъ же, о чемъ она сейчасъ спорила съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ.

Карамазовъ Алексѣй. А! это мнѣ интересно! Такъ и мы прислушаемся! Пожалуйста, продолжайте.

Катерина Ивановна (неожиданно обращаясь къ Сократу). А я вотъ что подумала при вашихъ послѣднихъ словахъ: вѣдь, можно же, чтобы что нибудь существовало, а не было никого, кому было бы извѣстно, что оно существуетъ и что оно такое.

Сократъ. Ну, на это я скажу, что нѣчто, которое, по своей при-

родѣ, оставалось бы для насъ совершенно не сознаваемымъ, а потому и не могло бы быть предметомъ познанія, стало бы для насъ уже *не нѣчто, а просто ничто*, отъ котораго такое нѣчто ровно ничѣмъ не отличалось бы. Вообще же, всякій, кто думаетъ или говоритъ, или спрашиваетъ о существованіи чего-нибудь, все-таки уже что нибудь имѣетъ въ виду касательно существованія, о которомъ думаетъ или спрашиваетъ. Словомъ, у него уже есть какой-либо *образчикъ* существованія. У человѣка, по моему, таковой образчикъ имѣется въ *немъ самомъ*, такъ что ему *никого* и *ничего* другого не нужно для знакомства съ бытіемъ или существованіемъ.

Серебрякова. Какъ не нужно? По самому себѣ, вѣдь, человѣкъ не можетъ знать даже о существованіи своихъ родителей, отъ которыхъ произошелъ, и вообще людей, которые помогали ему существовать.

Сократъ. Вѣрно! Но этимъ вы только говорите, что по себѣ человѣкъ не можетъ непосредственно знать о *причинахъ* и различныхъ *родахъ* и *видахъ* существованія; но *что такое существовать*, онъ можетъ узнать по самому себѣ и *даже только* по самому себѣ! Все, что нужно для признанія чьего бы то ни было существованія, есть у него самого; и всякій человѣкъ сознаетъ это прямо или непосредственно и уже *на* этомъ прямомъ *сознаніи строитъ знаніе* или *понятіе* о существованіи или бытіи вообще и прилагаетъ къ вопросу о бытіи всякихъ другихъ существъ.

„Это построеніе понятія бытія можетъ быть и *правильнымъ* въ случаѣ надлежащаго истолкованія данныхъ непосредственнаго сознанія, что зависитъ отъ приложенія къ нимъ для этого истолкованія надлежащихъ *категорій* или *точекъ зрѣнія*, но оно-же можетъ быть и *неправильнымъ* въ случаѣ неполноты или неправильности такого истолкованія, происходящаго вслѣдствіе приложенія къ нему не подходящихъ точекъ зрѣнія. Впрочемъ, понятіе бытія, построенное на *дѣйствительныхъ данныхъ сознанія*, никогда не можетъ быть *ошибочнымъ вполнѣ*, т. е., во всѣхъ своихъ элементахъ. Что же касается до животныхъ, по крайней мѣрѣ высшихъ, то хотя они и

имѣютъ сознаніе почти всѣхъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ строится человѣческое понятіе бытія, но они навсегда остаются только при этомъ сознаніи, *не переходя къ понятію* бытія, которое есть не просто сознаніе, а уже *знаніе* о бытіи въ строгомъ смыслѣ термина: знаніе. Это происходитъ отъ того, что они не могутъ мыслить, по отсутствію у нихъ категорій или точекъ зрѣнія, съ которыхъ у людей совершаются акты мышленія. Кромѣ сейчасъ указанной причины неправильности у людей понятія бытія есть и другія, приводящія къ тому же результату, каковы, напр., вліяніе ложныхъ традицій, фигуральнаго языка, темноты и неопредѣленности выраженій и т. п.

„Впрочемъ, распространяться обо всѣхъ этихъ причинахъ теперь не время; а потому я ограничусь только маленькою, но весьма важною прибавкою къ сказанному о различіи между сознаніемъ и понятіемъ бытія. *Сознаніе*, говоря строго, само по себѣ *несказанно*, т. е., не можетъ принять форму сужденія и, конечно, можетъ принадлежать и имѣть смыслъ только для того, *кто самъ существуетъ*, а потому оно неизбѣжно *индивидуально* или находится въ индивидуальномъ обладаніи каждаго существа или субстанціи. *Понятіе* же бытія, подобно всѣмъ другимъ понятіямъ, *можетъ быть общимъ* и всегда имѣетъ тенденцію стать таковымъ и, слѣдовательно, формулироваться однообразно всѣми или многими, мыслящими его, существами. При этомъ все равно, будетъ-ли это общее понятіе по своему содержанію правильно или неправильно, такъ какъ извѣстно изъ исторіи, что общераспространенныя ложныя понятія вовсе не составляютъ рѣдкости, а, напротивъ, суть самое обычное явленіе.

„Впрочемъ, я, кажется, этимъ различеніемъ *сознанія* и *понятія бытія* очень уклонился въ сторону отъ бесѣды, которую мы вели съ Анной Михайловной, а потому я и попрошу ее воротить меня назадъ путемъ какого-либо вопроса, возбуждаемаго въ ней моими мнѣніями.

Серебрякова. Я уже устала и потому отложу разъясненіе своихъ недоумѣній до другого времени.

Катерина Ивановна. Да, вотъ, уже и 12 часовъ. Пора накрывать на столъ къ завтраку!

Калгановъ. Покорнѣйше васъ прошу, Катерина Ивановна, подождать полчасика съ завтракомъ, если это возможно! Дѣло въ томъ, что я вчера, хотя и безъ вашего разрѣшенія, усердно звалъ къ вашему завтраку Красоткина и Поспѣлова, думая, что Сократъ Ивановичъ уже навѣрно съ утра начнетъ путать насъ своей философіей; вотъ они и обѣщали придти на помощь въ первомъ часу.

Катерина Ивановна. Ну что же? съ завтракомъ то мы подождемъ; накроемъ только на столъ, чтобы все было готово.

Карамазовъ Иванъ (обращаясь къ Сократу). Такъ какъ Анна Михайловна откладываетъ до другого времени разговоръ съ вами, то я желалъ бы попросить у васъ объясненій по поводу сейчасъ сказаннаго вами. Мнѣ кажется...

Сократъ (перерывая его). Сейчасъ я буду къ вашимъ услугамъ, Иванъ Ѳедоровичъ, позвольте только мнѣ подвести краткій итогъ нашему разговору съ Анной Михайловной. По моему, этотъ итогъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: *всѣ, окружающія насъ вещи*, которыя, по ея мнѣнію, существуютъ сами по себѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было другихъ существъ, оказываются, напротивъ, вполнѣ зависимыми. Всѣ качества, которыя, повидимому, принадлежатъ этимъ вещамъ, зависятъ отъ тѣхъ существъ, которыя ихъ видятъ, слышатъ, обоняютъ и проч., вообще говоря, *чувственно воспринимаютъ* и далѣе *мыслятъ* ихъ или дѣлаютъ о нихъ предположенія: такъ что, если отнять отъ нихъ эти, приписываемыя имъ нами качества, то у нихъ рѣшительно ничего не останется, въ чемъ бы могло быть признано ихъ собственное существованіе, которое становится при этомъ совершенно немыслимымъ. Иначе говоря, *вещи* окружающаго насъ міра *существуютъ* не сами по себѣ, а только, такъ сказать, *въ другихъ существахъ*, или, говоря точнѣе, *въ актахъ воспріятія* ихъ другими существами и помимо такихъ актовъ существованіе этихъ вещей немыслимо и должно быть признано нами

призрачнымъ или *кажущимся*. Признавать существованіе этихъ качествъ *внѣ воспріятія* было бы, по моему, просто *противорѣчіемъ*, потому что такимъ признаніемъ уничтожалось бы само основное и исходное понятіе о нашемъ воспріятіи качествъ вещей. Эти качества тогда должны быть понимаемы уже *не какъ воспринимаемыя нами*, а какъ существующія въ двухъ независимыхъ другъ отъ друга экземплярахъ: одно существованіе было бы въ вещахъ, а другое—въ насъ.

Вотъ что я, кажется, достаточно выяснилъ въ нашемъ разговорѣ или, по крайней мѣрѣ, желалъ выяснить.

Серебрякова. Я *не согласна съ* вашимъ *итогомъ*, но теперь мнѣ некогда; и я ухожу (посмотрѣвши въ окно). Да, вотъ, уже Поспѣловъ съ Красоткинымъ и Синайскимъ вошли въ ворота. (Уходитъ).

Катерина Ивановна (говоря ей вслѣдъ). Такъ велите же приготовлять завтракать, а мы пока пойдемъ въ гостинную.

Сократъ. Такъ, значитъ, мы съ вами, Иванъ Ѳедоровичъ, побесѣдуемъ уже послѣ завтрака, а я, пока накрываютъ на столъ, пойду пройдусь по саду.

Пока хозяева размѣнивались съ вновь прибывшими гостями привѣтствіями и разговорами, накрытъ былъ столъ и поданъ завтракъ. Когда всѣ размѣстились вокругъ стола, пришелъ изъ саду и Сократъ и, поздоровавшись съ вновь прибывшими, сталъ обозрѣвать бутылки и, увидавъ старку, спросилъ Катерину Ивановну: „какъ, сегодня полагается вашимъ гостямъ пить старку? Ad libitum, т. е., какъ угодно, или же съ ограниченіемъ?“

Катерина Ивановна. Разумѣется, что я, какъ хозяйка, желаю, чтобы мои гости кушали и пили безъ всякихъ ограниченій, а какъ хотятъ. Кстати, для старки я завела особыя рюмочки, которыя и поставлены передъ каждымъ приборомъ. Тутъ она указала Сократу рюмочку, которая была даже меньше, чѣмъ обыкновенныя ликерныя.

Сократъ. Но не есть-ли этотъ наперстокъ подлинное овеществленное ограниченіе?

Катерина Ивановна. Нисколько! Пейте, сколько угодно. Только я не видала, чтобы кто-либо пилъ водку залпомъ, рюмку за рюмкой.

Сократъ. Понимаю, значитъ, ограниченіе-то есть, но только въ замысловато прикрытой формѣ! Такъ и запишемъ!

Начавшійся этимъ инцидентомъ завтракъ прошелъ весьма весело; и когда послѣ него былъ поданъ чай, то Сократъ обратился къ Ивану Карамазову съ предложеніемъ высказать свои недоумѣнія, о которыхъ онъ говорилъ до завтрака.

Карамазовъ Иванъ (обращаясь къ Сократу). Каюсь вамъ, что и я сильно недоумѣваю, по поводу того, что вы при мнѣ сказали, разговаривая съ Анной Михайловной. Вѣдь, кажется, мы также непосредственно *видимъ* и *сознаемъ* существованіе другихъ вещей, какъ и себя: не съ чужого голоса или указанія *я*, напр., *вижу* и *знаю*, что вотъ это (указыя въ окно) дерево, а то—стѣна; вонъ тамъ лежитъ собака, а вотъ тутъ прошелъ дворникъ. Точно также и здѣсь, въ комнатѣ я самъ, независимо отъ другихъ, вижу и васъ всѣхъ, и мебель, и кота на стулѣ, словомъ все, что меня окружаетъ. Пусть цвѣта, звуки или запахи сами по себѣ не существуютъ; но, вѣдь, я-то вижу, слышу и обоняю ихъ непосредственно самъ. Я могу согласиться, что въ мое воспріятіе этихъ вещей *входитъ что-либо* отъ меня, *но*, вѣдь, *не все* же. Да и это привходящее отъ меня не имѣетъ-ли своего *повода* и *причины* въ вещахъ же? Такъ или иначе, но оно, вѣдь, должно *соотвѣтствовать* вещамъ и ихъ свойствамъ? Вотъ въ чемъ, я недоумѣваю и не могу согласиться съ вашимъ утвержденіемъ, что эти вещи не существуютъ.

Сократъ. Хотя я и признаю, что ваши недоумѣнія имѣютъ за себя основанія; но, къ сожалѣнію, они соединены съ недоразумѣніями, въ которыя вы впали, благодаря *неточности* выраженій и *смѣшенію* понятій и терминовъ, господствующему въ современной философіи и психологіи. Такъ какъ въ сдѣланныхъ мнѣ вами возраженіяхъ весьма сложно переплетены положенія, съ которыми я согласенъ, и положенія, съ которыми я не могу согласиться, то я и по-

зволю себѣ сдѣлать на эти возраженія свои замѣчанія такъ, чтобы вамъ легко было судить, въ чемъ и почему мнѣ вообще придется съ вами разойтись.

„*Во-первыхъ*, я долженъ замѣтить, что у васъ *двѣ различныя* мысли поставлены такъ, что будто онѣ составляютъ какъ бы продолженіе или доказательство одна другой. Такъ, вы, сказали, „что мы *видимъ* и *сознаемъ* другія вещи такъ же непосредственно, какъ и самихъ себя“, вслѣдъ затѣмъ прибавляете, что „вы *видите* ихъ и *знаете*“ (конечно, прибавляя мысленно слово: непосредственно). Оставляя пока въ сторонѣ словечко: „видѣть“, я скажу, что говоря точно мы *непосредственно сознаемъ только свое* существованіе. Всякое же другое существованіе, прибавлю я, мы сознаемъ и знаемъ *посредственно*, т. е., путемъ вывода. Зависятъ эти ошибочныя выраженія у васъ, по моему, отъ смѣшенія двухъ понятій: сознаніе (въ тѣсномъ смыслѣ) непосредственное и первоначальное и сознаніе (въ широкомъ смыслѣ) посредственное и производное. Послѣднее всегда есть продуктъ мышленія, именно того акта, который мы называемъ выводомъ, хотя можемъ и не сознавать совершеніе этого акта и дѣйствовать въ немъ безотчетно, а потому и считать простѣйшіе акты вывода за нѣчто первоначальное и сознаваемое непосредственно. Въ непосредственномъ же актѣ сознанія мышленіе совсѣмъ не участвуетъ. Первоначальное и непосредственное сознаніе принадлежитъ и маленькимъ дѣтямъ и животнымъ; мышленіе же у дѣтей, хотя въ весьма неясной формѣ и на самой низшей ступени развитія, можно положить начинающимся приблизительно съ двухлѣтняго возраста. Что же касается до выраженія: *знать непосредственно*, то оно ошибочно и не точно. Знать всегда можно только *посредственно*, т. е., путемъ, хотя бы и не сознаваемаго ясно вывода. Что же касается до выраженія: *видѣть*, то вообще оно употребляется *не точно* и *фигурально*, а потому и производитъ значительную путаницу въ мысляхъ. Такъ, хотя мы ежеминутно такъ выражаемся, но „видѣть вещей“ нельзя, а можно только—цвѣта съ ихъ оттѣнками; нельзя также и *слышать*

вещей, а можно только—звуки и ихъ сочетанія. Говоря точно, и *осязать вещей* нельзя; а въ нашемъ мнимомъ осязаніи вещей мы ощущаемъ только гладкость, шероховатость, мягкость и т. п. Чувствовать въ мускульномъ чувствѣ сопротивленіе, твердость, давленіе *вещей* нельзя, а можно только ощущать тѣ специфическія состоянія, которыя называются именемъ давленія, сопротивленія и проч. Ощущать холодныя и теплыя *вещи*, въ точномъ смыслѣ слова, также нельзя, а можно только просто испытывать состоянія теплоты или холода и т. д. безъ конца. То же, что *понимается* и *называется* нами вещью, есть продуктъ не чувствъ или ощущеній, а нашего мышленія, выражающагося или чисто въ понятіяхъ или же въ соединеніи ихъ съ образами фантазіи, и нигдѣ больше не существуетъ кромѣ, какъ въ актахъ воображенія и мышленія моихъ, вашихъ, Катерины Ивановны и проч. Нѣтъ этихъ актовъ, нѣтъ и вещей...

Серебрякова. Какъ? Значитъ, если я вотъ теперь вижу и щупаю эту тарелку, то она только и существуетъ, что въ это время, а если я оборочусь назадъ, и не буду ее видѣть и щупать, то она больше уже и не существуетъ. (Обращаясь къ Алексѣю Карамазову). Ну, не правду-ли я говорила, что онъ всѣ вещи считаетъ *нашими фантазіями*.

Сократъ. Да, я несомнѣнно думаю, что видимый вами цвѣтъ и осязаемая гладкость тарелки уже больше для васъ и не существуютъ, когда прекратятся ваши акты видѣнія и осязанія. Что же касается до смысла, въ какомъ я называю вещи *продуктами фантазіи*, о томъ у насъ будетъ рѣчь еще впереди.

Серебрякова. Но, вѣдь, если прекратится мой актъ видѣнія и осязанія, то все-таки видимыя и осязаемыя свойства тарелки продолжаютъ существовать Если я не буду ее видѣть, то вы и другіе будете ее видѣть и считать существующею.

Сократъ. Во-первыхъ, не видѣть и не осязать тарелки нисколько не исключаетъ возможности считать ее существующею. Такъ и вы сами, если отвернетесь отъ нея, то въ вашемъ актѣ мышленія она

все-таки будетъ продолжать свое существованіе. (Улыбаясь). Вотъ касательно меня такъ дѣло будетъ совсѣмъ иначе. Я, и видя бѣлый цвѣтъ тарелки, и осязая ея гладкость, все-таки не буду *понимать* ее существующею, потому что я, относимыя обыкновенно людьми къ тарелкѣ, бѣлый цвѣтъ и гладкость, отношу не къ ней, а *къ себѣ, подлинному* ихъ *носителю*. Во всякомъ случаѣ никакой бѣды нѣтъ въ томъ, что во время вашего акта видѣнія и осязанія тарелки ея бѣлизна и гладкость существуютъ, конечно, для васъ, а во время прекращенія акта они исчезаютъ, тогда какъ для меня и другихъ этотъ цвѣтъ и гладкость могутъ оставаться попрежнему. Вѣдь, и то, и другое происходитъ не вслѣдствіе какого-либо безсмысленнаго произвола или волшебства, а просто въ силу съ одной стороны перемѣны въ вашемъ метафизическомъ взаимодѣйствіи съ тѣми субстанціями, значкомъ которыхъ служитъ тарелка, а съ другой въ силу продолженія у меня и другихъ лицъ прежняго взаимодѣйствія съ ними же. Опять повторяю свое, уже ранѣе высказанное положеніе, что тѣ свойства, которыя мы приписываемъ вещамъ въ такъ называемомъ нашемъ чувственномъ воспріятіи ихъ, *существуютъ только въ актѣ ихъ воспріятія,* но ни какъ не внѣ этого акта или въ вещахъ самихъ по себѣ.

„Теперь я, добавивши нѣчто къ сказанному выше о словечкѣ: *видѣть*, опять обращусь къ моимъ замѣчаніямъ, вызываемымъ вашими, Иванъ Ѳедоровичъ, возраженіями. Когда мы, какъ сказано выше, употребляемъ слово *видѣть*, метафорически, то оно замѣняетъ собою выраженія: узнаю, знаю, заключаю, догадываюсь и т. п., однимъ, словомъ заключаетъ въ себѣ многіе акты не только чувственнаго воспріятія, но и воображенія съ мышленіемъ. Поэтому, если бы мы говорили правильно и точно, то вмѣсто выраженій: я вижу стѣну, собаку, дворника, кота, мебель и проч., слѣдовало бы сказать: по видимымъ мною цвѣтамъ и оттѣнкамъ я заключаю о стѣнѣ, собакѣ, дворникѣ и прѳч.

„Слѣдуя за вами въ дальнѣйшихъ вашихъ мнѣ возраженіяхъ, я

не могу оставить безъ замѣчанія ваше мнѣніе, что въ наше воспріятіе окружающихъ вещей *не все входитъ* отъ насъ, а если что и входитъ, то оно имѣетъ свой поводъ и причину въ вещахъ же и какъ-либо соотвѣтствуетъ ихъ свойствамъ. Мнѣ слышится въ этихъ словахъ какъ бы возвращеніе, употребляя кантовскіе термины, съ пути *критицизма* на старую дорогу *догматизма*. Мнѣ кажется, что вы, соглашаясь отнять у вещей: цвѣта, звуки, запахи и проч., оставляете за ними нѣчто для насъ неприкосновенное, такъ что въ нашемъ чувственномъ воспріятіи одна его часть привносится нами: цвѣта, звуки, запахи и проч., а другая какъ бы переходитъ въ это воспріятіе прямо *изъ и отъ вещей*, такъ что оно есть отчасти полная копія вещей, а отчасти какъ бы украшено нами. Затѣмъ мнѣ остается только узнать, что же именно, по вашему, переходитъ прямо въ насъ отъ вещей, какія свойства ихъ бытія.

Карамазовъ Иванъ. Охъ! я вижу, что вы хотите припирать меня къ стѣнѣ и боюсь, что мнѣ не удастся увернуться отъ затрудненія. По моему, тѣ качества въ вещахъ переходятъ въ насъ, которыя усматриваются въ нихъ самимъ разумомъ, безъ помощи чувствъ и даже вопреки имъ, а именно свойства, которыя вполнѣ ясны и понятны для разума, а потому, по мнѣнію Декарта, могутъ быть названы математическими, напр., *протяженность*, *непроницаемость*, *величина*, *форма* и *движеніе*. Качества эти при всѣхъ измѣненіяхъ вещей не отдѣлимы отъ нихъ. Позже Локкъ называлъ эти качества *первичными* сравнительно съ *вторичными*: цвѣтами, звуками, запахами и т. д. По мнѣнію этихъ философовъ, вторичныя качества вещей происходятъ отъ *толчковъ* или *ударовъ*, производимыхъ на наши чувства чрезвычайно маленькими и не подлежащими воспріятію частицами тѣлъ. Разнообразіе же чувственныхъ представленій зависитъ отъ различія видоизмѣненій въ фигурѣ, величинѣ и числѣ этихъ частицъ. Сколько мнѣ извѣстно, эти мнѣнія подтверждаются и теоріями современныхъ физиковъ и физіологовъ, по которымъ толчки и движеніе, происходящіе во внѣшнихъ тѣлахъ *продолжаются* въ органахъ

чувствъ и нервахъ и доходятъ до мозга, гдѣ и *становятся* ощущеніями. Значитъ, первичныя качества тѣлъ, говоря языкомъ Локка производятъ впечатлѣнія на душу, какъ бы дѣлаютъ въ ней при нашемъ воспріятіи свои оттиски или отпечатки. Вотъ что я разумѣю подъ тѣмъ, что называю соотвѣтствіемъ качествъ вещамъ.

Сократъ. Къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ этой теоріей, не смотря на то, что, какъ вы справедливо говорите, современное естествовѣдѣніе стоитъ на ея же почвѣ, и если иногда можетъ разниться съ ней, то только терминологіей и словеснымъ выраженіемъ. По моему, и эти, такъ называемыя, первичныя качества вещей существуютъ точно такъ-же *только въ актахъ воспріятія*, какъ и вторичныя; и тѣ и другія одинаково составляютъ *нашу принадлежность*, ошибочно относимую нами къ вещамъ, а вовсе не самихъ вещей. Какъ цвѣтность или запахъ вещей принадлежитъ имъ только въ нашемъ мышленіи (мнѣніи), такъ въ мышленіи же принадлежитъ имъ и протяженность, непроницаемость, фигура и пр.

„Высказанную сейчасъ мысль я попытаюсь для вашего убѣжденія подкрѣпить нѣкоторыми разъясненіями.

„Во-первыхъ, конечно, было бы *безумiемъ* понимать, что первичныя качества вещей: протяженность и проч., переходятъ въ актѣ воспріятія прямо изъ вещей въ насъ, потому что какъ бы мы ни смотрѣли на душу: или какъ на духовное существо, или же какъ на матеріальный двигающійся въ тѣлѣ и черепѣ мозгъ—во всякомъ случаѣ, чтобы удержать понятіе воспріятія, немыслимо предполагать прямое перемѣщеніе вещей изъ внѣшняго міра въ насъ*); значитъ, нужно понимать предположеніе перемѣщенія такъ, что перемѣщаю-

*) Хотя, впрочемъ, одинъ весьма почтенный философъ (Ибервегъ), желая быть послѣдовательнымъ реалистомъ, дѣлалъ предположеніе, что будто вся наша вселенная съ ея свѣтилами, звѣздами и пр. заключается въ реальныхъ предѣлахъ нашей головы и мозга; то же, что голова наша кажется намъ маленькою, это онъ считалъ оптическимъ призракомъ. При этомъ вовсе нельзя сказать, чтобы эта гипотеза Ибервега представляла дикую безсмыслицу, но, напротивъ, была проведена имъ не безъ остроумія. *Прим. ред.*

щееся въ насъ, вполнѣ похоже на то, что существуетъ въ вещахъ. Однако, и такъ выраженную гипотезу *допустить мы тоже* не имѣемъ никакихъ основаній, потому что душа во всякомъ случаѣ имѣла бы, хотя и *сходный*, но все-таки *только оттискъ* вещи, въ который непремѣнно внесла бы что-либо отъ себя, вообще восприняла бы протяженность и прочія качества вещей какъ-нибудь по своему, подобно тому, какъ мы должны признать различія въ оттискахъ, напр., одной и той же вещи въ разныхъ матеріалахъ, зависящія отъ этихъ матеріаловъ, напр., воска, сургуча, литографическаго камня, бумаги, фотографической пластинки и проч. Но еще далѣе отходилъ бы отпечатокъ отъ вещи въ такомъ случаѣ, если бы мы представляли сходство воспріятія съ вещью такъ, какъ, напр., сходны одно и то же слово, сказанное и написанное буквами. Наконецъ, если принимать въ точномъ и буквальномъ смыслѣ воспріятіе протяженности, непроницаемости и прочихъ первичныхъ качествъ вещей, то это значило бы, что кромѣ вещей, существующихъ самихъ по себѣ, количество ихъ увеличивается во столько разъ, сколько воспринимающихъ ихъ душъ.

„*Во-вторыхъ*, тотъ, кто отрицаетъ у вещей реальность цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и т. п. вторичныхъ качествъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ у нихъ и *реальность первичныхъ*, потому что протяженное и непроницаемое и проч. не можетъ быть мыслимо безъ соединенныхъ съ нимъ цвѣта, гладкости, шероховатости, тепла, холода и проч. Дѣло въ томъ, что представленіе протяженнаго или непроницаемаго тѣла никакъ не можетъ быть построено изъ другого матеріала, кромѣ какъ данныхъ нашихъ чувствъ: зрѣнія, осязанія, мускульнаго ощущенія и проч. Математикъ, конечно, не нуждается въ чувственныхъ качествахъ своихъ геометрическихъ тѣлъ, разсматривая ихъ in abstracto, но тѣмъ не менѣе, все-таки, помимо его воли, онъ, во-первыхъ, свои математическія тѣла невольно и незамѣтно для себя какъ-либо окрашиваетъ или ощущаетъ и проч. въ фантазіи, а во-вторыхъ прежде чѣмъ онъ начнетъ строить математическую абстрактную науку, онъ знакомится съ тѣлами физическими, т. е., мягкими, твердыми,

цвѣтными и т. п. Впрочемъ, все это было весьма вѣрно указано знаменитымъ критикомъ локковой теоріи: „первичныхъ и вторичныхъ качествъ тѣлъ“, Берклеемъ.

„*Въ третьихъ*, скажу я въ заключеніе, для насъ неизбѣжна альтернатива, что или мы должны *вообще отказаться* отъ понятія о воспріятіи нашею душою, какихъ бы то ни было, свойствъ и качествъ вещей, или же *мыслить* это понятіе такъ, что въ актѣ воспріятія качества не переходятъ изъ вещей въ душу, подобно тому, какъ содержимое одного сундука перекладывается въ другой и далѣе не представлять себѣ, что эти качества суть копія съ вещей въ родѣ того, какъ списывается копія съ оригинальной картины и т. п. Однимъ словомъ, чтобы выразить возможно яснѣе мое мнѣніе объ отношеніи *воспринимаемаго къ воспріемлющему*, я скажу, что, если бы даже вещи, на самомъ дѣлѣ, были протяженными, непроницаемыми, цвѣтными, звучащими, пахучими и проч. и проч., то въ актѣ воспріятія никакъ не могло бы оказаться этихъ свойствъ, а напротивъ, они, т. е., свойства, символизировались бы какъ-либо совершенно иначе. Итакъ, повторяю я, или вовсе *нѣтъ* никакой воспринимающей *души* и нѣтъ *воспріятія*; или есть душа, какъ нѣчто самостоятельное, и есть воспріятіе душою чего-либо другого, что не она; но и то, и другое есть не иначе, какъ такъ, что душа *отвѣчаетъ по своему*, почерпая содержаніе отвѣта изъ своихъ собственныхъ средствъ, способностей и дѣйствій, *на возбужденіе* или, такъ сказать, на запросъ, полученный отъ вещей, т. е., отъ того, что, по понятію своему, не она, а другая или другія субстанціи, съ которыми она вступаетъ во взаимодѣйствіе“ . . .

Сказавши эти слова, Сократъ замолчалъ, и когда Карамазовъ, какъ бы задумавшись надъ ними, ничего не отвѣчалъ, то къ нему обратился Красоткинъ съ слѣдующими словами: „позвольте мнѣ, Иванъ Ѳедоровичъ, въ вашу бесѣду съ Сократомъ Ивановичемъ вставить отъ себя нѣсколько словъ, которыя, можетъ быть, поохладятъ философскій эросъ, которымъ онъ ужъ черезчуръ разогрѣлся. Съ нимъ,

вѣдь, есть только одна возможность разговаривать, не попадая въ какую-нибудь трущобу—это неуклонно стоя на почвѣ *фактовъ точной науки.* Какъ же скоро въ разговорѣ съ нимъ вы заикнулись о Декартѣ, Локкѣ и другихъ философахъ, такъ онъ непремѣнно заведетъ васъ въ какое-нибудь пустое мѣсто, гдѣ кромѣ „я“ да „не я“ ничего и никого нѣтъ.

Карамазовъ Иванъ (къ Красоткину). Съ большимъ удовольствіемъ уступаю вамъ право возраженія Сократу Ивановичу, а самъ послушаю, да пообдумаю все до сихъ поръ имъ сказанное.

Сократъ (прикрывая рукою зѣвокъ). Я, конечно, не прочь отъ того, чтобы Николай Ивановичъ вывелъ меня изъ *философскаго мрака* на свѣтъ *точной науки,* но только прошу маленько извинить мою усталость и отпустить меня часика на два въ хозяйскій кабинетъ для погруженія въ объятія Морфея.

Послѣ этого Алексѣй Карамазовъ предложилъ дамамъ и остальнымъ присутствующимъ прогуляться до обѣда въ паркѣ.

БЕСѢДА ОСМНАДЦАТАЯ.

Послѣ обѣда возникъ у Сократа съ Красоткинымъ разговоръ о томъ, кому принадлежатъ и гдѣ находятся, такъ называемыя, вторичныя качества вещей. Красоткинъ выражался неопредѣленно, что они „принадлежатъ“ матеріальнымъ вещамъ, отъ нихъ „происходятъ“, или же „зависятъ“, постоянно ссылаясь на точныя науки. Тогда Сократъ просилъ его выражаться точно и однообразно и когда рѣчь пошла о свѣтѣ, цвѣтѣ и теплотѣ, то также требовалъ точнаго отвѣта, гдѣ они начинаются, какъ движутся и доходятъ до насъ. Съ своей же стороны онъ утверждалъ, что во всѣхъ этихъ вопросахъ даже у представителей естествовѣдѣнія господствуетъ неопредѣленность и смѣшеніе понятій. Въ сущности Сократъ приводилъ Красоткина къ вопросу, какъ внѣшнее движеніе матеріи становится ощущеніемъ, т. е., нашимъ внутреннимъ состояніемъ. Но Красоткинъ не удовлетворяетъ его, отдѣлываясь разными, по его мнѣнію, научными терминами: впечатлѣніе, раздраженіе, движеніе нервнаго вещества, давленіе матеріи на нервы и, наконецъ, видя несостоятельность своихъ объясненій, весьма грубо прерываетъ разговоръ и уходитъ. Послѣ ухода Красоткина, бесѣда снова возбуждается вопросомъ Алексѣя Карамазова о реальномъ существованіи матеріи. Сократъ доказываетъ нереальность матеріи, какъ тѣмъ, что нѣтъ реальнаго пространства, гдѣ бы она могла существовать и двигаться, такъ и тѣмъ, что понятіе матеріи противорѣчитъ самому себѣ. При дальнѣйшемъ теченіи бесѣды, разговаривающіе переходятъ къ понятію причинности и его происхожденію. Здѣсь прежде всего Сократъ предостерегаетъ отъ обычнаго смѣшенія

понятій причины и внѣшняго міра. Прямо, по мнѣнію Сократа, идея причины не ведетъ къ признанію внѣшняго міра; къ нему мы приходимъ путемъ лишь долгаго опыта, соединеннаго съ актами мышленія и вывода. Къ этимъ актамъ даютъ поводъ наши собственныя функціи, каковы, напр., влеченіе или воля, ощущеніе и движеніе. Мало-по-малу на почвѣ этихъ дѣятельностей образуется признаніе бытія внѣшнихъ дѣятелей, и далѣе при образованіи идеи пространства—бытія матеріальныхъ вещей. Затѣмъ уже возникаетъ общее абстрактное понятіе причины.

Когда мы часовъ въ 6 возвратились домой съ прогулки, то я и Калгановъ вошли въ кабинетъ посмотрѣть, всталъ-ли Сократъ. Онъ еще спалъ съ легкимъ прихрапываніемъ, но отъ шума нашихъ шаговъ проснулся и, потягиваясь, сказалъ: „Эхъ, господа, какой *вѣщій* сонъ я сейчасъ видѣлъ! Будто бы я умеръ и тотчасъ же мнѣ, неизвѣстно откуда, послышались голоса какихъ-то существъ, которыя разсуждали, гдѣ я долженъ возродиться и какъ предстоитъ мнѣ дѣйствовать въ новой фазѣ бытія. Подробности этого разсужденія у меня сейчасъ вылетѣли изъ памяти, но общій смыслъ его былъ тотъ, что я буду существовать въ такихъ условіяхъ, при которыхъ не буду вовсе знать о пространствѣ, а только объ одномъ времени, т. е., что для меня исчезнутъ понятія: рядомъ, подлѣ, вверху, внизу и т. п., а останутся только: прежде, теперь, потомъ. Далѣе какой-то голосъ началъ было объяснять, какъ, соотвѣтственно этому исчезновенію идеи пространства, у меня измѣнятся умственныя и другія стороны жизни... но въ это мгновеніе вы и разбудили меня. Досадно, что не удалось послушать далѣе!“

На это Калгановъ съ хохотомъ сказалъ: „И слава Богу! что мы васъ разбудили, а то, если бы вы дослушали этотъ сонный бредъ, то и вывалили бы намъ его, какъ философскую истину. Вотъ, погодите-ка, ужо Красоткинъ совсѣмъ разбудитъ васъ отъ этого философскаго сна!

Вставши, Сократъ захотѣлъ умыться, а мы съ Калгановымъ по-

шли въ столовую, гдѣ уже всѣ собрались къ обѣду. Калгановъ сейчасъ же разсказалъ о видѣнномъ Сократомъ снѣ, а Поспѣловъ спросилъ у Катерины Ивановны: „ужъ не вѣритъ-ли Сократъ въ спиритизмъ, гдѣ тоже проповѣдуютъ что-то о переселеніи, или перевоплощеніи душъ?“

Карамазова. Нѣтъ, въ спиритизмъ-то онъ не вѣритъ! Да, вѣдь, ужъ вы, кажется, слышали, какъ онъ надъ нимъ подсмѣивается! Но въ перевоплощеніе онъ вѣритъ и увѣряетъ, что можетъ доказать это отъ разума. Однако, не говорите ему, что я вамъ проболталась объ этомъ, потому что онъ будетъ на меня сердиться!

Карамазовъ Алексѣй (къ Поспѣлову). Я немного дополню вамъ сказанное моею женою объ этомъ мнѣніи Сократа. Онъ думаетъ, что человѣческая субстанція, существующая вѣчно, постоянно находится въ особой тѣсной связи съ нѣкоторыми другими субстанціями, которыя кажутся намъ нашимъ тѣломъ и которыя смѣняются либо отчасти ежедневно и ежеминутно, либо разомъ, въ томъ случаѣ, когда мы умираемъ. Вотъ эту-то *смѣну разомъ* и можно, по его мнѣнію, назвать *перевоплощеніемъ*. Говорить же объ этомъ онъ не любитъ съ людьми, которые не согласны съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Въ комъ же онъ видитъ единомышленника или подающаго надежду на то, передъ тѣмъ онъ иногда высказывается и о своемъ допущеніи перевоплощенія но, однако, понимаетъ его совсѣмъ не такъ, какъ спириты.

Въ это время вошелъ въ столовую Сократъ; и хозяйка, пригласивъ гостей сѣсть за столъ, приказала подавать обѣдъ, который начался тихо; всѣ, повидимому, проголодались и усердно ѣли и пили. Когда же къ жаркому подано было шампанское, добытое Иваномъ Карамазовымъ черезъ посредство его католическихъ пріятелей, то мало-по-малу языки развязались. Сперва, по предложенію Катерины Ивановны, поздравляли дочь Сократа съ прекрасно выдержаннымъ экзаменомъ и адресовали ей различныя добрыя пожеланія, потомъ Калгановъ сталъ поддразнивать Сократа сильными возраженіями, которыя приготовилъ ему Красоткинъ. Когда же, наконецъ, убрали со стола и

подали самоваръ, то Сократъ объявилъ Красоткину, что онъ отдаетъ себя въ его распоряженіе.

Красоткинъ. Когда я давеча до обѣда слушалъ вашъ разговоръ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, то очень жалѣлъ, что онъ допустилъ философское дѣленіе качествъ вещей на *первичныя* и *вторичныя*. Конечно, вы сейчасъ же воспользовались этимъ, и, посредствомъ разныхъ словесныхъ фокусовъ отобравъ у матеріальныхъ вещей вторичныя качества: цвѣта, запахи, вкусы и проч., объявили ихъ продуктами нашего духа, будто бы перенесенными изъ насъ на вещи. Такъ какъ эти вторичныя качества, въ особенности же цвѣта, не отдѣлимы отъ первичныхъ, напр., протяженности, то вы тотчасъ же и тоже словеснымъ фокусомъ отняли у матеріальныхъ вещей и первичныя качества, такъ что оказалось, что никакихъ качествъ, а съ ними и самихъ матеріальныхъ вещей въ природѣ не существуетъ, а есть только духи, о которыхъ вы, конечно, можете фантазировать, какъ вздумается. Что же касается до меня, то я *не согласенъ на это дѣленіе качествъ* на первичныя и вторичныя, а признаю только тѣ качества матеріи, которыя изучаются точными науками: физикой, химіей и физіологіей.

Сократъ. Ужъ коли пошло на *точность*, которою вы все хотите меня прижать, то ужъ извините, что и я позволю себѣ нѣкоторые „точные“ вопросы. Если всѣ качества: и первичныя, и вторичныя, принадлежатъ вещамъ, то (стуча пальцемъ по стакану), вотъ, этотъ звукъ, который мы слышимъ, принадлежитъ стакану или нѣтъ?

Красоткинъ. Это что же? Вы опять принимаетесь за свою діалектику? Ну, хорошо! я утѣшу васъ и отвѣчаю: конечно, стакану!

Сократъ. Ну, а розовость, напр., на щечкахъ Анны Михайловны, принадлежитъ ей? или кому?

Серебрякова (сердито). Опять пошли эти противныя сладимости — ручки, да щечки!

Красоткинъ (улыбаясь). Конечно, розовость принадлежитъ — не щечкѣ, а просто щекѣ Анны Михайловны.

Сократъ. А что стаканъ и Анна Михайловна?.. Матерія или духъ?

Красоткинъ. Ужъ разъ навсегда сказано, что духовъ никакихъ нѣтъ; значитъ, все—матерія! Само собою разумѣется, *не одна и та же*, а разная матерія: есть *не органическая*, а есть и *органическая*.

Сократъ. Такъ, вотъ, скажите: одной-ли и той же матеріи принадлежитъ звучность и розовость, вообще цвѣтность.

Красоткинъ. Ну, тутъ есть нѣкоторое различіе, на которое, какъ я вижу, вы и хотите бить. Есть матерія *вѣсомая* и *не вѣсомая*. Такъ вотъ звучность принадлежитъ вѣсомой, а цвѣтность происходитъ отъ невѣсомой матеріи.

Сократъ. Зачѣмъ же цвѣтность только „*происходитъ*“, а не „*принадлежитъ*“, какъ звучность. Нѣтъ, вы ужъ скажите какой матеріи „принадлежитъ“ цвѣтность?

Красоткинъ. Опять начались *философскія придирки*! Надѣюсь, что вамъ извѣстно, что ощущеніе звука зависитъ отъ движенія волнъ воздуха, а ощущеніе цвѣта отъ колебаній эфира. Воздухъ же есть матерія *вѣсомая*, которую обыкновенно называютъ *веществомъ*, а эфиръ—матерія не вѣсомая.

Сократъ. Значитъ, цвѣтность въ концѣ концовъ не „принадлежитъ“ и не „происходитъ“, а „зависитъ“. Но, вѣдь, всѣ эти слова означаютъ далеко не одно и то же! А теперь желательно бы знать: какъ же ощущеніе свѣта и цвѣта зависитъ отъ эфира?

Красоткинъ. А зависитъ такъ, что черезъ эфиръ передаются свѣтовые и цвѣтовые лучи и доходятъ до насъ.

Сократъ. Коли *передаются* эти лучи, то я позволилъ бы себѣ спросить, гдѣ они начинаются или зарождаются?

Красоткинъ. Это ужъ и малому ребенку извѣстно, что свѣтовые лучи идутъ отъ солнца, и что солнце есть главный источникъ свѣта и теплоты на землѣ. Матеріальныя молекулы, составляющія солнце, двигаются съ удивительною быстротою и передаютъ энергію своего движенія эфиру.

Сократъ. Но я все-таки не могу понять, отчего же „зависитъ цвѣтность“ и гдѣ она зарождается? въ вѣсомой матеріи или же въ эфирѣ? Что же необходимо, чтобы были свѣтъ и цвѣта? вѣсомая матерія или не вѣсомая? Вѣдь, изъ вашихъ словъ выходитъ, что для свѣта, цвѣта и теплоты всего нужнѣе энергическія движенія частицъ солнца, т. е., вѣсомой матеріи. Эфиръ же служитъ только передатчикомъ отъ солнца къ землѣ энергіи движенія его частицъ. Все равно какъ если бы я написалъ письмо къ вамъ и послалъ съ посыльнымъ; онъ вѣдь, не былъ бы ни причиною, ни собственникомъ письма. Что касается до меня, то я давно уже не любитель излишнихъ передаточныхъ ремней, особенно въ области Разуваева, т. е., торговлѣ, а потому хотѣлось бы обойтись и безъ вашего посыльнаго, т. е., эфира. Вѣдь, вѣсомая матерія солнца могла бы, кажется, прямо передать свою свѣтовую и тепловую энергію вѣсомой матеріи земли. Для меня даже самый терминъ: не вѣсомая матерія, звучитъ странно. Это какъ бы: не матеріальная матерія, ибо одно изъ основныхъ свойствъ приписываемыхъ тому *фантому воображенія*, который называется матеріей, а именно, непроницаемость есть, по моему, не что иное, какъ субстанціированіе и проэкція того дѣйствительно сознаваемаго нами ощущенія, которое называется давленіемъ и психологически представляетъ одну изъ формъ мускульнаго чувства, оно-то собственно и дало поводъ къ образованію понятія давящей и препятствующей давленію тяготѣющей, наконецъ, вѣсомой матеріи, а далѣе привело къ понятію силы притяженія, тяготѣнія и т. д.

Красоткинъ. Что же, по вашему, свѣтъ и теплота должны двигаться въ пустомъ пространствѣ безъ матеріальнаго *субстрата*. Нѣтъ, ужъ современная наука вполнѣ освободилась какъ отъ духовъ, такъ и отъ пустоты, весьма удобной для дѣйствія духовъ. Эфиръ и наполняетъ небесное пространство, такъ какъ вѣсомая тяготѣющая матерія наполнять его не могла бы.

Сократъ. Но и вашъ эфиръ все-таки не спасаетъ отъ пустого пространства, ибо, если есть движеніе, то есть и пустота. Вѣдь, мо-

лекулы и атомы двигаются въ промежуткахъ между ними: значитъ, эти промежутки пусты. Такъ или нѣтъ?

Красоткинъ (смѣется). По философіи это, можетъ быть, такъ, а у насъ въ естественныхъ наукахъ промежутки между молекулами и атомами наполнены эфиромъ.

Сократъ. Читывалъ и я кое-что о томъ, что въ промежуткахъ молекулъ и атомовъ вѣсомой матеріи находится невѣсомая. Читалъ также, что будто каждый *атомъ вѣсомой* матеріи *облекается* со всѣхъ сторонъ *атомами эфира*. Впрочемъ, какъ, по вашему, нужно понимать эфиръ: состоящимъ изъ атомовъ или же сплошнымъ?

Красоткинъ. Конечно, тоже изъ атомовъ!

Сократъ. Ну, если изъ атомовъ, то между ними непремѣнно есть пустые промежутки, безъ которыхъ невозможно было бы этимъ атомамъ двигаться и колебаться. Значитъ, отъ пустоты вы никакъ не уйдете, если понимаете и принимаете пространство и движеніе за *реальность*, а не за одну только *видимость*.

„Но *я*, однако, опять возвращаюсь къ своему вопросу: *гдѣ же начинается цвѣтность*; въ колеблющемся-ли эфирѣ между небесными тѣлами, или же въ промежуткахъ атомовъ вѣсомой матеріи, и какъ она продолжается и доходитъ до насъ. Мнѣ казалось бы, что если свѣтъ, цвѣта и теплота зависятъ отъ невѣсомой матеріи, отъ эфира, то не зачѣмъ еще припутывать сюда вѣсомую матерію и быстрыя движенія ея молекулъ и атомовъ въ солнцѣ. Если каждый атомъ вѣсомой матеріи дѣйствительно окруженъ атомомъ эфира, то совершенно достаточно было бы, что всюду и вездѣ цвѣтность, свѣтъ и теплота передавались бы только эфиромъ и что эта передача шла бы не только отъ солнца къ землѣ, но и за солнцемъ, отъ какой-либо звѣзды, напр., Сиріуса и даже дальше за Сиріусомъ отъ конечнаго предѣла пространства, если у него есть таковой. Но все-таки мой вопросъ, гдѣ начало цвѣтности, этимъ еще не подвинулся бы къ рѣшенію ни на одну іоту?

Красоткинъ (сердито). Да что же вы? дѣйствительно-ли не имѣете

элементарныхъ понятій въ естественныхъ наукахъ, или же притворяетесь ради какого-то... *философскаго*... ужъ извините меня, шутовства? Развѣ вы не знаете, что колеблющійся эфиръ *дѣлаетъ впечатлѣніе* на нашу ретину, въ которой потомъ начинается молекулярное движеніе, идущее по нервамъ къ зрительнымъ центрамъ мозга, послѣ чего и получаются свѣтъ, теплота и цвѣта.

Сократъ. Пусть это будетъ, по вашему, „шутовство“ съ моей стороны, но я все-таки долженъ спросить васъ, что значатъ ваши слова: „эфиръ дѣлаетъ впечатлѣніе на ретину“.

Красоткинъ. Ну, если вамъ не нравится *научный терминъ: впечатлѣніе,* то я вмѣсто него употреблю другой, который также въ ходу у ученыхъ: именно, *раздраженіе.*

Сократъ. А мнѣ все таки неясно, что значитъ: раздраженіе. Должно-ли разумѣть подъ раздраженіемъ, напр., чувство недовольства, злобы, страха, когда мы думаемъ, что кто-либо насъ ненавидитъ, презираетъ или хочетъ намъ сдѣлать вредъ? Или же слова: „эфиръ раздражаетъ ретину“, нужно понимать, какъ прикосновеніе, давленіе, ударъ, толчекъ, треніе въ родѣ того, какъ мы, напр., одной рукой щекочемъ по ладони другой? Какъ по вашему.

Красоткинъ (съ большимъ раздраженіемъ). Нельзя не подивиться, что люди, принадлежащіе къ европейскимъ научнымъ знаменитостямъ, какъ, напр., Гельмгольцы, Гексли, Вундты и проч., употребляютъ и понимаютъ термины: впечатлѣніе и раздраженіе, а наши.... философы.... *не хотятъ* употреблять и *не понимаютъ* ихъ. Но если ужъ вамъ такъ угодно, то въ *впечатлѣніи* и *раздраженіи* эфиромъ ретины рекомендую вамъ не усматривать, чьихъ бы ни было мыслей и чувствъ, а понимать эти слова только такъ, что эфиръ *механически* давитъ или точнѣе дѣлаетъ *толчокъ* на ретину и тѣмъ *возбуждаетъ* въ ней молекулярное движеніе.

Сократъ. Ну и прекрасно! значитъ, гдѣ бы ни давнулъ, или ни толкнулъ эфиръ ретину, тамъ и зарождается свѣтъ и цвѣтность?

Красоткинъ. Да, вѣдь, я вамъ сейчасъ сказалъ, что тамъ начинается молекулярное движеніе нервнаго вещества.

Сократъ. А мнѣ нужно знать, гдѣ начинается *свѣтъ и цвѣтность*! Или, можетъ быть, по вашему, свѣтъ и цвѣтъ и есть само это молекулярное движеніе нервнаго вещества? Тогда, кажется, къ чему бы эфиръ? вѣдь, давнуть или толкнуть ретину могла бы и вѣсомая матерія, напр., хоть кровь, протекающая въ сосудахъ ретины и т. п.

Красоткинъ (тѣмъ же тономъ). Ну, ужъ, извините: разговаривать съ вами можно развѣ только натощакъ, а не пообѣдавши. Молекулярное движеніе идетъ къ мозговымъ центрамъ, въ данномъ случаѣ къ зрительнымъ.

Сократъ. Значитъ, въ зрительныхъ центрахъ и зарождаются свѣтъ и цвѣта? или какъ?

Красоткинъ. Въ зрительныхъ центрахъ и далѣе въ мозговой коркѣ распространяется молекулярное движеніе, которое еще не есть свѣтъ и цвѣтъ. Для нихъ нужно еще наше ощущеніе.

Сократъ. Вотъ этого то я отъ васъ *давно добивался*! Но, вѣдь, для „нашего ощущенія“ необходимы „мы“; и такъ какъ далѣе, по вашему, ничего, кромѣ матеріи, и нѣтъ, то значитъ, и „мы“—матерія. Поэтому то я ужъ васъ и попрошу *открыть мнѣ*, изъ какой матеріи составляются эти „мы“? Невѣсомая матерія эфира еще не „мы“, ретина, которую толкаетъ эфиръ и далѣе молекулярное движеніе нервнаго вещества, все это, какъ видно изъ вашихъ словъ, еще не „мы“. Значитъ, изъ всего, что мы называемъ, для „мы“ остаются центры, а, можетъ быть, мозговая корка или, можетъ быть, черепъ или ужъ я не знаю что!? Но чтобы это ни было, во всякомъ случаѣ эти „мы“ и есть *самое главное* условіе для того, чтобы были ощущенія свѣта и цвѣта. Теперь я еще попросилъ бы васъ помочь моему незнанію вотъ въ чемъ. Нужно-ли чтобы молекулярное движеніе въ нервномъ веществѣ въ свою очередь *толкнуло* или *давнуло* этихъ „мы“? и далѣе какъ свѣтъ и цвѣта распредѣляются или помѣщаются въ

тѣхъ же „мы“, когда они ощущаютъ свѣтъ и цвѣта. Вѣдь, конечно, свѣтъ и цвѣта не пребываютъ въ какомъ либо *духѣ*, а, будучи сами матеріей, помѣщаются и простираются тоже въ какой-либо матеріи, которая у васъ называется „мы“ и которая ихъ ощущаетъ. Вотъ что я попросилъ бы васъ объяснить мнѣ?

Красоткинъ (крайне озлобленнымъ тономъ). Ну, ужъ вы извините меня, а на этотъ разъ я, наконецъ, *сдержу* давно данное себѣ слово, никогда не бить по-пусту языкомъ, разговаривая съ вами о научныхъ предметахъ. Къ этому убѣжденію еще прежде меня пришелъ Иванъ Антоновичъ, который теперь въ Царскомъ и у котораго я обѣщалъ сегодня быть, но чуть было и не забылъ за пустыми разговорами...

Затѣмъ Красоткинъ обратился къ Поспѣлову и спросилъ, не желаетъ-ли и онъ вмѣстѣ отправиться къ Шугаеву. Но когда Поспѣловъ довольно сухо отказался идти съ Красоткинымъ, то онъ, сдѣлавъ общій поклонъ хозяевамъ и ихъ гостямъ, быстро вышелъ изъ комнаты.

Послѣ этого Алексѣй Карамазовъ, повидимому, непріятно пораженный выходкой Красоткина, поспѣшилъ замять этотъ инцидентъ и обратился къ Сократу съ слѣдующими словами: „надѣюсь, что вы, Сократъ Ивановичъ, извините нелѣпое раздраженіе, которому поддался Красоткинъ, а также не станете сердиться на меня, какъ хозяина и стараго пріятеля Красоткина. Я не знаю, что это нынче съ нимъ случилось, потому что никогда не видалъ его въ подобномъ раздраженіи, которому удивляюсь, такъ какъ зналъ его всегда за человѣка сдержаннаго....

Сократъ (прерывая). Само собою разумѣется, что я ничего противъ Красоткина, а тѣмъ болѣе противъ васъ не имѣю. Причина же раздраженія его для меня, какъ нельзя болѣе, понятна и коренится въ *неправильномъ пониманіи* въ настоящее время отношенія наукъ другъ къ другу. Господа естествовѣды, привыкшіе преклоняться предъ своими знаменитостями такъ же, какъ средневѣковые схоластики

преклонялись предъ своими „несокрушимыми, серафическими, херувимскими и т. под.“ докторами, думаютъ, что и всѣ смертные обязаны удовлетворяться и наслаждаться „научнымъ воляпюкомъ“, по выраженію нашего знаменитаго писателя, или темными словами вродѣ: „впечатлѣніе, раздраженіе, возбужденіе, заряженіе, разряженіе и т. п.“, какъ будто этотъ „воляпюкъ“ есть какое то неприкосновенное, непререкаемое божественное откровеніе. Поэтому, когда недоучившійся въ университетѣ „чиновникъ посторонняго вѣдомства“ осмѣливается просить объясненія терминовъ этого „научнаго воляпюка“ и не удовлетворяется предлагаемыми ему объясненіями, потому что въ нихъ только *паки* и *паки* повторяется все тотъ же „воляпюкъ“, то исповѣдники научнаго символа вѣры *возбуждаются*, *заряжаются* и *разряжаются* въ одну сторону анафематствованіями противъ сомнѣвающихся въ ихъ „воляпючномъ“ катехизисѣ, а въ другую славословіями и призываніемъ именъ творцовъ этого новаго символа. Вотъ такъ-то и Красоткинъ....

Карамазовъ Алексѣй (прерывая его). Такъ если вы, въ самомъ дѣлѣ, ни на кого не сердитесь, то ужъ позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ по поводу вашего разговора съ Красоткинымъ. Неужели же вы ни въ какомъ смыслѣ, ни со всевозможными ограниченіями не признаете реальнаго существованія матеріи.

Сократъ. Я уже не разъ заявлялъ, что не могу допустить этого существованія, потому что для реальной матеріи нужно реальное пространство, а оно только наша идея, объ образованіи которой я вамъ уже говорилъ. Слѣдовательно, пространство и кажущееся въ ней движеніе матеріи не существуютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не существуютъ въ этомъ пространствѣ и цвѣта, звуки и всевозможныя другія ощущенія, подъ которыя подкладывается нами все одна и та же *мнимая* матерія, въ качествѣ ихъ *носителя* и *причины*. Конечно, не существуютъ также и протяженныя, непроницаемыя тѣла, которыя суть не болѣе, какъ продукты нашей фантазіи, слагающей ихъ изъ ощущеній. Впрочемъ, объ этомъ догадываются даже самые простые люди, когда

они, напр., видятъ, по ихъ мнѣнію, зеркала, а въ зеркалахъ—протяженныя, цвѣтныя, гладкія, шероховатыя и мягкія тѣла или вещи и т. п.

Карамазовъ Алексѣй. Я вотъ что попросилъ бы васъ, если это для васъ возможно. Не отрицать существованія матеріи на томъ только основаніи, что для нея и ея движеній нѣтъ пространства. Нельзя-ли какъ нибудь вамъ опровергнуть ея существованіе, не трогая пространства, ибо въ его несуществованіи, пожалуй, еще труднѣе убѣдиться, чѣмъ въ несуществованіи матеріи.

Сократъ. Вы сейчасъ, по моему, справедливо замѣтили, что вѣра въ *пространство* для людей, впрочемъ, уже давно болѣе или менѣе упражнявшихся въ различныхъ актахъ мышленія, внѣдряется, пожалуй, гораздо сильнѣе, чѣмъ вѣра въ реальность *образовъ* вещей, такъ что дѣлается возможнымъ мнѣніе даже у философовъ, что *можно отвлечься отъ всѣхъ вещей*, т. е., мыслить ихъ не существующими, *но нельзя*, отвлечься отъ пространства. Но, однако, эта вѣра образуется у людей гораздо позже, чѣмъ вѣра въ реальность образовъ, потому что идея пространства образуется у насъ уже на почвѣ сложившихся изъ отдѣльныхъ ощущеній ихъ комплексовъ, т. е., образовъ вещей. Слѣдовательно, доказывать сперва несуществованіе матеріи, а потомъ перейти къ заключенію о несуществованіи и пространства, въ которомъ она, повидимому, *распростирается* и *двигается*, въ сущности будетъ потруднѣе.

Но, желая исполнить ваше требованіе, я рискну на это доказательство, которое будетъ состоять въ томъ, что понятіе матеріи *противорѣчитъ* само себѣ. Вѣдь, мы разумѣемъ подъ матеріей то, что принадлежитъ самимъ тѣламъ, помимо разныхъ ихъ свойствъ и качествъ, высказываемыхъ нами о нихъ, и что дѣлаетъ тѣло объектомъ мысли, къ которому относятся наши мнѣнія и опредѣленія. Если же при такомъ понятіи матеріи мы отвлечемся отъ всѣхъ этихъ, высказываемыхъ нами, опредѣленій и мнѣній о свойствахъ и качествахъ

тѣлъ, то спрашивается, что же тогда остается для матеріи? Остается только мысль о какомъ-то совсѣмъ непредставимомъ и непостижимомъ нѣчто, которое исключаетъ всякое реальное сознаніе, воспріятіе и затѣмъ познаніе. Но, вѣдь, такое *ничто* ничѣмъ не отличалось бы отъ *ничто*.

Поспѣловъ. А что если я, по поводу вашихъ послѣднихъ словъ, сдѣлаю вамъ такое возраженіе?! Вы, какъ мнѣ кажется, допускаете слишкомъ большой *произволъ* въ возможности отвлекаться. Конечно, если мы *произвольно отвлечемся* отъ всякихъ понятій, то ничего не останется; но, вѣдь, тогда не останется и почвы для какихъ бы то ни было споровъ и доказательствъ.

Сократъ. Вы дѣлаете сейчасъ въ вашемъ мнѣ возраженіи своего рода *софистическую уловку*, которую я опровергну тѣмъ, что когда мы отвлекаемся отъ какой бы то ни было мысли или понятія, то еще это не значитъ, что мы отвлекаемся *отъ возможности* для понятія. При отвлеченіи для насъ какъ бы исчезаютъ понятія, но eo ipso вовсе *не исчезаетъ сознаніе*, составляющее условіе всяческихъ понятій и познаній и составляющее основу для нашего понятія о бытіи. Отъ сознанія абсолютно нельзя отвлечься, ибо оно дано намъ въ абсолютныхъ актахъ сущаго. На новорожденнаго ребенка можно смотрѣть какъ на *существо*, какъ бы *отвлекшееся* отъ понятій: онъ ничего не понимаетъ, напр., изъ того, что у взрослыхъ выражается терминами: ощущеніе, мускульное чувство, осязаніе, свѣтъ, цвѣта, боль, радость, горе и т. под. Тѣмъ не менѣе ребенокъ все это, несказанное для него, *сознаетъ*; и если бы онъ умеръ вскорѣ послѣ своего рожденія—положимъ, черезъ нѣсколько дней—то все таки онъ участвовалъ бы въ бытіи не тѣмъ, конечно, что мы другіе, а не онъ, видѣли бы или осязали бы его тѣло, кости и проч.,— въ этомъ заключались бы только основанія для нашего умозаключенія о его бытіи— но тѣмъ, что онъ пережилъ бы въ своей индивидуальной субстанціи и что было бы недоступно нашему, т. е., чужому видѣнію, осязанію и проч., но что несомнѣнно было бы и вѣчно (безвременно) осталось

бы, ибо сущее, какъ условіе для познанія, не возникаетъ и не уничтожается.

Сказавши эти слова, Сократъ помолчалъ съ минуту и видя, что Поспѣловъ ничего ему не возражаетъ, продолжалъ свою рѣчь въ слѣдующихъ словахъ:

„Итакъ, по моему, все равно придемъ-ли мы къ *отрицанію матеріи*, выходя изъ небытія реальнаго пространства, или же прямо будемъ отрицать ее на основаніи противорѣчій, заключающихся въ ея понятіи. Хотя кромѣ сейчасъ приведенныхъ основаній противъ реальности матеріи можно было бы привести и еще кое-какіе аргументы, но *я*, пока, считаю этотъ вопросъ исчерпаннымъ.

Карамазовъ Иванъ (къ Сократу). Но скажите, пожалуйста, неужели же мы изобрѣтаемъ отъ себя всѣ эти образы. Вѣдь, хотя мы и можемъ выдумать цѣлые романы, но, однако, всѣ обстоятельства и событія въ этихъ романахъ все-таки похожи на то, что мы видѣли, слышали, испытывали и т. п. Вѣдь, мы безъ всякаго желанія или намѣренія съ нашей стороны встрѣчаемся съ окружающими насъ вещами, точно также, какъ не по своему произволу придаемъ имъ кубическую, круглую или другую какую форму, разные цвѣта; или не произвольно, вѣдь, считаемъ ихъ далекими или близкими отъ насъ и пр. и пр. На чемъ же нибудь да зиждется вся эта испытываемая нами принудительность въ нашихъ образахъ и ощущеніяхъ въ ихъ родѣ и способѣ. Что же можетъ быть причиною этой принудительности, какъ не дѣйствіе находящихся внѣ насъ вещей?

Сократъ. Конечно, причина принудительности въ родѣ и способѣ того, *какъ намъ кажутся вещи*, заключается не только въ насъ, но и въ другихъ *существахъ*.

Карамазовъ (поспѣшно). Значитъ, всѣ эти окружающія насъ вещи сами возбуждаютъ въ насъ цвѣта, звуки, запахи, гладкость, шероховатость, форму и вообще видъ, которые мы имъ приписываемъ.

Сократъ. Вотъ вся и бѣда въ этомъ *волшебномъ* словечкѣ: *возбуждаютъ*, которое и составляетъ главный *корень матеріализма*.

Словечко: возбуждаютъ, неизбѣжно разрѣшается въ понятія: ударяютъ, толкаютъ, давятъ и пр. пр. Тогда возникаетъ неизбѣжный вопросъ, кто или что же давитъ и ударяетъ. На этотъ вопросъ неизбѣжно отвѣчаютъ такъ, что какъ будто эти самыя вещи возбуждаютъ, давятъ и толкаютъ. Въ такомъ фальшивомъ пониманіи вещи являются *причинами*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ только *слѣдствія*.

Карамазовъ. Но чего же онѣ слѣдствія?

Сократъ. *Нашего взаимодѣйствія* не съ кажущимися намъ вещами, которыя, вѣдь, суть только слѣдствія этого взаимодѣйствія съ подлинными вещами, которыя *не кажутся*, а дѣйствительно *суть*. Все, что кажется, существуетъ только въ насъ, а что *не кажется, а есть на самомъ дѣлѣ*, объ этомъ мы никакого прямого знанія не имѣемъ, а должны угадывать или умозаключать только путемъ мышленія, именно по аналогіи съ собою, т. е., съ тѣмъ, что дано намъ непосредственно. Я уже не разъ высказывался, что всѣ наши познанія не только о другихъ, но даже и о себѣ суть не болѣе, какъ *значки*, т. е., нѣчто не реальное, а умомыслимое, реальное же каждый носитъ только въ себѣ, т. е., не въ своемъ знаніи, которое можетъ быть *вѣрно* и *ошибочно*, а въ сознаніи, которое реально, но никакимъ значкомъ не можетъ быть выражено такъ, какъ оно непосредственно сознается. Символы же, въ которыхъ мы выражаемся о себѣ и о своей дѣятельности, могутъ служить намъ для того, чтобы оріентироваться въ жизни, но не могутъ способствовать нашему проникновенію въ то, чѣмъ они никогда не могутъ быть, т. е., въ реальность, въ *бытіе*.

Поспѣловъ. Мнѣ кажется, что вы, господа, до сихъ поръ избѣгаете самаго перваго вопроса, который долженъ разрѣшить всѣ недоразумѣнія о вещахъ, а именно вопроса о *причинности*. Какъ скоро мы затронемъ его, то тотчасъ же совершенно ясно открывается существованіе внѣшняго міра и его дѣйствіе на насъ.

Сократъ. Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы не различаете *двухъ родственныхъ*, но не тождественныхъ понятій: „міра не я“ и

„внѣшняго міра“, а потому и думаете, что *причина* и *внѣшній міръ* одно и то же. Нѣтъ! это два разныя понятія, и, приходя къ одному, мы еще тѣмъ самымъ не приходимъ къ другому. Сперва не только по понятію, но, даже, и по времени мы приходимъ къ сознанію „міра не я“, а потомъ уже къ сознанію, что этотъ „міръ не я“ есть *внѣшній*, при чемъ внѣшность понимается нами преимущественно въ пространственномъ смыслѣ. Затѣмъ уже позже возникаетъ абстрактное понятіе причины, которое входитъ въ ту обширную *область категорій*, которыми пользуется наше мышленіе для упорядочиванія своихъ объектовъ.

„Внѣшній міръ можетъ существовать или быть дѣйствительнымъ; и мы могли бы страдать отъ этой его дѣйствительности, но въ то же время все таки не имѣть никакого о ней понятія. Только мало по малу и постепенно съ ранняго дѣтства начинаемъ мы путемъ мышленія противопоставлять сначала безсознательно ту или другую нашу дѣятельность нашему *цѣлому существу*, и, конечно, прежде всего съ *точки зрѣнія цѣли*. Хотя само собою разумѣется, что и здѣсь, какъ и вездѣ, можетъ случиться, что уже отмѣченное сопоставленіе забывается, потомъ снова вспоминается и т. д., но только это сопоставленіе еще не значитъ, что нами отличенъ и понятъ внѣшній міръ, къ постановкѣ котораго это сопоставленіе ведетъ только постепенно. Самый ближайшій поводъ къ признанію внѣшняго міра заключается въ нашей дѣятельности *чувства* и *воли*. Прежде всего мы различаемъ *пріятное* отъ *непріятнаго*; и естественно начинаемъ *стремиться* къ первому, а второго *избѣгать*. Но, однако, нѣкоторое время дитя можетъ страдать отъ движеній другихъ существъ (включая въ нихъ и его тѣло) нисколько не понимая, откуда они происходятъ. Только понемногу оно различаетъ пріятныя и непріятныя для него движенія своего тѣла, которое оно *отождествляетъ* съ собою. Мало-по-малу дитя начинаетъ точнѣе *различать координацію* своихъ (и своего тѣла) движеній съ чувствами удовольствія и недовольства. Только тогда возможно для него, сначала смутное,

образованіе идеи внѣшняго міра. Привыкши, что нѣкоторыя его движенія (напр., вкусовыя, слуховыя, осязательныя и т. п.) сопровождаются чувствомъ пріятнаго, дитя вдругъ нападаетъ на такія обстоятельства, что движенія, ведущія къ чувству довольства, совершаются, а результата нѣтъ. Такіе случаи возбуждаютъ у него первоначально смутное заключеніе, что причина отсутствія пріятнаго не въ немъ, а въ чемъ-то другомъ, но въ ясныхъ формахъ устанавливается это понятіе сравнительно *позже*. Только когда дитя достаточно ознакомится и овладѣетъ своимъ тѣломъ, то является у него поводъ поставить кромѣ себя, даннаго въ непосредственномъ сознаніи, и другія себѣ подобныя существа.

Къ этому пути чувства и воли присоединяются и другіе пути, на которыхъ человѣкъ убѣждается въ существованіи внѣшняго міра. Таковъ, напримѣръ, путь ощущенія, которое и до сихъ поръ понимается ложно, т. е., что какъ будто бы оно своимъ содержаніемъ прямо указываетъ на внѣшній міръ; но это ошибка, потому что какъ отдѣльныя ощущенія (тоны, цвѣта, запахи и проч.) говорятъ *только о своемъ собственномъ содержаніи*, такъ и цѣлые комплексы ощущеній (созерцанія и образы) ничего не говорятъ о внѣшнемъ мірѣ, а только о своемъ собственномъ содержаніи. Идея внѣшняго міра возникаетъ только тогда, когда мы въ своемъ *умственномъ актѣ* сравниваемъ это содержаніе ощущеній или образовъ съ воспоминаніями, т. е., когда замѣчаемъ, что къ нашему воспоминанію присоединяется что то новое. Тогда мало по малу мы различаемъ содержаніе воспоминаемаго отъ этого новаго; и наше мышленіе ставитъ это новое, какъ не наше, чуждое, сравнительно съ содержаніемъ идущаго изъ насъ воспоминанія. Такимъ образомъ и возникаетъ *идея „не я“* и далѣе идея внѣшняго міра. Затѣмъ, когда у насъ образуется идея времени и пространства, то мы пріучаемся заурядъ понимать это новое, какъ найденное нами въ пространствѣ.

Наконецъ, поводъ къ постановкѣ и познанію внѣшняго міра даетъ и наша *дѣятельность движенія*. Уже довольно рано ребенокъ начи-

наетъ замѣчать, что движенія его тѣла сопровождаются разными перемѣнами въ сознаніи. Такова координація между ощущаемыми, главнымъ образомъ въ мускульномъ чувствѣ, криками и слуховыми ощущеніями; или къ этому присоединяется также координація между собственнымъ крикомъ ребенка и тепловыми и вкусовыми ощущеніями (вслѣдствіе прихода матери или кормилицы) и т. под. Точно также довольно рано отмѣчается ребенкомъ координація между зрѣніемъ и осязаніемъ и т. под.

Но, однако, во всѣхъ случаяхъ нашей дѣятельности внѣшній міръ не ставится прямо и непосредственно, но его идея пріобрѣтается постепенно путемъ мышленія и вывода, сначала смутнаго, а потомъ все болѣе уясняющагося, въ которомъ мы пріучаемся отличать движенія, причиненныя нами отъ причиненныхъ другими существами.

На всѣхъ этихъ путяхъ у человѣка мало по малу образуется, подобно пространству, времени и проч. *абстрактное понятіе причины*. Такъ какъ мы во множествѣ случаевъ реальныхъ причинъ не знаемъ даже предположительно, то считаемъ за причину *постоянно предшествующее* во времени, а за слѣдствіе *постоянно послѣдующее*, при чемъ сплошь и рядомъ впадаемъ въ ошибку: post hoc, ergo propter hoc.

Синайскій. Позвольте, Сократъ Ивановичъ, мнѣ разъяснить одно ваше положеніе, высказанное давеча.

Сократъ. Ну, господа, сегодня я уже совсѣмъ не въ силахъ что-либо разъяснять; и прошу васъ на-дняхъ завернуть для этого ко мнѣ, а теперь попрошу хозяйку дать намъ на прощанье чего-нибудь прохладительнаго, а пожалуй, и горячительнаго.

Катерина Ивановна распорядилась виномъ и закуской, послѣ которыхъ гости и разошлись.

Платонъ Калужскій.

МЫСЛИ

О НѢКОТОРЫХЪ ФИЛОСОФСКИХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ, ПРЕОБЛАДАЮЩИХЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ И ОБЪ ОДНОМЪ ВОЗМОЖНОМЪ ВЪ БУДУЩЕЙ.

Глава I.

МАТЕРІАЛИЗМЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ не рѣдко высказывалась мысль, что у насъ *поднялся интересъ* къ философіи, но я, къ сожалѣнію, не раздѣляю этого мнѣнія, не смотря на то, что любовь моя къ этой наукѣ могла бы склонить меня къ нему. Дѣйствительнаго подъема въ интересѣ къ философіи не существуетъ, а есть только *кажущійся*. Эта иллюзія можетъ быть, по моему, объяснена *разными* причинами: какъ напр., тѣмъ, что сравнительно съ шестидесятыми годами въ послѣднее время, при общемъ увеличеніи народонаселенія, повысилось и процентное отношеніе образованныхъ, мыслящихъ, читающихъ, пишущихъ и т. под. людей; далѣе тѣмъ, что смягчились, по отношенію къ философіи, цензурныя строгости, *) наконецъ тѣмъ, что, въ силу чрезвычайно усилившагося въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ тщеславія, которому всегда пріятнѣе *казаться*, чѣмъ *быть*, многіе начали говорить (а, пожалуй, и просто *болтать*) о философіи и употреблять, зачастую совсѣмъ не кстати, разныя словечки, заимствованныя изъ ея терминологіи.

Но, однако, на это можно сдѣлать серьезное, повидимому, возраженіе, указавъ, какъ на нѣчто *оригинальное* и *важное*, на такъ

*) Можно смѣло сказать, что лѣтъ двадцать, двадцать пять тому назадъ нельзя было и думать о появленіи въ нашей литературѣ того, что въ настоящее время печатается свободно, какъ напр., сочиненія Спинозы, Шопенгауэра и т. под.

называемый „экономическій матеріализмъ“, о которомъ въ послѣднее время очень часто говорятъ въ русской литературѣ и даже пишутъ цѣлыя книги, каковы, напр., сочиненія г.г. Николаева, Бельтова, Струве и проч. Не мало появляется также о немъ и статей почти во всѣхъ нашихъ журналахъ.

На это указаніе я въ свою очередь могу возразить, что ученіе „экономическаго матеріализма“ прежде всего вовсе не есть что-либо *новое* *), а начато около полувѣка тому назадъ Карломъ Марксомъ, знаменитымъ авторомъ „Капитала“. Далѣе, что касается до *оригинальности* и *значенія* „экономическаго матеріализма“, то онъ, въ сущности, представляетъ не болѣе, какъ *разновидность* традиціоннаго матеріализма, приспособленнаго къ соціалистической теоріи *общественныхъ* и преимущественно *экономическихъ* отношеній.

Дѣло въ томъ, что соціалистическія системы, господствовавшія въ первой половинѣ XIX вѣка (сенсимонизмъ, фурьеризмъ, коммунизмъ и пр.) имѣли слабую метафизическую обосновку въ ходячемъ *раціональномъ* или даже въ неопредѣленномъ *общехристіанскомъ деизмѣ*, по которому само провидѣніе ведетъ человѣчество къ предназначенной ему цѣли счастливой общественной жизни, гдѣ должны вполнѣ осуществиться *свобода, равенство* и *братство* съ ихъ послѣдствіями, миромъ и благосостояніемъ всѣхъ членовъ общества. Естественно, что, когда въ половинѣ XIX вѣка въ области философской мысли вообще получилъ преобладаніе матеріализмъ, эта, слабая въ логическомъ отношеніи, метафизика соціалистическихъ системъ должна была уступить мѣсто другой, казавшейся въ то время единственно разумною и истинною, а именно: *метафизикѣ матеріализма.* Въ этой метафизикѣ должна была получить свое послѣднее философское основаніе и теорія общественныхъ отношеній. Естественно также и то, что на почвѣ этой матеріалистической теоріи общества изъ всѣхъ общественныхъ явленій самое важное значеніе должны были получить эконо-

*) По моему, и объ этой теоріи пошла рѣчь въ нашей современной литературѣ, именно благодаря смягченію цензурныхъ условій.

мическія,—матеріальныя по преимуществу,—отношенія. Это заключеніе и подтверждается слѣдующими подлинными словами Маркса: „Экономическое строеніе общества“, говоритъ онъ, „есть реальное основаніе, на которомъ находятся юридическія и политическія надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы самосознанія“. Энгельсъ, послѣдователь и истолкователь Маркса, выражаетъ ту же мысль, только короче и прямѣе: „политика эпохи“, говоритъ онъ, „заключается не въ ея философіи, а въ ея экономикѣ“ *).

Что экономическій матеріализмъ далеко не есть оригинальная и новая философская система, подтверждается также и тѣмъ, что первоначально она вышла изъ области, имѣвшей въ свое время широкое значеніе и вліяніе, а именно изъ философской системы Гегеля. Извѣстно что „абсолютная идея“ Гегеля проходитъ черезъ *три* стадіи развитія: *бытіе о себѣ, инобытіе* и *бытіе для себя*, что и составляетъ *три* отдѣла цѣлой системы: *логику, философію природы* и *философію духа*. Извѣстно также, что послѣ Гегеля лѣвая его школа отбросила, какъ безполезное, ученіе о трехъ стадіяхъ развитія и оставила только *одну* философію природы, чѣмъ и впала въ *матеріализмъ*, такъ что въ этой лѣвой школѣ развивается діалектически не „абсолютная идея“ Гегеля, а матеріальная природа и жизнь.

Философскіе представители этой лѣвой Гегелевской школы довольно многочисленны, но наиболѣе громкіе имена принадлежатъ Фейербаху и Штраусу. Изъ этой же лѣвой школы вышелъ первоначально и родоначальникъ „экономическаго матеріализма“, Карлъ Марксъ, а также и его послѣдователь Энгельсъ, которые еще дальше, чѣмъ вообще лѣвые гегеліанцы, отошли отъ самого Гегеля. Отсюда и *конецъ развитія* у Маркса *не* полнота *конкретныхъ опредѣленій* идеи, какъ у Гегеля, и далѣе даже не полнота матеріальнаго космоса, а *полнота матеріально-общественной жизни* въ человѣчествѣ со всѣмъ соот-

*) Эти цитаты, относящіяся къ Марксу и Энгельсу, взяты изъ сочиненія г. Николаева: «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ».

вѣтствующимъ ей развитіемъ въ различныхъ *формахъ* этой жизни: умственной, юридической, политической, индустріальной и т. под.

Но не заключая въ своей метафизикѣ ничего оригинальнаго сравнительно съ традиціоннымъ матеріализмомъ, „экономическій матеріализмъ“ представляетъ нѣкоторыя новыя черты въ своей философіи исторіи, а также и въ своей экономикѣ. Конечно, здѣсь мнѣ не мѣсто входить въ разсмотрѣніе, въ чемъ состоитъ это новое; я только считаю нужнымъ замѣтить, что и въ него вошло не мало элементовъ изъ философіи Гегеля, изъ которой первоначально вышелъ Марксъ. Таковы, напр., гегелевская мысль, что *количественныя* различія переходятъ въ *качественныя*, что *противорѣчіе* есть условіе всякаго прогресса, что оно является тамъ, гдѣ есть борьба, движеніе; далѣе, „экономическій матеріализмъ“ прилагаетъ ученіе Гегеля о діалектическомъ процессѣ къ области историческаго и экономическаго развитія. И въ ней эволюція движется отъ *тезиса* черезъ *антитезисъ* къ къ новому и высшему *синтезу* *)

Съ другой стороны въ экономическую теорію Маркса и его послѣдователей вошли элементы изъ соціалистическихъ системъ первой половины нынѣшняго вѣка. Хотя экономическіе матеріалисты и считаютъ эти системы *утопическими*, но, однако, и сами они въ своихъ ожиданіяхъ отъ будущаго развитія историческаго и экономическаго процесса, ничѣмъ, въ сущности, не разнятся отъ этого утопическаго характера соціалистическихъ системъ. Такъ и представители гипотезы „экономическаго матеріализма“ ожидаютъ, что, когда въ будущемъ все большее и большее число членовъ общества будетъ *сознательно* участвовать въ историческомъ движеніи **), то вполнѣ истощится *ан-*

*) Поэтому одинъ изъ русскихъ послѣдователей Маркса, г. Бельтовъ, не безъ основанія замѣчаетъ, что терминъ «экономическаго матеріализма» не точенъ и долженъ бы быть замѣненъ терминомъ «діалектическаго матеріализма». (См. книгу Бельтова: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». 1895 г. стр. 252).

**) Прилагая къ экономической эволюціи общества діалектическій методъ Гегеля, экономическіе матеріалисты думаютъ, что *первоначальный коммунизмъ* и общая собственность (племени, рода и проч.), возникшіе въ силу общихъ условій первоначальной общественной

тагонизмъ классовъ и въ обществѣ осуществится полная *свободная* жизнь; трудящіеся члены общества будутъ пріобрѣтать болѣе *утонченную организацію*, но, однако, ничего не теряя въ физическихъ силахъ. *Анархія* внутри производства будетъ замѣнена *планомѣрной* сознательной организаціей; люди сдѣлаются дѣйствительными *господами природы* и человѣчество перейдетъ изъ *царства необходимости* въ *царство свободы* и т. под.

Теперь, сказавши, что, по моему, слѣдуетъ относительно новизны и оригинальности „экономическаго матеріализма“, я въ нѣсколькихъ словахъ коснусь его значенія съ точки зрѣнія истинности. Спрашивается, удовлетворяетъ-ли „экономическій матеріализмъ“ требованіямъ размышляющаго разума? На это я долженъ отвѣтить отрицательно. Прежде всего уже потому, что онъ представляетъ *разновидность матеріализма* и раздѣляетъ общую судьбу этого направленія. Я считаю безполезнымъ останавливаться на мысли о философской несостоятельности *) матеріализма вообще, потому что едва-ли кто-либо станетъ оспаривать, что матеріализмъ теперь *ослабѣлъ* и на западѣ, и у насъ сравнительно съ пятидесятыми, шестидесятыми годами **) Но „ослабѣлъ“ не значитъ исчезъ. Онъ и теперь еще составляетъ главное философское основаніе для множества умовъ, хотя и потерялъ свою прежнюю

жизни и первоначальнаго производства суть какъ бы *тезисъ*. Когда же въ дальнѣйшемъ теченіи общественной жизни эта форма производства и пріобрѣтенія стала уже невыгодна, то началось *разложеніе* общественной собственности и она постепенно перешла въ частную собственность. Это и есть господствующій въ настоящее время капитализмъ, составляющій *антитезисъ* процесса. Но уже теперь начинаетъ обнаруживаться анархія производства, гдѣ производитель становится какъ бы рабомъ своихъ продуктовъ. Въ будущемъ же на развалинахъ капитализма снова возникнетъ общественная собственность и производство (коллективизмъ или коммунизмъ), но уже обогащенныя всѣми пріобрѣтеніями капитализма, и выгодныя для всѣхъ Это и будетъ новый и высшій *синтезисъ*, а потомъ, прибавлю я отъ себя, и начнется *рай на землѣ*.

*) Читатели «Своего Слова», и тѣмъ болѣе читатели моихъ сочиненій вообще, уже знакомы какъ съ моимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ матеріализму, такъ и съ основаніями для этого отношенія.

**) У насъ всякое умственное движеніе, слѣдуя вообще за западными, всегда на нѣсколько лѣтъ отстаетъ отъ послѣднихъ.

энергію, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательность и смѣлость. Теперь онъ частенько *прикрывается* разными маскирующими его терминами и выраженіями, или же *входитъ*, какъ важнѣйшая составная часть, въ другія философскія направленія.

По этому-то и нужно остерегаться, чтобы не обмануться нѣкоторыми *выраженіями* и *изворотами* мысли, которыми и представители „экономическаго матеріализма“ хотятъ какъ бы радикально обособить свой матеріализмъ отъ прежняго *традиціоннаго*: такъ, напр., когда они высказываются противъ объясненія мысли и сознанія изъ группировки отдѣльныхъ матеріальныхъ частицъ, когда называютъ прежнихъ матеріалистовъ, напр., Гольбаха, Гельвеція и пр. метафизиками *). Точно также не нужно обманываться, когда экономическіе матеріалисты протестуютъ противъ смѣшенія ихъ матеріализма съ *нравственнымъ* подчиняющимъ всякую человѣческую дѣятельность дѣятельности, удовлетворяющей физическія потребности *).

Итакъ, **„экономическій матеріализмъ“ не представляетъ ничего существенно новаго и оригинальнаго и вообще никакого подъема въ интересѣ къ философіи не выражаетъ.** Онъ сводится къ матеріализму вообще съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ элементовъ изъ философіи Гегеля и еще болѣе изъ цѣлаго арсенала соціалистическихъ системъ первой половины нынѣшняго вѣка. Что же

*) Относительно термина: метафизика, у всяческихъ матеріалистовъ и quasi-научныхъ реалистовъ господствуетъ полный хаосъ. Всего чаще это слово у нихъ имѣетъ значеніе *безсмыслицы* или *ерунды*; но какъ мнѣ уже приходилось говорить объ этомъ и какъ еще придется сказать въ теченіи настоящихъ статей, *метафизика* есть не что иное, какъ *пользованіе мышленіемъ* и *разумомъ*. Значитъ всѣ разумныя существа, стоящія выше животныхъ, суть необходимо прирожденные метафизики. Но такъ какъ разумъ можетъ быть употребляемъ и правильно и ошибочно, то и метафизика можетъ быть *истинною* и *ложною*.

**) Всѣ такіе извороты суть не болѣе какъ пустыя слова, противорѣчащія существенному положенію доктрины Маркса, что экономическіе интересы *стоятъ въ основѣ* всей общественной жизни и что религіозныя, политическія и нравственныя воззрѣнія служатъ только *отраженіемъ* («надстройкой») экономическихъ явленій; или, какъ выражается Марксъ въ одномъ мѣстѣ: «умственная и нравственная жизнь отражаетъ экономическія явленія въ мозгу человѣка».

касается до дѣйствительно новыхъ элементовъ въ экономической теоріи, представляющей обобщенія и выводы изъ фактовъ экономической жизни, то мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на этой сторонѣ гипотезы „экономическаго матеріализма“, такъ какъ содержаніе настоящей статьи принадлежитъ къ области философіи, а не экономической науки. Впрочемъ, нельзя не замѣтить *мимоходомъ*, что эта гипотеза, спорами *за* и *противъ* нея, вноситъ въ послѣднее время нѣкоторое оживленіе въ нашу литературу, причемъ, повидимому, число приверженцевъ ея меньше числа противниковъ, которые упрекаютъ эту экономическую систему въ ея *несоотвѣтствіи* съ историческими фактами и въ предвзятомъ, натянутомъ объясненіи этихъ фактовъ. Наконецъ, что касается до меня, то отклоняя отъ себя какое-либо участіе въ этихъ спорахъ, я все-таки вижу нѣкоторое *преимущество* у защитниковъ „экономическаго матеріализма“ въ томъ, что у него сохраняется, хотя и значительно ослабленная, связь съ систематической философіей вообще (съ гегельянствомъ и философскимъ матеріализмомъ). У противниковъ же его, поскольку это высказывается въ ихъ статьяхъ, никакого *философскаго базиса* не имѣется. Къ сейчасъ сказанному не могу еще не прибавить, что *главная сила* гипотезы „экономическаго матеріализма“ состоитъ, конечно, *не* въ томъ, что онъ матеріализмъ (въ этомъ, напротивъ, его слабость) *ни* даже въ его гегеліанской окраскѣ, а именно, въ его связи съ „утопическимъ“ соціализмомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ,—а особенно начала нынѣшняго вѣка. Но этого предмета я еще коснусь въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Глава II.

МАТЕРІАЛИЗМЪ НАУЧНЫЙ И ТРАДИЦІОННЫЙ.

„Экономическій матеріализмъ“ естественно приводитъ насъ къ научному матеріализму, представляющему другую *разновидность* этого общаго понятія *). Подъ „научнымъ матеріализмомъ“ я разумѣю ту его разновидность, гдѣ въ основаніе матеріалистической философіи, повидимому, полагаются *естественныя науки* (физика, химія, физіологія и проч.), на что представители этой философіи указываютъ иногда съ особеннымъ удареніемъ для того, чтобы ярче отличить ее отъ „матеріализма традиціоннаго“, который при этомъ именуется *метафизическимъ* **). Отъ „матеріализма экономическаго“ можно этотъ научный отличить главнымъ образомъ тѣмъ, что первый какъ бы спеціально приноровленъ къ экономикѣ, а послѣдній можетъ притязать на роль *научной философской теоріи*, объясняющей всевозможныя явленія, не исключая и психическихъ.

Но такая постановка научнаго матеріализма будетъ чистѣйшей иллюзіей, стоящей на крупномъ недоразумѣніи. Естественныя науки, въ качествѣ *частныхъ* наукъ, никогда не могутъ служить основаніемъ для какой-либо философской теоріи или метафизики, а, напротивъ, необходимо *предполагаютъ* послѣднюю. Исторически частныя науки вышли уже изъ готовыхъ, болѣе или менѣе систематизированныхъ

*) Вообще оно нерѣдко скрывается и подъ другими *этикетками*, каковы, напр., *научная философія, опытная метафизика.*

**) Подъ традиціоннымъ матеріализмомъ я разумѣю тотъ, который ведетъ свое начало въ Европѣ отъ Демокрита и существовалъ исключительно до XIX-го вѣка.

метафизическихъ теорій, что вполнѣ обнаруживается въ исторіи наукъ и философіи у эллиновъ, особенно же ясно начиная съ Платона и еще болѣе съ Аристотеля.

Но еще гораздо ранѣе *сознательнаго* и болѣе или менѣе *систематическаго* образованія философіи и наукъ, онѣ прошли черезъ ступени своего безсознательнаго существованія, которое началось съ перваго появленія въ мірѣ людей и, пожалуй, животныхъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ. Въ этомъ существованіи и скрывается возникновеніе матеріалистической метафизики въ силу самой природы психическихъ процессовъ у человѣка.

Дѣло въ томъ, что *вещи* никогда *не даны* намъ въ актахъ чувственнаго воспріятія, или, какъ обыкновенно говорятъ, *въ опытѣ*. Въ дѣятельности зрѣнія намъ даны только цвѣта, слышанія—звуки, обонянія—запахи, осязанія—твердость, гладкость, шероховатость и проч., въ дѣятельности обще-органической чувствительности даны: тепло, холодъ, боль, щекотка и т. п.

Но это требуетъ еще дополненія. Все сейчасъ указанное, т. е., цвѣта, звуки, запахи и проч., первоначально намъ вовсе не дано „тамъ“—*въ пространствѣ*, а дано въ *сознаніи*, которое, какъ таковое, есть, конечно, нѣчто *первое* (prius), сравнительно со всяческими *формами* и *порядками*: временнымъ, пространственнымъ, причиннымъ и проч. *).

Обладая, съ одной стороны, *непосредственнымъ* сознаніемъ этихъ чувственныхъ элементовъ, самихъ по себѣ ничего не говорящихъ о тѣхъ *единствахъ*, которыя называются вещами, а съ другой стороны, обладая непосредственнымъ сознаніемъ *реальности* своего собственнаго существа, или своего „я“ и его дѣятельностей, нашъ мыслящій субъектъ начинаетъ *постепенно* созидать внѣшній міръ вещей, постоянно руководясь безотчетною *аналогіею* съ своимъ собственнымъ существомъ и его дѣятельностями. Даны ему только ощущенія, т. е., не дѣятели

*) Это обстоятельство главнымъ образомъ ведетъ съ самаго перваго начала философскаго мышленія и до сихъ поръ къ постоянному смѣшенію двухъ понятій: *сознанія* и *познанія*.

и дѣятельности, а только продукты, результаты неизвѣстныхъ дѣятелей и дѣятельностей: ибо, по закону, смутно сознаваемой даже животными, *причинности* дѣятельности эти не могутъ быть приписаны человѣкомъ самому себѣ. Конечно, *онъ видитъ, слышитъ, обоняетъ* и проч., но цвѣта, звуки, запахи произведены не имъ, а кѣмъ-то другимъ; ему же принадлежатъ, кромѣ дѣятельности виденія, слышанія и проч., также соединенныя съ ними чувства: удовольствія, недовольства, страданія, боли, наслажденія и т. п. Далѣе, на основаніи тоже безсознательной аналогіи, субъектомъ предполагается, что цвѣта, звуки, запахи и т. д. происходятъ отъ дѣятельности какихъ-то существъ, подобныхъ ему самому, съ его собственными дѣятельностями: зрѣнія, слуха, обонянія и проч., соединенными съ сознаніемъ дѣятельности движенія, данной въ, такъ называемомъ, мускульномъ чувствѣ. Такимъ-то образомъ, возникаетъ въ воображеніи цвѣтной, звучащій, пахнущій и проч. міръ вещей, въ основу котораго полагаются, вмѣсто истинныхъ и дѣйствующихъ субъектовъ, мнимые матеріальные субъекты. Потомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ мышленія на почвѣ этой первоначальной метафизики начинается постройка уже болѣе сознательной метафизики, а затѣмъ и частныхъ наукъ, по мѣрѣ ихъ постепеннаго выдѣленія изъ области *первой философіи* или *метафизики*.

Но, несмотря на это, первоначальный пунктъ, созданный безсознательной метафизикой, цѣлые вѣка остался совершенно нетронутымъ, пока не появилось сомнѣнія въ реальности пространства и матеріи. Но такъ какъ первыя явленія скептическаго и отрицательнаго отношенія къ этимъ понятіямъ были *неопредѣленны* и недостаточно обоснованы и притомъ были неудовлетворительно объяснены *происхожденіе* и *кажущаяся реальность* этихъ основныхъ формъ человѣческаго познанія, то и до сихъ поръ еще не потеряла своей силы *догматическая* вѣра въ реальное бытіе само по себѣ мнимыхъ матеріальныхъ вещей и пространства, въ которомъ онѣ кажутся размѣщенными. Она еще вполнѣ господствуетъ не только въ массахъ не-

образованныхъ и вообще образованныхъ людей, но даже довольно крѣпко держится, особенно же при помощи словесной софистики, у *спеціалистовъ*, принадлежащихъ къ научной области вообще и къ философской въ частности.

Что же касается до частныхъ наукъ, то онѣ даже имѣютъ своимъ необходимымъ предположеніемъ эту *безсознательную метафизику* и ея продукты, т. е., образы вещей, представляющіе не болѣе, какъ *комплексъ ощущеній*, которыми какъ бы покрывается или одѣвается тотъ *фиктивный* манекенъ, который созидается нашею фантазіею и называется матеріальнымъ предметомъ. Поэтому, объяснять происхожденіе пространства, времени, матеріи и проч. совсѣмъ не входитъ въ задачу частныхъ наукъ, спеціально естественныхъ; и предметъ ихъ вполнѣ *исчерпывается* изслѣдованіемъ *законовъ совмѣстности* и *послѣдовательности явленій*, или перемѣнъ происходящихъ въ тѣхъ *комплексахъ*, которые кажутся намъ матеріальными тѣлами. Но, однако, эта задача изслѣдованія законовъ явленій нисколько *не* низводитъ содержаніе частныхъ наукъ къ чему то фантастическому и безполезному, потому что явленія, изучаемыя ими, все-таки *не чужды реальности*, но, при помощи правильнаго мышленія, указываютъ на нее. Конечно, въ явленіяхъ мы не имѣемъ дѣла съ *дѣйствительными* существами или вещами, какъ онѣ суть сами по себѣ; не имѣемъ дѣла прямо даже съ дѣятельностями этихъ существъ, но все-таки соприкасаемся съ законосообразнымъ ихъ *отраженіемъ* въ нашемъ *сознаніи*. Но и въ этомъ пунктѣ нужно сдѣлать еще нѣкоторое ограниченіе. Отраженіе дѣятельности другихъ существъ въ нашемъ сознаніи не происходитъ прямо, безъ всякой примѣси: оно есть *результатъ* дѣятельностей другихъ существъ въ *сочетаніи* съ дѣятельностью нашей субстанціи или, иначе говоря, *результатъ* нашего *взаимодѣйствія* съ другими субстанціями или существами *).

*) Напримѣръ, свѣтъ или цвѣта, звуки, запахи и т. п. суть явленія взаимодѣйствія нашего съ другими существами, явленія, въ которыхъ, однако, не даны прямо другія существа, не даны прямо также и дѣятельности ихъ.

Въ связи съ этимъ міромъ явленій, кажущихся намъ пребывающими и двигающимися въ пространствѣ, стоитъ совсѣмъ другой міръ, который можно назвать *внутреннимъ* сравнительно съ внѣшними (пространственными) вещами, міръ, лишенный всѣхъ признаковъ перваго, какъ-то: цвѣтности, звучности, пахучести и пр. и пр. Этотъ міръ, такъ сказать, toto coelo отличающійся отъ перваго, и есть *дѣйствительно сущій* и *реальный*; поэтому въ построеніе его понятія *), вмѣшательство нашего разума съ его *метафизическими предположеніями* должно происходить съ крайнею осмотрительностію. Поэтому всякая метафизика, пытающаяся мыслить и строить этотъ внутренній міръ, по образцу и въ зависимости отъ внѣшняго міра, будетъ необходимо ложною и противорѣчивою. Между тѣмъ, метафизика матеріализма въ своемъ построеніи міропониманія какъ разъ поступаетъ весьма неосмотрительно и прямолинейно. Становясь на почву безсознательной метафизики, она не только не исправляетъ ея наивныхъ заблужденій, но уже сознательно санкціонируетъ ихъ и развиваетъ далѣе. Вмѣсто того, чтобы предполагать и искать во внѣшнемъ мірѣ чего-либо аналогичнаго съ реальностями, данными непосредственно во внутреннемъ, эта метафизика или упорно пытается: или не признавать реальностей внутренняго міра, или же, по крайней мѣрѣ, выводить и объяснять данныя внутренняго міра изъ явленій внѣшняго, чѣмъ и вноситъ вопіющія ложь и противорѣчія въ философское міросозерцаніе.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой *существенной разницы* между матеріализмомъ традиціоннымъ и научнымъ: все различіе ихъ сводится только къ неважнымъ частностямъ и къ словесной формулировкѣ. Какъ традиціонный, такъ и научный матеріализмъ одинаково исходитъ отъ *образовъ вещей* (по-французски images, по-нѣмецки Bilder и Anschauungen, напр. у Канта), которыя суть для него незыблемыя основы всяческой реальности, всего сущаго самого по себѣ,

*) Какъ было сказано выше, метафизика есть необходимое созданіе разума, поэтому одно обладаніе реальными данными еще недостаточно для выработки философскаго міросозерцанія;—нужно еще приложить къ этимъ даннымъ правильное мышленіе.

которое и мыслится въ понятіи не возникающей и не уничтожающейся матеріи. Какъ въ традиціонномъ, такъ и въ научномъ матеріализмѣ эта матерія состоитъ изъ частицъ: въ первомъ это суть, произвольно уменьшенныя въ воображеніи, видимыя и осязаемыя тѣла, каковы, напр., атомы Демокрита, въ второмъ же это молекулы и атомы, предполагаемые на основаніи опытовъ физики и химіи. Эти атомы движутся въ пространствѣ: въ традиціонномъ матеріализмѣ это движеніе относительно его скорости, направленія и пр. понимается неопредѣленно и неточно въ зависимости отъ *силъ*, присущихъ атомамъ. Въ научномъ же—понятіе силы замѣняется болѣе точнымъ, установленнымъ физикою, понятіемъ энергіи въ ея различныхъ видахъ (свѣтовой, тепловой, электрической энергіи и проч.). Традиціонный матеріализмъ смѣло утверждаетъ, что въ мірѣ ничего, кромѣ матеріи и ея движеній въ пространствѣ, и нѣтъ; научный же, какъ бы робѣетъ передъ смѣлыми утвержденіями традиціоннаго и, все-таки, не допуская непространственнаго (т. е. духовнаго) бытія, отдѣлывается различными пустыми *словечками* (напр., фосфоресценція мозга, эпифеноменъ и т. п.), въ которыхъ какъ будто намекается на что-то *не* или *сверхъ* матеріальное.

Но на молекулахъ и атомахъ матеріи еще не останавливается метафизика научнаго матеріализма. Побуждаемая съ *одной* стороны влеченіемъ отдѣлаться отъ пустого пространства *) (этого *ничто*, но все-таки *существующаго*), съ *другой*, нуждаясь въ матеріальномъ субстратѣ для передачи вышеозначенныхъ физическихъ энергій и, съ *третьей*, надѣясь положить предѣлъ *безконечной дѣлимости* тѣлъ, къ которой неизбѣжно приводитъ безконечная дѣлимость пространства, эта метафизика созидаетъ *гипотезу эфира* или особой матеріи, уже

*) Мнѣ кажется, что къ этому присоединяется и другое несознаваемое, хотя и мощное, побужденіе искать реальное недѣлимое, возникающее у людей въ силу присущаго имъ непосредственнаго сознанія своего «я». Это сознаніе, хотя и подавляемое ложной метафизикой матеріализма, все-таки даетъ поводъ для матеріалистическихъ поисковъ реальнаго и истиннаго индивидуума тамъ, гдѣ его найти невозможно, т. е., въ пространствѣ.

не имѣющей свойствъ обыкновенной матеріи (напр., скважности, сжимаемости, расширяемости, вѣса). Въ отличіе отъ нея она называется невѣсомою *) матеріею. Этотъ эфиръ наполняетъ сплошь пространство; онъ абсолютно не сжимаемъ, по всюду проникаетъ, такъ что каждый матеріальный атомъ, какъ бы погруженъ въ эфирную оболочку, также состоящую изъ атомовъ. Есть гипотезы, по которымъ эфиръ есть первоначальная матерія (протилъ), изъ сгущенія которой составилась всякая другая.

Но мнѣ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе гипотезъ научнаго матеріализма, такъ какъ читатели „Своего Слова“ знаютъ мое мнѣніе о происхожденіи понятій пространства, движенія и матеріи и объ ихъ не реальномъ, а только условномъ значеніи, имѣющемъ силу не для философіи, которая есть *наука о реальномъ бытіи*, а для физики, которая есть вполнѣ условная наука о *бытіи кажущемся*. Значитъ, разсмотрѣніе состоятельности гипотезъ объ атомахъ, молекулахъ, энергіи и т. п. составляетъ предметъ физики и вообще естествовѣденія, исходящихъ вообще изъ принятой безсознательною фантазіею реальности тѣлъ или вещей, а не метафизики или философскихъ наукъ.

Что же касается до вопроса о предвидѣніи явленій, совершающемся на основаніи естественныхъ наукъ, то объ этомъ будетъ сказано ниже, а теперь я обращусь къ другимъ философскимъ направленіямъ, обнаруживающимся въ современной русской философской литературѣ.

---

*) Это, по моему, есть своего рода contradictio in adjecto.

Глава III.

ДУАЛИЗМЪ И ПОЗИТИВИЗМЪ.

Подъ *дуализмомъ* я разумѣю міровоззрѣніе, въ которомъ все существующее признается происходящимъ изъ двухъ различныхъ и даже противоположныхъ началъ: *духа* и *матеріи*. Оно столь же древнее и столь же распространенное, какъ и матеріализмъ; и поводъ къ нему, какъ и къ этому послѣднему, лежитъ съ одной стороны въ *кажущейся* намъ непосредственной данности внѣшняго міра вещей *), а съ другой въ *дѣйствительно-непосредственной* данности намъ внутренняго міра нашихъ мыслей, чувствъ, желаній и ощущеній.

Но несмотря на эту *существенную* разницу въ данности внутренняго и внѣшняго міровъ, непосредственно сознаваемые нами элементы послѣдняго, изъ которыхъ слагаются *мнимыя* вещи, даны въ нашемъ сознаніи съ такою *рѣзкостью* и *интенсивностью*, — между тѣмъ какъ въ то же время реальное содержаніе не мнимой, а дѣйствительной *субстанціи* (вещи), данное намъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, такъ измѣнчиво и какъ бы ежемгновенно то погружается, то выплываетъ въ волнахъ сознанія,—что еще и до сихъ поръ огромное большинство людей не сможетъ понять истинное отношеніе внутренняго и внѣшняго міровъ. Это большинство не только не разоблачаетъ *мнимую объективность* матеріальныхъ вещей внѣшняго міра, но всячески пытается пріурочить *на самомъ дѣлѣ* данные элементы внутренняго

*) Выше уже было сказано, что образы матеріальныхъ вещей вовсе *не даны* намъ, а *слагаются* безсознательно нами же изъ элементовъ, называемыхъ чувственными ощущеніями (цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, гладкости, шероховатости, тепла, холода и проч. и проч.).

міра къ мнимымъ вещамъ внѣшняго и, такъ сказать, нарядить ихъ въ цвѣта, звуки, запахи и проч., тогда какъ эти послѣдніе *всецѣло* принадлежатъ непространственному, внутреннему міру нашего сознанія. Если же это большинство и признаетъ душу особымъ отъ матеріальнаго міра существомъ, то только ради религіозныхъ побужденій и вѣры въ будущую жизнь, гдѣ эта душа должна быть носителемъ наградъ и наказаній за добрыя или злыя дѣла этой жизни.

Что же касается до болѣе или менѣе *сознательной* и при томъ *методической* и *систематической* философской метафизики, то и здѣсь мы, съ древности и до нашего времени, встрѣчаемъ тенденцію *матеріализовать душу* и привести ее съ ея функціями въ зависимость отъ какой-либо части тѣла и далѣе вообще матеріи. Кромѣ того, нужно замѣтить, что если сознательная дуалистическая метафизика и держалась твердо двухъ субстанцій: матеріи и духа, то, непремѣнно, какъ-либо урѣзывала духъ въ его функціяхъ. Изъ множества историческихъ примѣровъ этого явленія достаточно указать на то, что отецъ новой философіи, Декартъ, еще помѣщаетъ душу въ одной изъ железъ мозга *) и оставляетъ за душою только дѣятельность мышленія и воли, которую онъ причислялъ къ мышленію; функціи же чувствованія и ощущенія относилъ къ матеріи.

Тенденція дуалистической философіи—сводить духъ къ матеріи—получила для себя болѣе простора особенно тогда, когда въ нашемъ вѣкѣ все шире и могущественнѣе распространялись и популяризировались естественныя науки и когда традиціонный матеріализмъ уступилъ мѣсто научному. Въ этой эволюціи особенно важную роль игралъ терминъ: *явленіе*, замѣнившій собою термины: *субстанція*, *существо*, *вещь*, и своею неопредѣленностью способствовавшій тому, что не сознавалась ясно цѣль этой тенденціи,—свести дуализмъ къ матеріали-

*) Что же касается до извѣстнаго выраженія Карла Фохта, что мозгъ также отдѣляетъ мысли, какъ печень-желчь, то эта очень грубая аналогія, принадлежащая, впрочемъ, весьма умному и талантливому человѣку, относится уже прямо къ метафизикѣ научнаго матеріализма, но не дуализма.

стическому монизму, т. е., чтобы отъ одного изъ двухъ принциповъ, духа, оставалось только пустое слово.

Что касается до русской философіи, то она въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, шла по слѣдамъ европейской, съ тою только разницею, что у насъ тѣ же перемѣны, что и тамъ, происходили нѣсколько позже, а также нѣсколько то грубѣе, то наивнѣе, смотря по обстоятельствамъ. Поэтому въ философскомъ дуализмѣ, являющемся въ сочиненіяхъ или статьяхъ современной русской литературы, мы встрѣчаемъ, что рядомъ со *смѣло* признаваемою *самостоятельностью явленій матеріи*, изучаемыхъ естественными науками, признается, но уже *робко*, и самостоятельность *психическихъ явленій*. Точно также въ большей части современныхъ философскихъ сочиненій дуалистическаго направленія мы читаемъ о *явленіяхъ* психологіи и физіологіи, о ихъ *связи* и *законахъ*, но при этомъ умалчивается, а если и говорится, то въ неясныхъ выраженіяхъ, объ основныхъ началахъ или причинахъ этихъ явленій—*духѣ* и *матеріи*.

Вообще нельзя не отмѣтить, что въ настоящее время дуалистическое направленіе все болѣе и болѣе *теряетъ* прежнюю увѣренность въ себѣ, такъ что, не говоря уже о средне-вѣковой схоластикѣ или картезіанизмѣ, спинозизмѣ и проч., даже дуализмъ начала нынѣшняго вѣка (напр. во французской философіи) отличается сравнительно болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ признаніемъ *противоположности* духа и матеріи. Современный же *дуализмъ* какъ будто стыдится признать себя таковымъ и, при помощи разныхъ неопредѣленныхъ и даже двусмысленныхъ терминовъ, въ родѣ словечка „явленіе“, пытается какъ бы прикинуться *монизмомъ*. Эта тенденція проявляется въ русской литературѣ, напр., въ статьяхъ о *параллелизмѣ духовныхъ* и *матеріальныхъ явленій*, или же въ послѣднее время въ разсужденіяхъ о *психической энергіи*, которая будто бы однородна съ *физическими энергіями* (тепловой, свѣтовой, электрической, магнитной и проч.). Въ этихъ разсужденіяхъ утверждается, что психическая энергія подлежитъ *тѣмъ же законамъ*, что и физическія, превращается въ нихъ и обратно образуется изъ нихъ и т. под.

Что касается до меня, то я вижу въ подобныхъ мнѣніяхъ только *смѣшеніе* понятій и безсознательную, *софистическую игру* терминомъ: „энергія“. Первоначально это понятіе было взято изъ области непосредственнаго сознанія нашихъ психическихъ состояній; потомъ мало-по-малу, при помощи фигуральнаго языка, переходило въ область физики, гдѣ въ наше время стало высшимъ понятіемъ этой науки. Теперь же опять пытаются перетащить его изъ области физики въ область психологіи, но уже съ тѣмъ значеніемъ и опредѣленіемъ, которыя „энергія“ получила въ физикѣ, въ чемъ и состоитъ, конечно, неумышленная, но *несомнѣнная софистика* этого предпріятія. Въ области физики всякая энергія *сводится на движеніе матеріи въ пространствѣ*, но въ области психологіи ничего нѣтъ такого, что могло бы двигаться въ пространствѣ, да и самого пространства-то тамъ нѣтъ.

Но какъ бы дуализмъ ни умудрялся сближать матерію и духъ, связывая явленія физіологіи съ явленіями психологіи, все-таки пропасть между ними ничѣмъ не наполнишь; точно также и *законы* точныхъ наукъ, а слѣдовательно, и физіологіи, сводящіеся къ движенію матеріи въ пространствѣ, не могутъ быть приложимы для выраженія *законовъ* явленій духовныхъ.

Отсюда и являются необходимымъ слѣдствіемъ разныя *недоразумѣнія*, обнаруживающіяся въ вышеупомянутыхъ статьяхъ о параллелизмѣ явленій или о психической энергіи. Такъ какъ, по физической гипотезѣ эфира, все пространство занято вѣсомою или невѣсомою матеріею, то статьи эти никакъ не могутъ выяснить, *гдѣ* и *какъ* соприкасается міръ духовный съ міромъ матеріальнымъ и осуществляется параллелизмъ явленій духовныхъ и матеріальныхъ, или же, иначе говоря, *гдѣ* и *какъ* энергіи физическія переходятъ въ психическую и обратно.

Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что изъ современнаго дуализма должно выйти и откровенно идти путемъ научнаго матеріализма, или же для созданія цѣльнаго и прочнаго философскаго міросозерцанія вступить на какую-либо *новую* дорогу.

Но прежде, чѣмъ искать этой новой дороги, нужно разобраться съ направленіемъ, выступившимъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія подъ именемъ „позитивизма“, который, по мнѣнію его представителей, вполнѣ упраздняетъ всѣ господствовавшія до него въ философіи метафизическія направленія, какъ-то: дуализмъ, спиритуализмъ и даже матеріализмъ (метафизическій). Существенный характеръ этого направленія состоитъ въ томъ, что онъ *отказывается* *) отъ всякой метафизики и, отвергая, какія бы то ни было сущности и субстанціи (существа) хочетъ заниматься только *явленіями и приводить ихъ въ научную связь* **).

Но, однако, этой цѣли нельзя достигнуть, если только позитивизмъ имѣетъ притязаніе быть въ то же время философскимъ міросозерцаніемъ, а онъ отъ этого не отказывается.

Обыкновенно позитивисты забываютъ, что цѣль философіи не совпадаетъ съ цѣлью частныхъ наукъ, которая состоитъ въ изслѣдованіи явленій для установки законовъ ихъ *сосуществованія* и *послѣдовательности*. Но, философія, выходящая изъ этой условной области частныхъ наукъ, имѣетъ своимъ предметомъ *безусловное сущее*. То же, что выражается словомъ: *явленіе*, не можетъ быть мыслимо безъ соотносительныхъ съ нимъ понятій: *сущность, дѣйствительность, бытіе само по себѣ* и пр. Значитъ, въ философіи „явленіе“ имѣетъ смыслъ только при предположеніи, что существуетъ что-то, *которое является* или *кажется*, а также что существуетъ кто-то, *которому* это сущее *является*, или чѣмъ либо *кажется*. Забывая объ этомъ, позитивисты, путемъ разныхъ *словесныхъ софизмовъ* и *передержекъ*

*) Конечно, только на словахъ, прибавлю я, а не на дѣлѣ.

**) Съ словечкомъ «явленіе» мы уже познакомились раньше, но въ особенности важное значеніе имѣетъ этотъ терминъ вмѣстѣ съ его синонимомъ «феноменъ» именно, въ позитивизмѣ. Кстати, читателямъ «Своего Слова» уже знакомы мои воззрѣнія на это направленіе, напр., изъ полемики съ представителемъ русскаго позитивизма г. Лесевичемъ. Кромѣ того, я позволю себѣ еще указать на цѣлый рядъ моихъ статей, трактующихъ о французскомъ позитивизмѣ и помѣщенныхъ въ московскомъ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи». (См. 15-ю и слѣдующія книги этого журнала).

устраняютъ это предположеніе и противоположеніе, а безъ нихъ словечко—явленіе уже не имѣетъ ровно *никакого* смысла. Это и доказывается образомъ дѣйствій самихъ же позитивистовъ, которые сейчасъ же и вводятъ въ свои разсужденія и построенія то, что они принципіально только что устранили, т. е., существо или сущность.

Одна половина того, что предполагается словомъ „явленіе", т. е., дѣйствительныя существа, для которыхъ эти явленія обнаруживаются, входитъ въ разсужденія позитивистовъ подъ фирмою словечка „мы". Что же касается до другой половины, т. е., до существъ являющихся, то ихъ разумѣютъ позитивисты, или подъ пустыми, ничего не значущими словами (какъ напр., „Ding an sich" Канта, или „Непознаваемое" Спенсера и т. п.), или же весьма наивно разумѣютъ подъ ними *то самое*, что прежде было объявлено явленіями. Въ этомъ случаѣ позитивистической передержки „явленія", т. е., образы пространственныхъ вещей (небесныя свѣтила, камни, растенія, животныя, люди и т. под.) вдругъ превращаются изъ явленій въ реальныя вещи и существа, дѣйствующія другъ на друга, на основаніи законовъ, изслѣдуемыхъ естественными науками. Есть даже и такіе позитивисты, что признаютъ не только воспринимающій субъектъ и воспринимаемый объектъ явленіями, но даже и самую связь между послѣдними, отыскиваемую науками, тоже явленіемъ. Вообще здѣсь какъ бы прилагается извѣстная поговорка: „явленіе на явленіи ѣдетъ, явленіемъ погоняетъ и къ явленію же въ гости выѣзжаетъ".

„Факты" или „реальные факты" — есть другое словечко, на которое въ своихъ разсужденіяхъ опирается позитивизмъ, хотя и не исключительно, но болѣе, чѣмъ другія философскія направленія. Эти слова должны означать въ этомъ направленіи нѣчто первоначальное основанное на дѣйствительности, а не на „метафизическихъ фантазіяхъ". Но и въ этомъ случаѣ позитивисты забываютъ, что *факты* суть не что иное какъ *мнѣнія*, т. е., продукты мышленія, что фактовъ *самихъ по себѣ* не существуетъ и что они *совершаются* тамъ же, гдѣ и мнѣнія. При этомъ, конечно, позитивисты позабываютъ,

что между естествовѣдами постоянно происходятъ *споры о фактахъ*, тогда какъ между математиками, занимающимися наукой не о фактахъ, но о понятіяхъ, никакихъ споровъ не существуетъ.

Но гдѣ всего болѣе можно убѣдиться, что факты не есть нѣчто первоначальное, само по себѣ сущее, а только выраженіе вѣчно подлежащихъ спору мнѣній о событіяхъ, такъ стоитъ только войти въ *область права и правосудія*. Здѣсь во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, при самыхъ разнообразныхъ формахъ судопроизводства, мы ежедневно и ежеминутно встрѣчаемъ постоянные *споры и пререканія о фактахъ* между обвинителями и защитниками, между истцами и отвѣтчиками. При этомъ факты вовсе не отличаются какою-либо особою сложностью и запутанностью, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ суть самые простые и доступные пониманію всякаго человѣка. Обыкновенно противоположныя утвержденія объ этихъ фактахъ исчерпываются весьма не мудрыми формулами: „видѣлъ—не видалъ; слышалъ—не слыхалъ; дѣлалъ—не дѣлалъ и т. д.“ безъ конца.

Наконецъ должно еще упомянуть объ одномъ принципѣ, преимущественно господствующемъ въ позитивистическомъ направленіи. „Все относительно, и ничего нѣтъ безотносительнаго“—говорятъ съ особою торжественностью позитивисты, уничтожая этими словами всяческое *абсолютное*. Это послѣднее понятіе входитъ во многія философскія системы, но, къ сожалѣнію опредѣляется *не строго* и *неоднообразно*. Отсюда, конечно, и соотносящееся съ нимъ понятіе „относительнаго“ также не имѣетъ строго опредѣленнаго значенія. Что касается до позитивизма, то въ немъ абсолютное отрицается какъ въ бытіи, такъ и въ познаніи. Поэтому принципъ „все относительно“ значитъ, что нѣтъ ничего *единаго, тождественнаго съ собою и равнаго самому себѣ*, или иначе говоря, нѣтъ ничего сущаго самого по себѣ.

Въ отношеніи къ познанію, позитивистическій принципъ относительности означаетъ, что извѣстно только *отношеніе субъекта къ объекту*, а сами они не извѣстны. Кстати, прибавлю еще, что одинъ

изъ англійскихъ позитивистовъ, Бэнъ, предлагаетъ такую *теорію сознанія*, по которой оно не возможно, если нѣтъ перехода отъ одного его пункта къ другому; по мнѣнію Бэна, мы никакого предмета не сознаемъ въ немъ самомъ. Значитъ сознаніе есть только познаніе *различія* между двумя вещами; въ этомъ и состоитъ по Бэну, основной *законъ относительности* познанія.

Здѣсь прежде всего должно отмѣтить самую главную и основную ошибку позитивизма, смѣшеніе понятій: сознаніе и познаніе, которыя не только не одно и то-же, но относятся другъ къ другу какъ нѣчто вполнѣ разное, а именно, какъ причина и слѣдствіе. Кромѣ того, полное противорѣчіе заключается въ утвержденіи, что будто бы извѣстно *отношеніе* двухъ вещей, а неизвѣстны сами по себѣ *относящіяся* вещи; да и какимъ бы образомъ могъ чувствоваться *переходъ* отъ одного неизвѣстнаго къ другому?

Теперь я скажу нѣсколько словъ о значеніи позитивизма въ современной философіи вообще и въ русской въ частности.

Въ одномъ отношеніи современный позитивизмъ можно считать продолженіемъ греческихъ *софистики и скепсиса*. Такъ одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ германскихъ позитивистовъ, Лаасъ, противопоставляя въ одномъ изъ своихъ сочиненій „Idealismus und Positiwismus“ позитивизмъ идеализму, ставитъ знаменитаго греческаго софиста, Протагора, родоначальникомъ перваго. Значитъ, съ этой точки зрѣнія, позитивизмъ представляетъ столь же древнее направленіе философіи, какъ матеріализмъ, дуализмъ и проч. Но я *предпочитаю* прилагать терминъ позитивизма къ болѣе современной намъ формѣ направленія, отрицающаго сущее само по себѣ и считающаго его недоступнымъ познанію. Въ древнемъ скептицизмѣ понятіе явленія, вошедшее, впрочемъ, въ философскую терминологію, начиная съ Платона, вовсе не играло той роли, которую оно играетъ теперь, составляя предметъ частныхъ и точныхъ наукъ естествовѣденія, такъ какъ въ древнемъ мірѣ онѣ были еще въ зародышѣ и вовсе не стояли въ такой рѣзкой противоположности съ философіей, какъ

теперь. Ученіе греческихъ софистовъ и скептиковъ *противополагало* тогдашнимъ философскимъ спекуляціямъ не организованныя современныя частныя науки съ ихъ законами и выработанными методами, а ежедневную всѣмъ знакомую эмпирію *практической* жизни. Тогда какъ древняя софистика и скепсисъ представляютъ своего рода наивно-легкомысленное *удальство незрѣлаго ума*, современный позитивизмъ, въ своемъ отрицаніи метафизики, претендуетъ стоять на данныхъ вѣкового опыта и методическаго изслѣдованія законовъ природы, и если допускаетъ философію, то только въ смыслѣ объединенія законовъ частныхъ наукъ въ одну общую *положительную систему*.

Но если есть основаніе не относить начало позитивизма къ софистикѣ древнихъ, то есть и другія основанія, по которымъ нельзя считать началомъ этого направленія только тотъ моментъ, когда впервые появился въ философской литературѣ и получилъ право гражданства *терминъ позитивизма*. По моему, началомъ этого направленія нужно считать то время, когда, послѣ открытія законовъ тяготѣнія Ньютономъ, въ области наукъ начало мало-по-малу выростать значеніе физики и вообще естественныхъ наукъ и когда обнаружились методическія стремленія изучать философскія науки съ *той же* точки зрѣнія и *тѣми же* методами, какими изучалась и матеріальная природа. Въ такомъ случаѣ можно, кажется мнѣ, смѣло поставить исходнымъ пунктомъ позитивизма дѣятельность англійской философіи, начиная съ Локка и *особенно* съ Юма. Не даромъ этотъ философъ видѣлъ въ законахъ *психологической ассоціаціи идей*, нѣчто, вполнѣ аналогичное открытымъ Ньютономъ законамъ взаимнаго притяженія между тѣлами. Поэтому совершенно естественно, что въ трехъ передовыхъ странахъ Европы позитивизмъ начинается дѣятельностью философовъ, примыкающихъ къ Юму и признававшихъ его вліяніе на свою дѣятельность.

Въ Англіи, начиная отъ Юма и до послѣдняго времени, вліяніе позитивизма все расширялось и дало не мало философовъ этого направленія *),

*) Впрочемъ, тамъ это направленіе не называлось позитивизмомъ, а включалось подъ другими названіями, напр.: шотландской философіи, ассоціанизма.

изъ которыхъ наиболѣе замѣчательными можно считать Д. С. Милля, Бэна и Спенсера. Въ настоящее время, однако, уже есть признаки, по которымъ можно заключить, что позитивизмъ въ Великобританіи начинаетъ понемногу терять свое значеніе.

Во Франціи, хотя и до Конта появлялись признаки позитивистическаго направленія, но все-таки большое значеніе оно получило со времени образованія школы Конта, которымъ былъ введенъ въ философію какъ терминъ позитивизма, такъ и систематически выработанная форма этого направленія. Въ школѣ же, основанной Контомъ, совершилось и развѣтвленіе позитивизма на *научный* и *религіозный*. Наиболѣе извѣстныя имена между послѣдователями Конта принадлежатъ Литтре, Вырубову и Лафитту. Къ разновидности позитивизма же во Франціи можно причислить школу весьма почтеннаго философа Ренувье, который исходитъ изъ основоположеній Юма и Канта (главнымъ образомъ „Критики чистаго разума“). Школа эта, можно сказать, состоитъ только изъ двухъ лицъ: самого Ренувье и его друга и сотрудника Пиллона, съ которымъ онъ уже нѣсколько десятилѣтій предпринималъ разныя періодическія изданія, въ которыхъ встрѣчаются весьма дѣльныя и интересныя статьи ученыхъ и талантливыхъ издателей. Впрочемъ, направленіе Ренувье и Пиллона можно скорѣе причислить къ позитивизму религіозному, такъ какъ они ревностные послѣдователи протестантскаго вѣроисповѣданія.

Наконецъ, въ Германіи родоначальникомъ позитивизма былъ Кантъ, хотя собственно его философія вмѣстѣ съ позитивистическими началами заключаетъ элементы и другихъ направленій, которымъ тоже положилъ начало Кантъ, и отъ которыхъ его философія носила разныя имена, напр., *критицизма*, *идеализма*, *скептицизма*.

Позитивистическіе элементы въ философіи Канта преимущественно состояли въ отрицательномъ отношеніи его къ метафизикѣ; въ его убѣжденіи, что „ученіе о природѣ можетъ быть настоящею наукою постольку, поскольку къ ней можетъ быть приложима математика“; и, наконецъ, въ большомъ вліяніи, которое имѣла на него натуръ-фи-

лософія Ньютона, работу котораго онъ продолжалъ самъ въ началѣ своего ученаго поприща въ различныхъ областяхъ естествовѣдѣнія, и высокое значеніе, которое онъ придавалъ физикѣ, или натуръ-философіи, въ теченіе всей своей жизни *).

Во всякомъ случаѣ позитивистическіе элементы философіи Канта были обособлены и легли въ основу спеціальнаго *кантовскаго позитивизма* въ Германіи около 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Первымъ замѣчательнымъ представителемъ позитивистическаго направленія, основаннаго на философіи Канта, можетъ быть названъ Ф. А. Ланге, особенно извѣстный въ области философіи сочиненіемъ: „Исторія матеріализма". Но, впрочемъ, терминъ позитивизма не сталъ общепринятымъ и въ Германіи, и это направленіе получило тамъ названіе *ново-кантіанства*. Въ наше время философы этого направленія, по преимуществу, группируются въ журналѣ „Vierteljahrschrift für wiss. Philosophie". Наиболѣе громкія имена изъ дѣятелей германскаго позитивизма принадлежатъ: Ланге, Паульсену, Рилю и уже умершимъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ Карлу Герингу и только недавно—Р. Авенаріусу. Но было бы ошибочно думать, что эти германскіе позитивисты, а также англійскіе и французскіе, вполнѣ и строго воздерживаются отъ метафизики, что, впрочемъ, и понятно, ибо, какъ сказано выше, метафизика *неизбѣжна* въ дѣятельности мыслящаго разума. Поэтому у каждаго изъ названныхъ философовъ есть болѣе или менѣе обширныя частныя метафизическія предположенія, а кромѣ того *всѣ они*, думая стоять на почвѣ естествовѣдѣнія, вмѣстѣ съ нимъ необходимо *впадаютъ* въ ту стародавнюю безсознательную метафизику, которая строитъ существа изъ ощущеній и о которой было сказано мною выше, въ главѣ: „Научный матеріализмъ".

Что касается до русской литературы, то въ ней позитивизмъ появился, немного позже, чѣмъ въ Европѣ, и сперва въ пе-

*) См. о сильномъ вліяніи Ньютона на Канта среди вліяній другихъ предшественниковъ этого философа въ моей книгѣ: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта". Кіевъ. 1884 г.

реводахъ сочиненій иностранныхъ писателей, или же въ извлеченіяхъ изъ нихъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ появились переводы англійскихъ позитивистовъ, напр., Льюиса, Д. С. Милля, Бэна и Спенсера, потомъ наша литература принялась за изученіе французскаго позитивизма (Конта, Литтре) и, наконецъ, въ послѣднее время, обратилась по преимуществу къ германскому позитивизму. Были переведены нѣкоторыя сочиненія Ланге, Риля, Вундта и другихъ. Въ настоящее время одинъ изъ русскихъ журналовъ, а именно: „Русское Богатство“ можно считать представителемъ русскаго позитивизма, главнымъ образомъ въ статьяхъ гг. Михайловскаго и Лесевича. Конечно, и въ русскомъ позитивизмѣ можно отмѣтить то же общее *свойство* этого направленія, что, тѣсно примыкая къ естествовѣдѣнію, оно неизбѣжно впадаетъ въ метафизику научнаго матеріализма.

Теперь мнѣ слѣдуетъ сдѣлать очеркъ, хотя и потерявшаго свое прежнее значеніе, но всё еще дѣйствующаго направленія—*идеализма.*

Глава IV.

ИДЕАЛИЗМЪ.

Уже гораздо болѣе двухъ тысячъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Платонъ ввелъ въ область философіи терминъ „идея“ и на немъ основалъ міросозерцаніе, которое и въ наши дни носитъ имя „идеализма“; а между тѣмъ и въ настоящее время далеко еще не выработано общепринятаго и однообразнаго опредѣленія этихъ двухъ терминовъ: *идея, идеализмъ.* Чтобы не ходить далеко, я могу указать на весьма яркое подтвержденіе сейчасъ высказанной мысли въ *поучительномъ* спорѣ, который былъ веденъ на страницахъ московскаго журнала: „Вопросы философіи“ 1897 года, книги 37 и 38, по поводу „идеализма“ двумя почтенными представителями русской философіи, Б. Н. Чичеринымъ и кн. С. Н. Трубецкимъ *).

*) Въ книжкѣ 37-й „Вопросовъ“ Г. Чичеринъ напечаталъ статью: «Сущность и методы идеализма», причемъ имѣлъ въ виду преимущественно идеализмъ первой половины

Вообще чѣмъ далѣе по времени мы удаляемся отъ великаго греческаго философа, создавшаго направленіе идеализма, тѣмъ болѣе видоизмѣнялось и развѣтвлялось понятіе и опредѣленіе этого направленія. Особенно же разнообразному и возбуждавшему споры пониманію стали подлежать термины: „идея, идеализмъ“, въ новой философіи, начиная съ Декарта, и еще болѣе начиная съ Канта и до настоящаго времени.

Наконецъ, уже совсѣмъ неразрѣшимую *путаницу* въ пониманіи идеализма произвело распространеніе этого термина въ общемъ разговорномъ и литературномъ языкѣ. Здѣсь этотъ терминъ уже *вульгаризировался* до того, что сталъ ходячимъ въ самыхъ низшихъ слояхъ литературы, такъ что „идеалистами и идеалистками“ величаются герои и героини большей части романовъ, предназначенныхъ для развлеченія самой нетребовательной и даже только грамотной публики.

Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что я не возьму на себя трудъ *разыскивать*, едва-ли, впрочемъ, уловимые, признаки, которые могли бы оказаться общими какъ для понятія этого вульгарнаго идеализма, такъ и для понятія философскаго идеализма, потому что считаю такой трудъ безполезнымъ, по пословицѣ: „не стоитъ овчинка выдѣлки“.

Но, кажется, не менѣе безполезно будетъ трудиться и надъ такимъ опредѣленіемъ понятій: идея, идеализмъ, которое покрыло бы эти понятія какъ у отдѣльныхъ философовъ, такъ и у цѣлыхъ философскихъ школъ, начиная отъ Платона и до нашего времени. Что-

---

нашего вѣка, именно Гегеля. Эта статья есть не что иное, какъ обстоятельная и подробная критика цѣлаго ряда статей князя Трубецкого, напечатанныхъ въ томъ же журналѣ въ 1896 г. подъ заглавіемъ: „Основанія идеализма“. Князь Трубецкой въ той же самой книжкѣ сдѣлалъ обширное возраженіе г. Чичерину (два съ лишнимъ печатныхъ листа) подъ заглавіемъ: „Въ защиту идеализма“. На это, въ свою очередь, возразилъ г. Чичеринъ въ 38-й книжкѣ „Вопросовъ“ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Еще объ идеализмѣ.“ На это возраженіе въ той же книжкѣ князь Трубецкой отвѣчалъ снова подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Б. Н. Чичерину“. *Итогъ* этой полемики можно кратко выразить *такъ*: спорящіе философы вполнѣ *расходятся* какъ въ „основаніяхъ“, такъ и „въ сущности и въ методахъ“ идеализма вообще и идеализма Гегеля въ частности.

бы убѣдить въ томъ читателя, я весьма бѣгло и кратко напомню ему всѣ историческія перипетіи, черезъ которыя прошелъ съ тѣхъ поръ философскій идеализмъ.

Уже въ самой школѣ Платона его ученикомъ, Аристотелемъ, было сдѣлано видоизмѣненіе системы учителя, такъ что рядомъ съ „*академіей*“ образовалась новая школа „*перипатетиковъ*“ (послѣдователей Аристотеля), которые потомъ въ теченіе вѣковъ не разъ начинали заново борьбу съ идеализмомъ Платона. Далѣе, когда философія перенесла свою дѣятельность изъ Греціи въ Александрію, къ этимъ двумъ школамъ идеализма привходитъ школа Филона, платонизирующаго еврея, которая пытается согласить главные результаты греческой философіи съ сущностью еврейской теологіи, ведущей свое начало отъ Моисея. Конечно, при этомъ соглашеніи понятія „идеи и идеализма“ получили новое видоизмѣненіе, которое, въ свою очередь, становится *базисомъ*, съ одной стороны, для идеализма отцевъ христіанской церкви, каковы, напр., Іустинъ философъ, Климентъ Александрійскій, Григорій Назіанзинъ, Аѳанасій Александрійскій, особенно же блаженный Августинъ и пр., а съ другой стороны—для идеализма ново-платоновской школы, главными представителями которой были: Плотинъ, Порфирій и Проклъ.

Въ этомъ фазисѣ историческаго развитія идеализма оно еще совершалось болѣе или менѣе свободно, но когда начались *средніе вѣка* въ собственномъ смыслѣ, то философія, перешедшая въ весьма скудныхъ обрывкахъ отъ образованнаго греко-римскаго міра къ новымъ народамъ, выступившимъ на историческое поприще, потеряла всякую самостоятельность въ своемъ движеніи и стала вполнѣ „служанкою“ церкви, которая чрезвычайно ревниво охраняла свое вліяніе въ воспитаніи своихъ новыхъ духовныхъ чадъ, съ большимъ трудомъ пріобрѣтенныхъ ею изъ подъ власти грубыхъ языческихъ религій. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны были подчиниться надзору и ферулѣ церкви и тѣ незначительные остатки *греческаго идеализма*, которые сохранились частію у латинскихъ писателей, частію въ сочиненіяхъ отцевъ хри-

стіанской церкви первыхъ вѣковъ и, наконецъ, въ трактатахъ *логики*, т. е., въ „Органонѣ“ Аристотеля, которые церковь сохраняла въ школахъ, какъ полезное орудіе въ борьбѣ за свои догмы съ язычествомъ какъ стараго греко-римскаго міра, такъ и новаго міра варварскихъ народовъ;—а также и въ борьбѣ съ ересями, возникавшими въ нѣдрахъ самого христіанства.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда философія была слугою у христіанской теологіи, тянется споръ *реализма* съ *номинализмомъ*, подъ видомъ котораго въ сущности продолжается старый споръ платониковъ съ аристотеликами. Поводомъ спора является вопросъ, если выразить его терминологіей Платона, объ *участіи*, *общеніи*, *присутствіи*, *внѣдреніи* или *воплощеніи* (μέθεξις, κοινωνία, παρουσία) идей въ матеріи. Но въ средневѣковомъ философскомъ спорѣ нѣсколько измѣняются термины, въ которыхъ выражается и эта старая *проблема*, и самая ея постановка. Вмѣсто „идей“ говорятъ объ „универсалахъ“ или общихъ понятіяхъ *родовыхъ* и *видовыхъ* и объ ихъ отношеніи къ единичнымъ вещамъ. Проблема ставится такъ: имѣютъ-ли „универсалы“, или роды и виды, *отдѣльное* отъ вещей существованіе (Платоники), или же они существуютъ только *въ вещахъ* (Аристотелики); или же, какъ, наконецъ, утверждаютъ номиналисты, доведшіе до крайности формулу Аристотеля, универсалы вовсе *не имѣютъ* реальнаго существованія, а суть только *flatus vocis* (слова, звуки голоса). Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, образуется третья, посредствующая между спорящими партіями, школа „концептуалистовъ“, которая учитъ, что общія идеи не суть только слова, но имѣютъ существованіе, хотя *не внѣ* вещей, и не *въ вещахъ*, а *въ умѣ (concepta mentis)*.

Между тѣмъ, во время этихъ споровъ, въ жизни западныхъ европейскихъ народовъ совершились историческія событія, расширившія область разногласія,—съ одной стороны, и возбудившія умственную энергію спорящихъ—съ другой. Импульсъ, данный этими событіями между XIII—XVI вѣками мало-по-малу освобождаетъ философію отъ ея

полнаго рабства церкви, такъ что, чѣмъ дальше, тѣмъ все свободнѣе становится философія и даже пытается вступать въ борьбу съ своею прежнею госпожею за свободу философскаго мышленія.

Историческія событія, послѣдовательно приведшія къ этому результату, состояли прежде всего въ перенесеніи, главнымъ образомъ, черезъ евреевъ арабской образованности къ народамъ христіанскаго запада и далѣе въ начавшихся во время крестовыхъ походовъ прямыхъ сношеніяхъ его какъ съ арабскимъ, такъ и съ византійскимъ востокомъ. Послѣ же паденія византійской имперіи начались *эпохи*: *„Возрожденія“* философіи и наукъ и наконецъ *реформаціи*, сопровождаемыя новыми открытіями въ научной области вообще и географіи въ частности.

Во всемъ этомъ процессѣ освобожденія философіи и вообще человѣческаго разума и познанія изъ подъ ферулы церкви *передовую* роль игралъ греческій идеализмъ, изъ послѣдователей котораго вышли и первыя жертвы, погибшія за свободу мысли, какъ, напр., Джордано Бруно (платоникъ) и Ванини (аристотеликъ), сожженные на кострѣ инквизиціею. Уже въ XIII вѣкѣ европейскіе народы познакомились съ главными сочиненіями Аристотеля: *физикой*, *метафизикой* и *этикой*, а потомъ знакомятся не только съ прочими сочиненіями Аристотеля, но также, особенно послѣ завоеванія Византіи турками, черезъ бѣжавшихъ изъ нея ученыхъ грековъ, съ Платономъ и другими представителями греческой философіи и науки. Тогда снова и гораздо энергичнѣе возобновилась борьба, сперва въ Италіи, а потомъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, между платониками и аристотеликами; но, кромѣ того, у послѣднихъ произошло подраздѣленіе на *двѣ* партіи, сообразно двумъ различнымъ толкованіямъ философіи Аристотеля, изъ которыхъ одно вело начало отъ ея древняго комментатора, Александра Афродизскаго въ смыслѣ *деизма*, а другое—въ смыслѣ *пантеизма*—вело начало отъ арабскаго истолкователя Аристотеля, Аверроэса. Всѣ эти партіи и различія въ пониманіи основателей греческаго идеализма, Платона и Аристотеля, производили такой *разбродъ* въ понятіяхъ: *идея*, *идеализмъ*, что, хотя и возможно дать имъ такое

общее опредѣленіе, подъ которое подходило бы ихъ содержаніе въ различныя эпохи ихъ историческаго существованія отъ Платона до Декарта, но все-таки это не легко. Что же касается до опредѣленія, которымъ бы покрывалось ихъ содержаніе въ исторіи отъ Платона до нашихъ дней, то это, кажется, и невозможно; а, кромѣ того, оно и не нужно въ силу основанія о которомъ я сейчасъ кратко выскажусь.

Основаніе это заключается въ томъ, что развитіе идеализма, въ томъ смыслѣ и духѣ, въ какомъ онъ былъ начатъ Платономъ, можно передъ началомъ новой исторіи философіи считать законченнымъ. Въ движеніи идеализма, начиная съ Декарта, отъ фундамента, заложеннаго Платономъ, остаются только терминологія и не существенные элементы греческаго идеализма, сущность же картезіанизма, по скольку въ немъ философія вообще входитъ въ *новую стадію* своего развитія, подходитъ вѣрнѣе, по моему, подъ понятіе того направленія, которое выше названо было мною именемъ дуализма *). Точно также, если съ Декартомъ на европейскомъ континентѣ идеализмъ перегибаетъ въ дуализмъ, то въ Англіи тотъ же идеализмъ, пройдя черезъ средневѣковой номинализмъ (Дунсъ Скоттъ, Оккамъ), далѣе черезъ реформу Бэкона и, наконецъ, пройдя черезъ философію Локка и Юма, переходитъ въ позитивизмъ. Но если, можетъ быть, со мной и не станутъ спорить, что философія, въ духѣ Декарта, подходитъ скорѣе подъ понятіе дуализма, чѣмъ идеализма, то все-таки, думается мнѣ, пожалуй и многіе не уступятъ, что германская философія отъ Канта и до Шопенгауера включительно не есть идеализмъ въ точномъ смыслѣ этого понятія и должна быть причислена къ какому-нибудь иному направленію: ужъ слишкомъ утвердился за германской философіей терминъ „идеализма“, благодаря дѣятельности такихъ мыслителей, каковы: Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауеръ. Но я все-

*) Отсюда, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы дуализмъ появился только съ Декарта. Имѣя основаніе въ *кажущемся* различіи міровъ тѣлеснаго и духовнаго, дуализмъ представляетъ одно изъ древнѣйшихъ направленій философской мысли.

таки позволю себѣ *настаивать* на своей мысли, опираясь на то, что, какъ вообще, по своей *сущности*, германская философія *не* есть идеализмъ, такъ и по различію въ одномъ изъ самыхъ важныхъ философскихъ понятій, а именно въ понятіи *божества*, которое, при одинаковости названія, понимается въ греческомъ и германскомъ идеализмѣ различно.

Читатели „Своего Слова", знакомые съ истиннымъ, по моему, понятіемъ *бытія* (см. №№ 2—3 Своего Слова) видѣли, что все дѣйствительно-существующее исчерпывается *субстанціями* различнаго рода, ихъ *дѣятельностями* или *функціями* и *содержаніемъ* этихъ дѣятельностей *). Такъ какъ философія имѣетъ своей задачей достигнуть *правильнаго*, т. е., удовлетворительнаго для мыслящаго разума, пониманія *бытія*, то все развитіе философскаго знанія происходитъ только вслѣдствіе того, что съ самаго начала человѣческаго мышленія и до сихъ поръ оно не разрѣшило вполнѣ этой задачи. Люди еще не успокоились и все снова и снова начинаютъ тяжелую, соединенную съ особаго рода страданіемъ, но въ то же время полную влекущей прелести, работу философствующаго ума**). Во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ философскихъ системахъ, всегда оказывалось что-либо неудовлетворительнымъ: то неясность и противорѣчія въ понятіяхъ *субстанцій*, или ихъ *дѣятельностей*, то ошибочность въ пониманіи *связи* субстанцій съ дѣятельностями и ихъ содержаніемъ, то *смѣшеніе* дѣятельностей и содержанія съ субстанціями (сюда относится, напр., субстанціированіе понятій), то отдѣленіе дѣятельностей отъ содержанія, то неполнота и неправильность въ опредѣленіи этихъ *трехъ сторонъ* сущаго, или же—въ классификаціи его родовъ и видовъ. Однимъ словомъ, всѣ сейчасъ указанные и другіе, имъ подобные, недостатки въ каждой изъ явившихся до сихъ поръ философскихъ системъ и ошибки

*) Объ этомъ пунктѣ мнѣ еще придется сказать ниже, въ этой же статьѣ.

**) Разумѣется, я имѣю здѣсь въ виду людей, влекомыхъ, по поэтическому уподобленію Платона, *небеснымъ Эросомъ*, а не ремесленниковъ, философствующихъ ради честолюбія, тщеславія, матеріальныхъ выгодъ и т. под.

въ ихъ *гносеологіи*, *метафизикѣ* и *этикѣ* дѣлали ихъ неудовлетворительными и тѣмъ обусловливали ихъ дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе.

А, между тѣмъ, *источникъ* для этой все возобновляющейся работы построенія философскаго знанія всегда оставался *одинъ и тотъ же*. Какъ извѣстно это читателямъ моихъ сочиненій (напр., въ „Своемъ Словѣ“ или же въ журналѣ „Вопросы философіи“), этотъ источникъ есть **непосредственное**, **первоначальное** и **простое** *сознаніе*, тождественное, хотя и существующее въ разныхъ степеняхъ интенсивности и ширины, не только у всѣхъ людей, но даже и у животныхъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ. Однако, это сознаніе отнюдь еще *не есть знаніе*, которое является преимущественно въ философіи и наукахъ и для возникновенія котораго изъ *элементовъ* первоначальнаго сознанія нужна еще энергическая работа мышленія при тщательномъ соблюденіи его двухъ законовъ: *закона противорѣчія* и *закона достаточнаго основанія*. Поэтому всѣ вышеозначенные *недостатки* и *ошибки* философскихъ системъ сводятся къ большему, или меньшему безсилію, или неудачнымъ попыткамъ мышленія *перевести слѣпой* и *темный*, если можно такъ выразиться, языкъ первоначальнаго и непосредственнаго сознанія на ясный и отчетливый языкъ сознанія *мыслящаго*, т. е., *сравнивающаго* и *координирующаго* первоначально данные элементы непосредственнаго сознанія.

Послѣ этого отступленія, въ которомъ я указалъ на область, гдѣ, по моему, философія ищетъ свой предметъ, т. е., *бытіе* само по себѣ, я обращусь къ объясненію существеннаго *различія* между идеализмомъ греческимъ и германскимъ. Первый видѣлъ бытіе въ его третьей сторонѣ, т. е., въ *содержаніи*, *оторванномъ* какъ отъ дѣятельности, такъ и отъ субстанціи: для него *идеи* были истинно сущимъ и совершеннѣйшимъ бытіемъ. Что же касается до дѣятельности, производящей идеи и о дѣйствующихъ субстанціяхъ, то этотъ вопросъ не былъ серьезно не только разрѣшенъ, но даже и затронутъ идеализмомъ ни съ *психологической*, ни съ *гносеологической* точки

зрѣнія. Философы идеализма, начиная съ Платона и до Декарта, стояли въ этомъ отношеніи на общенародныхъ воззрѣніяхъ, руководившихся сперва греко-римскою миѳологіею, потомъ ученіемъ христіанской церкви. Научная же психологія и теорія познанія вся заключалась въ началахъ, положенныхъ тѣми же Платономъ *) и Аристотелемъ, которые и дали философіи направленіе, искавшее бытіе въ содержаніи, оторванномъ отъ дѣятельностей и дѣятелей. Все же различіе въ философскихъ воззрѣніяхъ Платона, Аристотеля и другихъ идеалистовъ до Декарта заключалось только въ терминологіи и въ мнѣніяхъ объ отношеніи вѣчно сущаго (умопостигаемаго) *начала* познанія къ *чувственному* (текущему) *началу*. Общимъ же, твердымъ основаніемъ для всѣхъ идеалистовъ было *признаніе* того факта, что у всѣхъ людей существуютъ два условія для познанія истины о бытіи: *индивидуальные образы* матеріальныхъ вещей и *общія понятія* (идеи, формы, роды, виды).

Обращаясь къ теоріи основателя идеализма Платона, мы видимъ, что у него *образы вещей* (εἰκῶνες), доставляемые чувствами, ведутъ къ познанію не прочному, представляющему всегда сомнительное, и только въ счастливомъ случаѣ истинное, *мнѣніе* (δόξα). Происходитъ это, по его ученію, отъ того, что и вещи въ своихъ свойствахъ постоянно измѣняются (текутъ) и познавательная дѣятельность движется отъ познающаго къ познаваемому предмету (тоже течетъ): сущее же неподвижно и всегда равно само себѣ. Что же касается до *понятій*, то они заключаютъ истинное познаніе сущаго, потому что образуются не на основаніи текущихъ образовъ вещей, а на основаніи доступнаго человѣческому разуму знакомства (созерцанія) съ идеями (ἰδέαι) неподвижными и вѣчными *прототипами* или *первообразами* тѣхъ же самыхъ вещей (πράγματα), къ которымъ относятся и текущіе образы.

---

*) Относительно теоріи познанія и психологіи Платона могу указать на мое сочиненіе: „Методъ и направленіе философіи Платона“. Кіевъ. 1880.

Можно сказать, что только это воззрѣніе составляло *общій* и *прочный* исходный пунктъ для всего греческаго идеализма. Во всемъ же прочемъ *) начинается неопредѣленность, шаткость, недостатокъ логической обоснованности и послѣдовательности, какъ у отдѣльныхъ представителей идеализма, такъ и у цѣлыхъ школъ этого направленія. Отсюда, въ концѣ-концовъ, и возникаютъ въ его средѣ споры и разногласія.

Всего ярче эта шаткость обнаруживается у того же Платона въ мнѣніяхъ объ образованіи понятій. Этотъ великій философъ, бывшій, въ сущности, *основателемъ* логики **), постоянно колебался между имъ же самимъ указанными логическими *методами* образованія понятій, *индукціею* и *аналогіею*, и своею же гипотезою миѳологическаго или, вѣрнѣе, поэтическаго *созерцанія* идей разумомъ и затѣмъ слѣдующаго *припоминанія* ихъ, по поводу знакомства съ чувственными вещами. Весьма часто, въ случаѣ практической надобности образовать то или другое понятіе, Платонъ какъ бы забывалъ о *созерцаніи* и *припоминаніи* идей, а образовывалъ его просто путемъ индукціи и аналогіи. Однако, за это нельзя упрекать его въ софистикѣ и произволѣ: не они сбивали его съ естественнаго логическаго пути на *гипотетическій* путь идей, а то весьма важное обстоятельство, на которое онъ и самъ указываетъ, а именно, что многіе предикаты, которые мы приписываемъ вещамъ, напр., *бытія*, *сходства*, *различія*, *красоты*, *безобразія* и проч., вовсе не имѣютъ соотвѣтствія въ чувственности, а кромѣ того и тѣ предикаты, которымъ соотвѣтствуетъ что-либо чувственное, напр., мягкое, бѣлое, твердое, холодное и проч., никогда не являются чѣмъ-либо однообразнымъ и прочнымъ, а только имѣютъ въ вещахъ раз-

*) То есть, напр., въ вопросахъ: о *родѣ* и *способѣ* образованія образовъ и объ отношеніи къ матеріальнымъ вещамъ, реальное бытіе которыхъ несомнѣнно признавалось; или о *способѣ* ознакомленія съ идеями, или же о *способѣ „участія“* идей въ вещахъ, а также, о *способѣ существованія* „универсаловъ“ *внѣ* или *въ* вещахъ и т. под.

**) Заслуги Аристотеля въ этой наукѣ обыкновенно слишкомъ преувеличиваются, ибо не онъ положилъ ей основаніе, а Платонъ. Аристотелю же принадлежитъ ея первое систематическое изложеніе.

личныя *степени* вышеозначенныхъ чувственныхъ качествѣ. Эти и имъ подобныя затрудненія неизбѣжно привели Платона къ неудачной гипотезѣ идей, а вмѣстѣ съ тѣмъ побудили и все направленіе греческаго идеализма искать реальнаго въ области содержанія, оторваннаго отъ дѣятельностей и дѣятелей.

Хотя греческій идеализмъ и вѣрно догадывался, что *сущее вѣчно равно* самому себѣ и не можетъ подлежать теченію, однако, еще далеко не наступило для философіи то время, когда бы она могла разоблачить иллюзію той первобытной метафизики, о которой было упомянуто выше, и понять, что пространственныя вещи, повидимому, подлежащія постоянной перемѣнѣ, сами по себѣ вовсе не существуютъ, а безотчетно слагаются *фантазіею* ощущающихъ существъ, изъ ихъ же собственныхъ ощущеній. Далѣе, не пришло еще людямъ время понять, что они ошибочно *субстанціируютъ* комплексы своихъ ощущеній и *проэктируютъ* ихъ въ также безсознательно слагаемую ими *порядковую форму* пространства и вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ не имѣющее въ основѣ никакой реальности *понятіе* матеріи. Поэтому, когда въ началѣ новой философіи были исчерпаны *всѣ возможныя модификаціи* платоновой гипотезы бытія и познанія идей (внѣ вещей, въ вещахъ, въ умѣ, трансцендентно, имманентно и т. п.) и вполнѣ была понята ошибочность этой гипотезы, то Декартъ перемѣнилъ область, въ которой идеализмъ искалъ сущее, и, опираясь на новый *методъ* философскаго познанія и на новый *критерій* его достовѣрности, объявилъ *истинно-сущимъ* и *реальнымъ не* содержаніе дѣятельностей, какъ то было въ идеализмѣ, *а три* рода дѣятелей или субстанцій: Бога, мыслящихъ духовъ и матерію.

Теперь я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній по поводу новой метафизики, начатой Декартомъ.

1. Въ греческомъ идеализмѣ и особенно въ его средневѣковомъ продолженіи, кромѣ несостоятельности основной гипотезы, принимавшей реальное существованіе идей, формъ, родовъ и видовъ самихъ по себѣ, былъ еще *одинъ пунктъ*, уже давно требовавшій радикально новой

обосновки и *формулировки*, а именно, идея Бога. У греческихъ идеалистовъ, напр., у Платона или Аристотеля, Богъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ явнымъ *олицетвореніемъ* идеи или формы (у Платона: идеи блага, у Аристотеля: чистой формы); между тѣмъ, какъ въ получившей господство у новыхъ народовъ христіанской религіи Богъ, по своему понятію, никакимъ образомъ не можетъ принадлежать къ *содержанію*, а несомнѣнно есть *дѣятельная субстанція*. Но такъ какъ въ средніе вѣка не могло быть и рѣчи о какой-либо самостоятельности въ философскомъ, т. е., *раціоналистическомъ* построеніи понятія Бога, то естественно, что только послѣ завоеванія философскимъ мышленіемъ нѣкоторой независимости отъ ферулы церковной догматики, оно, въ лицѣ Декарта, могло осмѣлиться, хотя и не безъ опасеній, ввести въ систему, которою начинается новая философія, понятіе Бога рядомъ и при соглашеніи съ другими раціональными принципами новаго міросозерцанія. Отсюда мы и видимъ у Декарта понятіе Бога въ такой постановкѣ, что, съ одной стороны, оно соотвѣтствуетъ *общему* характеру христіанства, а съ другой—обнаруживаетъ значительную свободу отъ церковнаго догматизма.

2. Хотя рѣшительнымъ критеріемъ достовѣрности философскаго познанія взято было Декартомъ „я“, которое и дѣйствительно есть *прототипъ* всяческой другой субстанціи и, сверхъ того, непосредственно данный сознанію *образецъ* всяческой реальности, и хотя Декартъ въ этомъ исходномъ пунктѣ и критеріи положилъ *краеугольный* камень новой философіи и метафизики, но, несмотря на то, онъ впалъ въ разныя заблужденія, между которыми одно изъ важнѣйшихъ состоитъ въ *смѣшеніи* понятій: познаніе и сознаніе. Это вполнѣ ясно *) изъ его попытки вывести существованіе „я“ путемъ *энтимемы* (т. е., силлогизма, въ которомъ опущена одна изъ посылокъ), или же изъ его показанія, что его *исходное положеніе* есть не болѣе, какъ частное *сужденіе*. Но въ томъ и другомъ случаѣ его положеніе о существо-

*) См. объ этомъ пунктѣ „Свое Слово“ № 2.

ваніи „я“ было бы уже продуктомъ мышленія, т. е., уже *опосредствованнымъ*, *вторичнымъ* сознаніемъ. Всякое же первоначальное и непосредственное сознаніе не можетъ стоять на чемъ-либо другомъ, ибо оно *первое*; слѣдовательно, каждое сознательное существо можетъ *не доказать* это *первое* другому таковому же существу, *а только* какимъ-либо способомъ или значкомъ *указать*, *намекнуть*, *напомнить*, что и долженъ былъ сдѣлать Декартъ. Значитъ, какъ уже было мною сказано выше, это первоначальное сознаніе *слѣпо* и *несказанно*, а потому можетъ быть подавляемо и затемняемо болѣе или менѣе долгое время ложью, происходящею отъ ошибочнаго мышленія. Но это сознаніе, стоящее въ *неразрывной связи* со всѣмъ сущимъ, на столько *могущественно* по своей природѣ, что, если и не можетъ прямо устранить ошибку и замѣнить ее истиною, то, возбуждая чувство неудовлетворенности у мыслящаго субъекта, постоянно побуждаетъ его все къ новымъ и новымъ *актамъ мышленія* до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, мыслящему субъекту не удастся, при помощи законовъ *противорѣчія и достаточнаго основанія*, правильно сформулировать въ *мысли* и *словѣ* голосъ непосредственнаго и, пожалуй, слѣпого сознанія и тѣмъ положить начало *сознательному*—не сознанію, а—*знанію*, или систематической наукѣ.

3. Къ сожалѣнію, и для Декарта, при начатомъ имъ новомъ движеніи въ философіи, осталась еще вполнѣ не тронутою и *не разоблаченною* первоначальная метафизика, слагающая изъ ощущеній вещи и дающая въ конечномъ результатѣ *иллюзію матеріи* и всѣ сопряженныя съ нею ошибки. Это заблужденіе даже находилось у Декарта въ тѣсной связи съ его *математическимъ геніемъ*, такъ что для него, *какъ бы* менѣе реальною была матерія, чѣмъ занимаемое ею сплошь геометрическое пространство. Во всякомъ случаѣ въ начатомъ Декартомъ философскомъ движеніи весьма скоро, какъ это извѣстно изъ исторіи философіи, возникъ важный вопросъ уже не объ общеніи идей, т. е., сущаго, съ *ничто* или съ *возможностью*, т. е., съ матеріей, какъ это было въ греческомъ идеализмѣ, но о *взаимодѣйствіи* двухъ про-

тивоположныхъ субстанцій, *мыслящей*, принципіально ничего общаго съ пространствомъ не имѣющей, и *протяженной* въ пространствѣ. Этотъ вопросъ и былъ главнымъ подводнымъ камнемъ, о который, говоря фигурально, ударился корабль новой философіи и мало-по-малу пошелъ ко дну.

Теперь возвращаюсь къ, такъ называемому, *германскому идеализму* и скажу, что онъ, если и можетъ быть подведенъ подъ одно понятіе съ *греческимъ*, то только на основаніи второстепенныхъ признаковъ; въ существенныхъ же съ нимъ расходится, такъ что они должны бы подходить подъ разныя понятія.

Канта, безъ всякаго сомнѣнія, можно счесть родоначальникомъ *германскаго идеализма*, но, однако, его философская система не есть что-либо единое и цѣльное по направленію, напротивъ, въ ней весьма *искусственно* сплетены нѣсколько и притомъ несогласимыхъ направленій. Если считать главнымъ и самымъ важнымъ его сочиненіемъ „Критику чистаго разума“, то направленіе Канта можно причислить къ *скептицизму* или, какъ было сказано выше, къ *позитивизму*. По этому сочиненію и *внѣшній*, и *внутренній* міры представляютъ только *явленія*, сущее же само по себѣ, или „Ding an sich“, по терминологіи Канта, совсѣмъ не доступно познанію. Но на этомъ результатѣ онъ не остановился, а пытался открыть нѣкоторую возможность, если не вполнѣ проникнуть, то хоть нѣсколько подойти къ міру вещей самихъ въ себѣ или, иначе говоря, къ реальному міру *ноуменовъ*, доступныхъ только одному чистому разуму. Къ этому міру ведетъ, какъ видно изъ другого главнаго сочиненія Канта: „Критика практическаго разума“, наша *нравственная* дѣятельность, предполагающая, или, по выраженію Канта, *постулирующая* абсолютную *свободу, безсмертіе* нашего существа и *бытіе Бога*. Этихъ *трехъ идей*, по его ученію, разумомъ нельзя ни доказать, ни опровергнуть, ибо наша познавательная дѣятельность, имѣющая дѣло только съ *явленіями*, вполнѣ безсильна по отношенію къ этимъ идеямъ *). Значитъ, область, въ ко-

*) Въ настоящемъ пунктѣ моей статьи, которая не имѣетъ своей задачей ни изложеніе, ни критику, ни оцѣнку философіи Канта, или вообще какого-либо другого мыслителя, я

торой Кантъ ищетъ *реальное бытіе*, не есть область *содержанія* дѣятельностей, какъ въ греческомъ идеализмѣ, и не область бытія субстанціальнаго, какъ у Декарта и его послѣдователей, но область *дѣятельности* субстанцій. Теперь можно поставить вопросъ: оторвана-ли у Канта нравственная дѣятельность отъ субстанціи или же она принадлежитъ какимъ-нибудь субстанціямъ?

Съ перваго взгляда вопросъ этотъ покажется страннымъ и даже нелѣпымъ. Очевидно, что всяческое этическое ученіе, религіозное или философское, предлагается для выполненія людямъ и что, слѣдовательно, нравственная дѣятельность принадлежитъ имъ-же; однако, относительно этики Канта, эта, съ перваго взгляда, очевидность оказывается сомнительною. Субъектъ нравственной дѣятельности у Канта есть человѣкъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно всѣми понимается, т. е., со всѣми тѣми его способностями, дѣятельностями, чувствами, какія извѣстны намъ изъ повседневнаго опыта. Этотъ, по ученію Канта, человѣкъ есть не болѣе, какъ чувственный феноменъ и, какъ таковой, не можетъ быть *абсолютно свободенъ*, не можетъ повиноваться исключительно долгу и *„категорическому императиву“*. Онъ вполнѣ обусловленъ формами причинности, пространства и времени, которыя, несмотря на ихъ *„трансцендентальную идеальность“* все-таки имѣютъ, по выраженію Канта, *„эмпирическую реальность“*. *) Если къ этому мы припомнимъ, что то „я“, которому люди обыкновенно приписываютъ всяческія свои дѣйствія, слѣдовательно, и моральныя, не есть, по Канту, *субстанція*, какою признаетъ его „раціо-

ограничусь только замѣчаніемъ, что считаю величайшими заслугами его въ философіи: 1) энергическое отрицаніе реальнаго бытія пространства и времени, самихъ по себѣ, 2) перенесеніе центра тяжести философской науки въ область критическаго изслѣдованія нашего даннаго сознанія и, слѣдовательно, устраненіе всякихъ догматическихъ предположеній и 3) всесторонній критическій обзоръ и разслѣдованіе всѣхъ пунктовъ, до которыхъ касалась бывшая до него философская наука. Относительно же его предразсудковъ, противорѣчій, непослѣдовательностей, двусмысленностей и т. п., позволяю себѣ указать читателямъ „Своего Слова“ во-первыхъ, на мое сочиненіе „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“ и на многія мѣста, въ которыхъ идетъ рѣчь о Кантѣ въ „Своемъ Словѣ“.

*) Кантъ въ этомъ случаѣ одной рукой даетъ, а другою беретъ назадъ.

нальная психологія", благодаря логической ошибкѣ (паралогизму); и если, наконецъ, припомнимъ ученіе Канта о „радикальномъ злѣ", которое, по „Религіи съ точки зрѣнія только разума", вѣчно присуще міру и человѣку, то не только дѣйствительная принадлежность ему нравственной дѣятельности, но и самая *возможность* этого станетъ сомнительною. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вся этика Канта становится уже не только *формальнымъ* ученіемъ, а просто мнимымъ.

Въ концѣ концовъ и выше поставленный вопросъ объ *оторванности* реальной дѣятельности отъ субстанціи у перваго германскаго идеалиста мы вѣрнѣе всего должны рѣшить въ положительномъ смыслѣ, т. е., что дѣятельность оторванная.

По пути, проложенному Кантомъ, но только съ большею рѣшительностью и самоувѣренностью, безъ его скептическихъ колебаній, пошли его преемники, какъ выше упомянутые передовые представители германскаго идеализма, такъ и масса второстепенныхъ. Конечно, теперь я не могу останавливаться на исторіи развитія германскаго идеализма, а скажу только, что *главная* и *существенная* отличительная черта у всѣхъ его представителей, несмотря на болѣе или менѣе значительныя частныя различія ихъ системъ состоитъ въ томъ, что они ищутъ *реальное бытіе* въ области *дѣятельностей* и что эти дѣятельности нужно понимать *оторванными* отъ дѣятельныхъ субстанцій.

Эта оторванность у однихъ представителей идеализма выражена ясно, напр., у Шопенгауера его реальное начало всего сущаго—*воля*, *хотѣніе* есть несомнѣнно дѣятельность безъ дѣятеля; у другихъ же германскихъ идеалистовъ, если и указывается дѣйствующая субстанція, то, по *неопредѣленности*, *фигуральности* и *двусмысленности* выраженій, въ которыхъ дѣлается указаніе (какъ, напр., абсолютное „я" у Фихте, или у Шеллинга *природа* и *духъ*, выходящіе изъ какого-то первоначальнаго *тождества* и *безразличія*), эти указанія не даютъ намъ никакихъ ясныхъ понятій о дѣйствующихъ субстанціяхъ, такъ что мы смѣло *можемъ считать*, что въ германскомъ идеализмѣ *реальныя* начала суть дѣятельности, оторванныя отъ субстанцій.

Сказаннаго сейчасъ достаточно для общей характеристики германскаго идеализма, ибо въ настоящее время не только у насъ въ Россіи, но и въ Европѣ настоящій *философскій* идеализмъ (который отнюдь не долженъ быть смѣшиваемъ съ вышеупомянутымъ *вульгарнымъ* идеализмомъ, весьма распространеннымъ въ языкѣ образованнаго общества), имѣетъ все уменьшающееся число послѣдователей. Кромѣ того, должно замѣтить, что эти, такъ сказать, *послѣдніе могикане* идеализма суть всегда послѣдователи Гегеля, хотя болѣе или менѣе уклоняющіеся отъ его ученія *).

Нельзя не остановиться нѣсколько на томъ обстоятельствѣ, что Гегель, являющійся послѣднимъ замѣчательнымъ представителемъ цѣлаго направленія идеализма, въ весьма *многихъ* и *важныхъ* пунктахъ возвратился къ первоначальной точкѣ, изъ которой вышло это направленіе. Какъ извѣстно, онъ былъ весьма хорошо знакомъ съ греческой философіей и сдѣлалъ значительныя *заимствованія* у двухъ первыхъ основателей греческаго идеализма: Платона и Аристотеля, и такимъ образомъ въ своей системѣ какъ бы соединилъ начало съ концомъ и ярко выразилъ *всю сущность* вѣкового движенія идеалистическаго направленія. Извѣстно также, что у Гегеля развитіе „абсолютной идеи“, которая у него служитъ *синонимомъ* разума, есть не что иное, какъ движеніе *мысли, мыслящей* саму себя въ различныхъ формахъ и ступеняхъ процесса этого движенія. Это понятіе *мышленія мысли или о мышленіи*, заимствованное имъ у Аристотеля (νόησις νοήσεως), превращаетъ въ идеализмѣ Гегеля, по образцу греческаго, все *бытіе* въ одинъ *познавательный* процессъ, гдѣ *дѣятельность* неразлучимо *слита* съ своимъ *содержаніемъ*: отсюда и философія его носитъ имя *панлогизма*, или *абсолютнаго идеализма*. Отсюда же онъ не придавалъ *реальнаго* значенія ни нашему „я“, или человѣческой *субстанціи*, ни всѣмъ другимъ, кромѣ *познавательной*, *функ-*

*) Есть также поклонники и у враждебнаго Гегелю мыслителя, Шопенгауера, однако, это не суть послѣдователи Шопенгауера, философа-идеалиста, а скорѣе поклонники Шопенгауера пессимиста, видящаго реальное начало всего сущаго въ *безумной волѣ*.

ціямъ этой субстанціи, какъ-то: чувству, волѣ, ощущенію и движенію, понимаемому *не* пространственно, *а* въ смыслѣ взаимодѣйствія нашего существа съ другими существами. Отсюда же и его непониманіе сущности *искусства* и *религіи*, хотя онъ много работалъ надъ этими предметами и потратилъ на этотъ трудъ не мало таланта, но, къ сожалѣнію, въ существенныхъ пунктахъ эта работа вышла не удачною *).

Эта *односторонность* идеализма Гегеля ошибочно сказалась даже и въ той области, которая по существу была ему ближе другихъ, именно, *въ теоріи познанія* или *логикѣ*. Я хочу сказать объ его ошибочномъ взглядѣ на *категоріи* и на *діалектику*. Категоріи вовсе *не переходятъ* другъ въ друга, какъ училъ Гегель, хотя и не представляютъ, какъ у Канта, нѣчто изолированное другъ отъ друга; онѣ сообщаются между собою, но вовсе не путемъ отрицанія и перехода одной въ другую, а находятся *въ отношеніи* и ведутъ одна къ другой, потому что всѣ онѣ суть результатъ дѣятельности нашего „*я*“ во всѣхъ его функціяхъ: мыслящей, чувствующей, желающей и ощущающей или двигательной. Категоріи суть не что иное, какъ *проявленіе взаимодѣйствія* нашихъ психическихъ дѣятельностей, *однообразно обнаруживающагося* при нашемъ общеніи съ другими существами міра и прежде всего съ тѣми, которыя *являются* намъ *въ образѣ* нашего тѣла. Но какъ скоро мы останавливаемъ наше *мыслящее вниманіе* на проявленіяхъ этого взаимодѣйствія, то, при помощи нашей мыслящей дѣятельности, образуемъ о нихъ понятія, которыя и суть категоріи, казавшіяся Канту какъ бы съ неба упав-

*) Основнымъ заблужденіемъ Гегеля въ пониманіи религіи и искусства было то, что онъ видѣлъ въ нихъ только *низшую форму* познанія (не нужную и безполезную при высшей, т. е., философіи). Между тѣмъ, цѣль искусства вовсе не познаніе, а созданіе особаго рода *эстетической дѣйствительности* ради наслажденія ея красотою. Задача же религіи—удовлетвореніе религіозныхъ чувствъ путемъ общенія съ Высочайшимъ Существомъ (въ молитвѣ, культѣ, таяніяхъ и проч.), причемъ познаніе, т. е., понятіе о Высочайшемъ Существѣ составляетъ только *одну изъ* составныхъ частей религіи. (См. объ этомъ мое сочиненіе «Религія гр. Л. Н. Толстого и проч.», а также мою статью въ «Вопросахъ» 1895 г. по поводу разсказа гр. Толстого: «Хозяинъ и работникъ»).

шими (т. е., à priori). Конечно, эти понятія, какъ и всякія другія, по законамъ логики, не должны бы колебаться, а должны быть всегда тождественны и равны самимъ себѣ. Но если мы въ категоріяхъ, какъ и въ другихъ понятіяхъ находимъ ошибки, напр., *противорѣчія* и *недостаточную обосновку*, то и категоріи и вообще понятія *не* переходятъ въ другія, а просто выходятъ изъ употребленія; и, вслѣдствіе чувства неудовлетворенія, наше мыслящее „я“ начинаетъ новую работу и на мѣсто негодныхъ категорій и понятій пытается образовать и мыслить другія удовлетворительныя. Итакъ, *категоріи* и *понятія не* переходятъ одно въ другое, *а*, по происхожденію изъ *одного источника*, всегда находятся въ соотношеніи одно съ другими, напоминаютъ одно о другомъ; только въ этомъ и состоитъ ихъ *діалектическое* отношеніе, а вовсе не въ переходѣ *тезиса*, черезъ *антитезисъ* къ соединяющему ихъ *синтезу*, который, т. е., переходъ, есть не болѣе, какъ, sit venia verbo, изобрѣтеніе увлекаемаго пылкою фантазіею Фихте; имъ и воспользовался потомъ для вящаго укрѣпленія своей системы холодный и благоразумный Гегель.

Но какъ бы то ни было, я, въ концѣ концовъ, долженъ сказать, что, несмотря на важныя услуги, оказанныя философіи идеализмомъ *), онъ въ настоящее время совсѣмъ *сходитъ со сцены*, ибо уже *исчерпалъ* всѣ преобразованія, которыя только были возможны въ его одностороннемъ движеніи, такъ что идти далѣе по пробитому пути стало невозможно.

Конечно, по свойственному человѣческой природѣ несовершенству, идеализмъ, при многовѣковой дѣятельности въ области философіи, оставилъ въ ней, выражаясь фигурально, довольно мусора и хлама, убрать который представляетъ не мало хлопотъ для настоящаго времени, а, пожалуй, и для ближайшаго будущаго. Нельзя не отмѣтить,

*) Важнѣйшія изъ этихъ услугъ, по моему, состоятъ: 1) въ томъ, что идеализмъ во всѣхъ своихъ перипетіяхъ постоянно поддерживалъ общее положеніе, что *сущее не подлежитъ* перемѣнамъ и теченію, и что оно *не возникаетъ* и *не превращается* въ ничто и 2) въ томъ, что онъ постоянно съ большею или меньшею силою и удачею боролся съ ходячимъ *наивнымъ реализмомъ* и, главное, съ тѣсно-связаннымъ съ нимъ *матеріализмомъ*.

что въ этой уборкѣ нѣкоторую помощь оказываетъ *научный матеріализмъ* и *позитивизмъ*, но, однако, ихъ услуги здѣсь обходятся для философіи слишкомъ *дорогою цѣною*, потому что они, по самой своей сущности, не могутъ замѣнить негодное чѣмъ-либо удовлетворительнымъ. Кромѣ того, научный матеріализмъ, столь же ложный, какъ и традиціонный, много опаснѣе послѣдняго, потому что въ силу важнаго *недоразумѣнія*, о которомъ сказано было выше, что будто бы онъ имѣетъ въ основаніи точныя естественныя науки, принимаетъ весьма *внушительный* и *авторитетный* видъ, а потому борьба съ нимъ становится теперь много *труднѣе*, чѣмъ прежде съ традиціоннымъ. Точно также нельзя возлагать особыхъ надеждъ и на помощь позитивизма, хотя онъ, повидимому, оказываетъ ее въ качествѣ весьма скромнаго и полезнаго предпріятія—*очистить философію* отъ метафизическихъ предположеній, которыя будто бы ни къ какому другому результату, кромѣ безконечныхъ и безплодныхъ *споровъ*, не ведутъ. Но, въ сущности, эта скромная задача съ одной стороны угрожаетъ одной изъ важныхъ функцій духа человѣческаго, т. е., разуму и мышленію, задержкою въ ея естественномъ ходѣ, а съ другой—направленіемъ ея на *искусственный* и *ложный* путь. Дѣло въ томъ, что и позитивизмъ, по сколько онъ есть, хотя и ошибочный, продуктъ того же человѣческаго разума, не *можетъ обойтись* безъ дѣятельности разума, а слѣдовательно, безъ метафизическихъ предположеній. Вслѣдствіе же вышеуказаннаго недоразумѣнія онъ ищетъ основаній для этихъ предположеній у тѣхъ же естественныхъ наукъ, которыя, какъ мы видѣли, сами *съ начала до конца* стоятъ на почвѣ первоначальной безсознательной метафизики. Значитъ, позитивизмъ, думая построить *мнимо-научную философію*, неизбѣжно примыкаетъ къ метафизикѣ научнаго матеріализма. Въ заключеніе этой главы мнѣ остается еще сказать о *дуализмѣ*, что онъ, вслѣдствіе постоянно болѣе или менѣе сознаваемой и чувствуемой невозможности соединить во взаимодѣйствіи два *основныя начала*: матерію и духъ, все болѣе теряетъ свою самостоятельность и, какъ указано было выше, неизбѣжно

наклоняется и будетъ еще болѣе наклоняться къ позитивизму и, въ концѣ-концовъ, къ научному матеріализму.

Значитъ, изъ всѣхъ, до сихъ поръ осмотрѣнныхъ мною, главныхъ направленій современной философіи какъ за границей, такъ и у насъ, остался бы только *одинъ* выходъ, именно, *пристать къ* научному *матеріализму*. Но, къ счастію, *есть еще* направленіе, которое не только соединяетъ въ себѣ *преимущества* всѣхъ разсмотрѣнныхъ въ настоящей статьѣ направленій, включая и научный матеріализмъ, но въ то же время *свободно* отъ всѣхъ недостатковъ тѣхъ же направленій. Къ нему-то я теперь и обращаюсь.

Глава V.

ПАНПСИХИЗМЪ; ЕГО ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРЕДЪ ВЫШЕ РАЗСМОТРѢННЫМИ НАПРАВЛЕНІЯМИ.

§ 1. Сперва скажу нѣсколько словъ въ видѣ *предисловія* къ этой главѣ. Панпсихизмъ не только не принадлежитъ къ господствующимъ въ настоящее время направленіямъ, но онъ даже совсѣмъ *незамѣтенъ* среди нихъ. Тѣмъ не менѣе читатели „Своего Слова“ знакомы съ нимъ, если и *не въ полной мѣрѣ*, то все-таки достаточно. Дѣло въ томъ, что авторъ этой статьи и издатель сборника примыкаетъ къ этому направленію уже около пятнадцати лѣтъ. Для ознакомленія соотечественниковъ, интересующихся философіею, съ этимъ направленіемъ я въ 1886 году основалъ журналъ: „Философскій трехмѣсячникъ“, но уже въ томъ же году заболѣлъ тяжкою болѣзнью (апоплексіею); и, конечно, ни силъ, ни времени на продолженіе журнала у меня не оказалось. Однако, хотя болѣзнь и оставила навсегда свой слѣдъ въ видѣ паралича, но у меня осталось еще немного силъ, которыя я могъ посвятить любимой философской наукѣ, а потому и основалъ вышеупомянутый сборникъ, служащій какъ бы продолженіемъ оставленнаго журнала. Въ этомъ сборникѣ я понемногу и началъ излагать, выработанныя усердными занятіями въ области философскихъ дисциплинъ, уже *окончательно* *) установившіяся у меня, философскія убѣжденія въ духѣ панпсихизма **). Имѣя въ виду сейчасъ

*) Окончательно, потому что я ранѣе пережилъ въ личномъ опытѣ всѣ вышеизложенныя направленія.

**) Въ духѣ этого же направленія написаны мною и другія сочиненія послѣдняго времени, кромѣ помѣщенныхъ въ «Своемъ Словѣ», какъ, напр., многія статьи въ московскомъ журналѣ: «Вопросы», и одна статья (по вызову редакціи) въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (февральскій номеръ 1896 года).

указанное знакомство читателей съ панпсихизмомъ, я уже не буду въ настоящей статьѣ входить въ какія-либо подробности состава и основныхъ пунктовъ его содержанія, а коснусь его только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для того, чтобы показать его преимущества предъ теперь господствующими. Точно также я воздержусь отъ какихъ-либо цитатъ и ссылокъ на авторитетныхъ мыслителей для подкрѣпленія положеній панпсихизма, а буду высказывать послѣднія отъ себя, на *свой страхъ*, хотя въ такомъ подкрѣпленіи недостатка и не было бы.

§ 2. Но изъ того, что панпсихизмъ въ настоящее время, сравнительно съ другими направленіями, не замѣтенъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ представлялъ нѣчто *совершенно новое*, или же совсѣмъ никому неизвѣстную и придуманную какимъ-либо единичнымъ философомъ систему. Во-первыхъ, весьма важные элементы панпсихизма можно найти во многихъ и, особенно, въ высшихъ міровыхъ религіяхъ. Во-вторыхъ, важныя черты панпсихизма постоянно входили въ другія философскія направленія и тамъ, сплошь и рядомъ, по невозможности согласованія съ этими направленіями, являлись недостатками и противорѣчіями; напр., противорѣчія, которыя исторія философіи находитъ въ греческомъ идеализмѣ у Платона, могутъ быть объяснены тѣмъ, что въ его систему, незамѣтно для него самого, вплетались черты вполнѣ несвойственныя основному началу этой системы, а принадлежащія, какъ разъ, панпсихизму. Существованіе *индивидуальныхъ душъ* у Платона рѣшительно не совмѣстимо съ его основной гипотезой, по которой должна бы быть только *одна* реальная и вѣчная *идея души*, по образцу которой возникали и уничтожались бы временныя, текущія души людей и животныхъ, между тѣмъ какъ безвременное бытіе *индивидуальныхъ* субстанцій и душъ есть основное и существенное положеніе для панпсихизма. Наконецъ, въ-третьихъ, и въ систематической философіи есть замѣчательные мыслители, которые, хотя и не имѣютъ преемственной связи другъ съ другомъ и являются, такъ сказать, *спорадически*, тѣмъ не менѣе, должны быть сочтены *родо-*

начальниками панпсихизма, какъ систематическаго философскаго направленія. Таковы, напр., три философа, принадлежащіе къ передовымъ народамъ Европы, а именно: Малебраншъ, Берклей и еще ярче Лейбницъ. Такимъ образомъ, одно изъ основныхъ положеній философіи Малебранша, что *мы всѣ вещи созерцаемъ въ Богѣ*, найдетъ себѣ мѣсто и въ метафизикѣ панпсихизма. Точно также и мысль Берклея, что *ничего нѣтъ, кромѣ духовъ и ихъ идей или представленій*, лишь въ иной терминологіи, есть *краеугольный* камень панпсихизма. Наконецъ, множество положеній монадологической системы Лейбница образуютъ внутреннее ядро панпсихизма. Таковы, напр., что *матерія есть только видимость, хорошо обоснованное явленіе*— phaenomenon bene fundatum (т. е., въ смыслѣ явленія упорядоченнаго или связнаго, какъ то бываетъ въ связномъ снѣ, который, хотя и не имѣетъ реальности, но, однако, представляетъ такую послѣдовательность, изъ которой можно бы по предыдущему заключить о послѣдующемъ); что *матеріальныя тѣла, какъ таковыя, несуществуютъ, но что, въ сущности, они аналогичны нашей душѣ*, или иначе, *что протяженныя субстанціи однородны съ нашей душой* и *подобно ей не существуютъ въ пространствѣ и времени, которыя суть только порядки существованія и послѣдовательности*, и многія другія положенія системы Лейбница.

§ 3. Теперь мнѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ относительно *термина*: *панпсихизмъ*. Хотя и можно встрѣтить въ философской литературѣ этотъ терминъ въ приложеніи къ системѣ Лейбница, но, однако, въ сочиненіяхъ по исторіи философіи система Малебранша большею частію присоединяется къ картезіанизму, а системы Берклея и Лейбница часто носятъ названіе идеализма, или же спиритуализма. Но отъ идеализма эти системы существенно разнятся тѣмъ, что въ этомъ послѣднемъ, прямо или косвенно, но все-таки матерія — называется-ли она „ничто“ и „чистою возможностью“, какъ у эллиновъ или „инобытіемъ“, какъ у Гегеля, но — признается *реальнымъ* началомъ; въ панпсихизмѣ же реальность матеріи отрицается. Гораздо

болѣе, чѣмъ имя идеализма, соотвѣтствуетъ этимъ системамъ терминъ *спиритуализма*, но въ немъ есть то важное неудобство, что онъ, по своему *соозначенію*, напоминаетъ о матеріализмѣ, а потому въ исторіи всегда съ этими двумя терминами соединялась мысль объ ихъ противоположеніи и, далѣе, *о реальности* ихъ началъ, т. е., духа и матеріи, наконецъ, объ ихъ *сосуществованіи*. Отсюда и начинались споры объ ихъ *самостоятельности* и *зависимости* другъ отъ друга, объ ихъ *мѣстѣ* и *причинности* въ мірѣ всего сущаго. Отсюда же, наконецъ, и постоянно встрѣчающіяся *отрицательныя* опредѣленія одного начала черезъ другое, т. е., духа черезъ матерію и матеріи черезъ духъ, что отражалось и на самихъ направленіяхъ матеріализма и спиритуализма; такъ, напр., философія Берклея нерѣдко получаетъ отрицательное названіе *имматеріализма*.—Значитъ, лучше и разумнѣе въ обозначеніи того направленія, о которомъ идетъ рѣчь, *обойти* термины, производные отъ названія метафизическихъ началъ: духа и матеріи, и взять для того какой-нибудь другой *исходный* пунктъ. Область нашего сознанія и представляетъ таковой — въ различеніи, такъ называемыхъ, внутренняго и внѣшняго міровъ. Одинъ мы обыкновенно относимъ къ себѣ или къ своей душѣ, а другой не къ себѣ, а къ другимъ существамъ; одинъ состоитъ изъ *психизма*, т. е., изъ *непосредственной данности* намъ нашихъ состояній, которыя, потомъ, при посредствѣ мышленія, образуютъ *роды* и *виды психическихъ состояній*, распадающихся на классы: *мысли, чувства, желанія и ощущенія*. Всѣ эти классы составляютъ внутренній міръ, внѣшній же состоитъ изъ *образовъ* вещей, которыя, какъ сказано было выше, только, повидимому, *чужды*, а, въ дѣйствительности, *аналогичны* намъ. Значитъ, *панпсихизмомъ* я называю такое направленіе, въ которомъ *разоблачена* первоначальная безотчетная метафизика, и въ которомъ *все сущее* признается *психическимъ* и, въ какой бы то ни было малой степени интенсивности, *сознательнымъ*, или иначе, въ которомъ отрицается бытіе *абсолютно-безсознательное*.

§ 4. Сравнивая панпсихизмъ съ теперь господствующими на-

правленіями философіи, придется всего болѣе остановиться на *сопоставленіи* его съ научнымъ матеріализмомъ и позитивизмомъ, потому что они преобладаютъ надъ другими и притомъ, какъ было уже замѣчено ранѣе, всѣ выше осмотрѣнныя имѣютъ неизбѣжную тенденцію войти въ русло научнаго матеріализма. Но такъ какъ читатели „Своего Слова“ достаточно знакомы (напр., изъ „Бесѣдъ“) съ несостоятельностью матеріализма вообще, то объ ней много распространяться и нечего. Гораздо полезнѣе будетъ указать на *два* важныя *преимущества* научнаго матеріализма, которыми нерѣдко похваляются его послѣдователи: одно состоитъ въ томъ, что все существующее въ мірѣ объясняется только *изъ одного начала*, а другое въ томъ, что это объясненіе весьма *просто*, такъ сказать, наглядно, а кромѣ того, легко *согласуется* съ естествовѣдѣніемъ.—Первое преимущество, по извѣстному правилу логики:—principia non sunt praeter necessitatem multiplicanda, т. е., не должно безъ необходимой надобности размножать основныя начала,—дѣйствительно, важно для философскаго міросозерцанія, если только *на самомъ дѣлѣ* и безъ ошибокъ выполняется мірообъясненіе изъ одного начала. Но, къ сожалѣнію, въ матеріализмѣ, этого нѣтъ; онъ не можетъ *объяснить* ни *внутренняго міра*, ни его *связи* съ внѣшнимъ. По ученію матеріализма, *единственная реальная функція* его основного начала, т. е., матеріи, есть *движеніе* въ пространствѣ—частицъ-ли этой матеріи, какъ въ традиціонномъ матеріализмѣ, или же молекулъ и атомовъ, какъ въ научномъ. Но если бы и уступить безпрекословно матеріалистамъ реальность этого движенія атомовъ и молекулъ, то все-таки никакъ нельзя отождествить эти двигающіеся атомы съ мыслями, чувствами, желаніями и ощущеніями, которыя *прямо сознаются* нами, какъ *наши акты* и *состоянія*. Пусть это движеніе направляется и продолжается безъ конца, *куда*, *какъ* и *сколько* угодно матеріалистамъ, все-таки непостижимо, какимъ бы образомъ вытекали изъ него *образы вещей* міра живого и безжизненнаго, смѣна которыхъ въ сознаніи каждаго существа и разумнаго, и неразумнаго наполняетъ каждое

мгновеніе его жизни.—Кромѣ того, такъ какъ движеніе не мыслимо безъ пространства и времени, и предполагаетъ ихъ, то матеріализмъ долженъ допустить и *ихъ реальность*; а такъ какъ они не могутъ быть выведены изъ матеріи, ибо *совсѣмъ различны* отъ нея, то нужно, чтобы понять движеніе, предположить еще *силу* или *энергію*, т. е., уже нѣчто иное, чѣмъ матерія, и даже противоположное ей. Словомъ, матеріализмъ, при кажущемся исходѣ его изъ одного начала, въ самомъ мірообъясненіи необходимо долженъ *размножить* ихъ и отказаться отъ притязанія *на* мнимый *монизмъ*.

§ 5. Что касается до притязаній матеріализма на *простоту* и *согласіе* съ естественными науками, то ихъ можно допустить, но только *условно* и *съ ограниченіемъ*. Все важное значеніе естественныхъ наукъ состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ возможность *предсказывать явленія*, т. е., то, чѣмъ *отражаются* для нашего сознанія *отношенія* и *перемѣны* въ метафизическомъ взаимодѣйствіи нашего существа съ другими субстанціями міра. Значеніе-же этихъ наукъ въ пониманіи того, *что отражается* или *является*, т. е., самой *дѣйствительности* взаимодѣйствія и самихъ взаимодѣйствующихъ существъ, то это значеніе весьма ограниченное. Для философіи же, не имѣющей прямого приложенія къ текущей практической жизни, и для рѣшенія ея *метафизическихъ*, *гносеологическихъ* и *этическихъ проблемъ* гораздо большее значеніе имѣетъ *психологія* и, притомъ, не какъ „физіологическая психологія“, или „психо-физика“, а какъ наука о психическихъ *состояніяхъ*, данныхъ въ первоначальномъ и непосредственномъ сознаніи и потомъ методически обработанныхъ въ научную систему. — Что же касается до практической *потребности въ предсказаніи* явленій, то ея удовлетвореніе нисколько не зависитъ отъ того, или другого рѣшенія метафизическихъ проблемъ о реальности взаимодѣйствующихъ субстанцій и реальности самого взаимодѣйствія. Для практической потребности важны только *законы сосуществованія* и *послѣдовательности* явленій, *установка* и *формулировка* которыхъ и составляетъ задачу естественныхъ наукъ. Для без-

численныхъ потребностей практической жизни (напр., мореплаванія, земледѣлія, промышленной техники т. под.) важенъ *порядокъ* сосуществованія и послѣдовательности свѣтовыхъ, метеорологическихъ и многихъ другихъ явленій, которыя, напр., называются небеснымъ горизонтомъ, солнцемъ и другими свѣтилами, облаками, дождемъ, росой, туманомъ и проч. и проч., а также *связь* ихъ съ нашими ощущеніями: тепла, холода, свѣта, влажности и проч. Но для практической жизни не очень важно, представляетъ-ли солнце огромный шаръ, въ которомъ двигаются съ чрезвычайною скоростью атомы и молекулы матеріи, или же оно есть богъ Аполлонъ, ѣдущій на свѣтлыхъ коняхъ по опрокинутой небесной чашѣ и разсыпающій на землю теплую и свѣтлую матерію.—Но, очевидно, что матеріализмъ, какъ философское направленіе, вовсе не имѣетъ *исключительной монополіи* на пользованіе *законами* естественныхъ наукъ для предсказанія явленій: оно возможно и доступно всѣмъ другимъ направленіямъ, слѣдовательно, согласіе съ естественными науками, которымъ часто хвалится научный матеріализмъ, вовсе не есть *специфическое* его преимущество, какъ это можетъ показаться поверхностному мнѣнію.

§ 6. Только то же *поверхностное* мнѣніе можетъ приписать матеріализму и *простоту*, которая есть *иллюзія*, кажущаяся только отъ того, что правильнымъ и строгимъ анализомъ *не разоблачена* вполнѣ первоначальная безсознательная метафизика, въ которой *фантазія* безотчетно *соединяетъ* въ образы ощущенія и, *объективируя* эти образы, *проэктируетъ* ихъ въ созидаемую нами же порядковую форму пространства. Матеріализмъ же есть не что иное, какъ возникшая на почвѣ этой метафизики, попытка еще незрѣлаго мышленія сознательно и уже систематически создать цѣлое философское міровоззрѣніе. Не подозрѣвая о безсознательной работѣ фантазіи и не умѣя правильно объяснить постоянное видоизмѣненіе ея образовъ, ихъ возникновеніе и уничтоженіе, тогда какъ это несовмѣстимо съ дѣйствительно сущимъ, нашъ мыслящій разумъ ищетъ незыблемыхъ *основъ* для этихъ образовъ, которыя и выводитъ изъ нихъ же. При-

лагая къ нимъ, уже образовавшуюся въ немъ, хотя тоже безсознательно, *категорію величины*, мыслящій разумъ дѣлаетъ смѣлое заключеніе отъ якобы реальныхъ *осязаемыхъ* и *видимыхъ* вещей къ подобнымъ же, но уже, вслѣдствіе малой величины, *не видимымъ* и *не осязаемымъ*, однако тоже реальнымъ, но уже вѣчно неизмѣннымъ и тождественнымъ вещамъ *) (атомамъ), изъ которыхъ будто бы и слагается весь знакомый намъ міръ. — Надѣюсь, что читатель изъ этого происхожденія матеріализма ясно видитъ, что никакой *существенной* разницы между традиціоннымъ и научнымъ матеріализмомъ нѣтъ и что она состоитъ только въ томъ, что первый отправляется, въ своей метафизикѣ, отъ всѣмъ доступной обиходной эмпиріи, второй же отъ болѣе тонкихъ и сложныхъ экспериментовъ физики и химіи. Что же касается до духовныхъ явленій, данныхъ въ непосредственномъ сознаніи, то традиціонный матеріализмъ изобрѣтаетъ особыя невидимыя и неосязаемыя частицы матеріи, въ видѣ гладкихъ и круглыхъ атомовъ которые и суть *носители* (душа) психическихъ состояній и образовъ, какъ въ древнемъ матеріализмѣ; или же, какъ въ научномъ—прямо и грубо отождествляетъ движенія атомовъ и молекулъ съ психическими состояніями или же, наконецъ, выражаясь деликатнѣе, говоритъ о „*фосфоресценціи мозга*“ и „*эпифеноменѣ*“, которые ничего не означаютъ, а только прикрываютъ отсутствіе опредѣленной мысли.—Изъ всего сказаннаго само собою слѣдуетъ, что матеріализмъ сохраняетъ свою *призрачную простоту* только до тѣхъ поръ, пока не тронуто его основаніе, т. е., безсознательная метафизика, съ которою онъ неразрывно сросся, особенно посредствомъ

*) Здѣсь кстати указать на могущественную помощь, которую оказываетъ матеріализму самый строй языка, создавшагося также на почвѣ безсознательной метафизики. Такъ по отношенію къ зрѣнію, можно *прямо* и *кратко* отвергнуть матеріалистическую метафизику замѣчаніемъ, что мы *видимъ не* вещи, *а* цвѣта, но сдѣлать тоже, по отношенію къ осязанію, уже невозможно, а нужно отвергать матеріалистическое міропониманіе косвенно, доказывая, напр., что осязательныя данныя (твердость, гладкость, шероховатость, тепло, холодъ и пр.) суть внутреннія состоянія нашего сознанія, а вовсе не прямыя слѣдствія нашего прикосновенія къ *кажущимся* внѣшнимъ вещамъ.

языка. Но едва это основаніе чуть, чуть затронуто, какъ это случилось въ греческомъ идеализмѣ, какъ тотчасъ же мыслящій разумъ *отвращается* отъ простоты матеріализма и начинаетъ искать для себя удовлетворенія въ другихъ мірообъясненіяхъ, не смотря на отсутствіе въ нихъ простоты и наглядности. Поэтому-то на все движеніе философіи, начиная отъ Платона и до нашего времени, можно посмотрѣть какъ на *процессъ* постепеннаго и все болѣе полнаго *разобличенія* первоначальной метафизики и выработки міровоззрѣнія, все болѣе и болѣе удовлетворяющаго разумъ и логику. Съ этой точки зрѣнія важными *ступенями* или *этапами* этого процесса будутъ: идеализмъ греческій, средневѣковый, картезіанскій, германскій и послѣднимъ—панпсихизмъ. Всякій знакомый съ исторіею философіи согласится, что на всѣхъ этихъ этапахъ простота, свойственная матеріалистическому міросозерцанію, постоянно уступала мѣсто сложнымъ и требовавшимъ все напряженнѣйшаго мышленія философскимъ мірообъясненіямъ, безъ поддержки со стороны образовъ воображенія и фантазіи. Само собою разумѣется, что съ этимъ удаленіемъ со сцены философскаго мірообъясненія матеріализма неизбѣжно связано то *неблагопріятное* обстоятельство, что освобождаться отъ иллюзій первоначальной метафизики могутъ только высшіе, философски образованные, слои общества. Слѣдующіе же за ними средніе и низшіе слои необходимо остаются во власти матеріализма, какъ въ силу прямого вліянія безсознательной метафизики, такъ и косвенно вслѣдствіе вліянія популяризаціи естественныхъ наукъ.

§ 7. Въ *панпсихизмѣ*, какъ и въ матеріализмѣ, принимается *множество реальныхъ существъ*, составляющихъ міръ: но на этомъ весьма общемъ положеніи, и оканчивается *сходство* обоихъ философскихъ направленій. Множество существъ въ мірѣ не помѣшало-бы его объясненію изъ *одного* начала, лишь-бы эти многія существа происходили изъ одного источника и были бы *однородны* по своей основной природѣ, но, какъ мы сейчасъ видѣли, притязанія матеріализма въ этомъ отношеніи не имѣютъ *достаточныхъ основаній* и оказываются мнимыми, между тѣмъ какъ въ панпсихизмѣ многія существа

однородны и дѣйствительно представляютъ *единство многихъ* (multitudo in unitate.)—Всѣ реальныя существа панпсихизма имѣютъ *одну и ту же основу* своего бытія и заключаютъ въ себѣ всѣ условія для него, а потому образуютъ вполнѣ *законченный* міръ, для существованія котораго каждое изъ существъ столь же необходимо, какъ и всѣ. По своей природѣ субстанціи міра *не пространственны*, а потому онѣ суть *истинные индивидуумы*, ибо пространственное, по своему понятію, не можетъ быть недѣлимымъ и влечетъ за собою мысль о *безконечной дѣлимости*, т. е., о превращеніи реальнаго въ ничто. Далѣе, индивидуумы панпсихизма суть *не мертвые существа*, какъ атомы и молекулы матеріализма, бытіе которыхъ *поставлено* только въ актахъ воображенія и мышленія или *идейно* (Gedankendinge). Они даны непосредственному сознанію, которое свидѣтельствуетъ о нихъ, какъ о дѣятельныхъ субстанціяхъ, и дѣятельныхъ вѣчно, т. е., безвременно, ибо *время* тоже *поставлено* только *въ мышленіи*, а не существуетъ само по себѣ. Оно есть только *идея порядка* (прежде, теперь, послѣ) нашихъ психическихъ актовъ. Что же касается до *дѣятельностей*, принадлежащихъ субстанціямъ панпсихизма, то и онѣ не суть нѣчто обособленное и внѣшнимъ образомъ присоединенное одна къ другой, какъ, напр., это дѣлается въ трактатѣ психологіи, а представляютъ тѣсно сросшійся организмъ, *обусловливая* и *вызывая* другъ друга ради *одной и той же цѣли*—жизни и благосостоянія той субстанціи, которой онѣ принадлежатъ.—Третью—не часть или отдѣлъ, а—*сторону* бытія составляетъ *содержаніе* дѣятельностей, которое такъ-же неразрывно связано съ ними, какъ дѣятельности съ субстанціей. Значитъ, всѣ, такъ называемыя, *силы*, *энергіи* (притягательная, отталкивательная, химическое сродство, тяготѣніе, сцѣпленіе, энергія свѣтовая, тепловая и пр.), о которыхъ говорится въ естествовѣдѣніи, или же *духъ*, о которомъ говорится въ наукахъ историческихъ (*духъ* времени, эпохи, духъ просвѣщенія, историческаго развитія и пр.) или-же, наконецъ, *собирательныя понятія* (человѣчество, народъ, государство и пр.) суть не болѣе, какъ *олицетворенія* дѣятельностей или же содержанія ихъ,

оторванныя отъ субстанцій или отъ дѣятельностей, существующія только въ умѣ и пригодныя для того, чтобы упростить или сократить научное изложеніе нашихъ понятій. Неразрывная *связь* и *единство* субстанцій, дѣятельностей и содержанія ихъ, конечно, указываютъ на *одинъ и тотъ-же* источникъ въ бытіи цѣлаго міра. Поэтому въ панпсихизмѣ на *достаточномъ основаніи* принимается, что субстанціи существуютъ не врознь, а составляютъ *единую міровую систему*, ибо онѣ связаны, посредствующею между ними, Высочайшею Субстанціею, которую онѣ, по своему типу, отображаютъ хотя бы въ самой малой степени.—Однако такое пониманіе бытія существъ, по *одному* типу, нисколько не мѣшаетъ ихъ субстанціальности, по которой каждое есть цѣлый особый міръ въ себѣ. Съ точки зрѣнія этого пониманія панпсихизмъ могъ бы быть названъ *плюралистическимъ монизмомъ*; и это вовсе не было бы *противорѣчіемъ въ терминахъ*, а только выражало бы, что мышленіе *объ одномъ* ведетъ *по противоположенію*, къ мысли *о многихъ* и обратно, мысль *о многихъ* ведетъ къ мысли *объ одномъ*.

§ 8. Выше уже было сказано, что *всякое* философское направленіе (къ этому можно еще прибавить: и всякое религіозное вѣрованіе), не смотря на различіе въ метафизикѣ и другихъ сторонахъ системъ, можетъ для потребностей практической жизни пользоваться *законами* естественныхъ наукъ *). Значитъ и панпсихизмъ имѣетъ въ этомъ отношеніи такіе же права, какъ и всякое другое философское направленіе. Теперь-же я нѣсколько остановлюсь на томъ, какъ панпсихизмъ можетъ *приложить* и *прилагаетъ* данныя естественныхъ наукъ къ проблеммамъ своей метафизики. Въ противоположность матеріализму и позитивизму, которые относятся къ естествовѣдѣнію также *рабски, какъ* средневѣковая философія относилась къ церковной догматикѣ, панпсихизмъ, пользуясь для своей метафизики данными естествовѣдѣ-

*) Это особенно твердо выяснилось въ послѣднее время, когда результаты естественныхъ наукъ въ приложеніи къ практической жизни дѣлаются *общимъ достояніемъ* людей и народовъ, не смотря на различіе ихъ расъ, религій, историческаго развитія, общественныхъ учрежденій и т. под.

нія, не только вполнѣ *сохраняетъ* свою независимость, но, напротивъ, *преобразуетъ* эти данныя, соотвѣтственно своимъ основнымъ началамъ, и выводитъ изъ нихъ, на *достаточномъ логическомъ основаніи*, умозаключенія, пригодныя для цѣлей и вопросовъ собственной метафизики.—Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности отношеній панпсихизма къ естествовѣдѣнію, я поясню ихъ, сколько возможно, кратко только *на одномъ* примѣрѣ, а именно, на *гипотезѣ* о судьбѣ человѣка послѣ того явленія, которое обыкновенно понимается его *смертію*. Глубочайшимъ *фундаментомъ* для построенія гипотезы служатъ слѣдующія *главныя положенія* изъ метафизики и теоріи познанія панпсихизма: а) то, что *дѣйствительно существуетъ, безвременно* и *непространственно*, ибо время и пространство составляютъ только принадлежность актовъ нашихъ дѣятельностей воображенія и мышленія (т. е., существуютъ только *идейно*, а не реально); в) то, что въ матеріалистической метафизикѣ или *отождествляется* съ движеніемъ матеріи, или-же называется пустыми словами въ родѣ *эпифеномена*, въ панпсихизмѣ считается *реальнымъ бытіемъ*: отсюда наши мысли, чувства, желанія и ощущенія суть не *фосфоресценція мозга* и не *явленія*, но *акты реальной дѣятельности* нашей субстанціи, или, иначе говоря *внѣшній предметный* міръ есть міръ кажущійся, а *внутренній, психическій* есть міръ реальный; с) наше человѣческое тѣло, подобно всѣмъ прочимъ тѣламъ, существуетъ не реально, а *сперва* существуетъ, только какъ образъ воображенія, а потомъ, какъ понятіе, созидаемое уже на почвѣ этого образа. Въ общенародномъ сознаніи это понятіе не точно и не выработано методически; въ наукахъ же — анатоміи, физіологіи и пр.— оно выработано точнѣе и методичнѣе. Къ этому фундаменту, въ качествѣ какъ бы зданія, присоединяются положенія изъ области естествовѣдѣнія: а) тѣло животное, а также и человѣческое *не* есть нѣчто *сплошное* и *единое*, а состоитъ изъ живыхъ органическихъ *клѣточекъ*, которыя уже, въ свою очередь, состоятъ изъ безжизненной, неорганической матеріи; в) тѣло наше *постоянно* умираетъ и возрождается по частямъ посредствомъ процессовъ питанія, дыханія и пр.,

гдѣ неорганическая матерія переходитъ въ органическую и обратно; с) смерть разнится отъ этого *постояннаго обмѣна* веществъ только тѣмъ, что въ нашемъ тѣлѣ жизненные процессы прекращаются *не по частямъ, а разомъ*; и оно становится, постепенно разлагающимся на неорганическую матерію, трупомъ. — Изъ этихъ метафизическихъ и естественно-научныхъ положеній черезъ рядъ посредствующихъ членовъ *выводятся*, въ качествѣ кровли зданія, слѣдующія умозаключенія. То, что называется нашею *жизнію*, есть рядъ психическихъ процессовъ, проходящихъ у насъ въ неразрывной связи съ аналогичными же процессами у подобныхъ намъ низшихъ субстанцій, образъ которыхъ мы имѣемъ *въ клѣточкахъ* нашего тѣла. *Смерть* же наша не есть уничтоженіе, а только *разрывъ* тѣсной связи нашихъ дѣятельностей съ дѣятельностями этихъ субстанцій, дальнѣйшая судьба которыхъ послѣ того насъ не интересуетъ. Послѣднія заключенія въ этомъ ряду будутъ таковы: такъ какъ наша субстанція не уничтожается, а продолжаетъ свое существованіе, то возможно имѣть твердое убѣжденіе, что и тѣсная связь наша съ другими субстанціями не прекращается, а возобновляется только не по частямъ, а *разомъ*. На языкѣ разныхъ религіозныхъ вѣрованій такого рода наша судьба по смерти называлась *перевоплощеніемъ*.— Что же касается до подробностей этого перевоплощенія, то онѣ или *устраняются*, какъ не имѣющія смысла, или же относятся уже къ *полному систематическому* изложенію міросозерцанія панпсихизма. Напр., вопросъ о томъ, *гдѣ* и *когда* совершается перевоплощеніе, устраняется, потому что въ панпсихизмѣ время и мѣсто касаются не дѣйствительно сущихъ вещей, а только ихъ образовъ, отражающихся и въ нашемъ сознаніи. Другіе же вопросы, напр., продолжается-ли послѣ перевоплощенія возникновеніе образовъ, подобныхъ нашему тѣлу, или же вообще матеріальному міру и далѣе, какъ состоится *новая связь* наша съ другими субстанціями, каковы ея послѣдствія, наконецъ, *зачѣмъ* происходитъ этотъ процессъ перевоплощенія, какой *смыслъ* его, то отвѣты на эти и подобные вопросы принадлежатъ къ полному изложенію міросозерцанія панпсихизма. Здѣсь же входить въ нихъ не позволяетъ ни время, ни мѣсто, ни цѣль настоящей статьи.

§ 9. Выше было сказано, что *простота* и *наглядность* матеріализма мнимая, что стоитъ только сойти съ почвы безсознательной метафизики, принимающей *образы за* самыя реальныя *вещи*, какъ онъ тотчасъ же теряетъ свои простоту и ясность, обманывающія *наивное* мышленіе. Съ другой стороны естественно также и то, что для этого мышленія панпсихизмъ можетъ казаться чрезвычайно труднымъ и даже непреодолимымъ. Но для *болѣе зрѣлаго мышленія*, привыкшаго работать надъ сложными понятіями, по своей сущности, исключающими *образность* и *наглядность*, и даже нарочито *остерегающагося* отъ увлеченія фантазіей, которая постоянно пытается *подставить* подъ понятіе образъ, панпсихизмъ, напротивъ, будетъ обладать наибольшею простотою, сравнительно съ другими философскими направленіями. Эта *высшая* простота обусловливается какъ болѣе *строгою послѣдовательностью* панпсихизма въ движеніи его мысли, такъ и *однородностью* элементовъ, которые *синтетизируются* имъ въ *единство* его міропониманія. Въ этомъ отношеніи панпсихизмъ весьма походитъ на математику и притомъ высшую, которая имѣетъ дѣло не съ величинами, а болѣе съ ихъ *символами* и *отношеніями* и которая трудна, но только для непривыкшаго вращаться въ ея операціяхъ; для опытнаго же въ томъ она превращается почти въ чисто механическую работу.—Конечно, этими особенностями панпсихизма не исключается для него возможность пользоваться, гдѣ это нужно для большаго уясненія мысли, уподобленіями, сравненіями, вообще метафорическимъ языкомъ; важно только то, чтобы пользующійся всѣми этими средствами ни самъ тѣмъ не обманывался, не вводилъ въ заблужденіе другихъ. При соблюденіи этого условія, т. е., чтобы употребленіе уподобленій и вообще метафорическаго языка было *сознательнымъ* (cum scientia), оно можетъ быть весьма полезнымъ для уясненія понятій *). Въ

*) Здѣсь кстати напомнить, что уподобленіе и притча представляютъ обычный пріемъ Величайшаго Учителя для уясненія предметовъ, не доступныхъ чувственной наглядности. Панпсихизмъ же, на сколько возможно для человѣческой философіи, основанной на разумѣ, приближаться къ религіи, основанной на божественномъ Откровеніи, родственнѣе, по своей сущности, съ ученіемъ І. Христа, чѣмъ какое либо другое философское направленіе.

этомъ можно убѣдиться на примѣрѣ, взятомъ изъ *гносеологіи* панпсихизма и касающемся весьма важнаго ея пункта, а именно: трудности понять, что время и пространство суть только, образующіяся въ нашемъ умѣ, *порядковыя* идеи. Особенно же трудно это понять по отношенію къ времени, такъ какъ, непосредственно сознаваемыя въ ихъ реальномъ содержаніи, психическія дѣятельности, по видимому, *возникаютъ и исчезаютъ во времени,* которое черезъ это какъ бы становится столь же реальнымъ, какъ и самыя дѣятельности.—Но все-таки идея времени, какъ то было объяснено въ № 3 „Своего Слова", *возникаетъ* въ насъ, только благодаря *узости* нашего сознанія вообще и *ограниченности* мыслящаго—въ частности, такъ что существо, стоящее неизмѣримо выше насъ, какъ, напр., Высочайшая Субстанція, съ одной стороны, а съ другой—существа, стоящія ниже насъ, какъ, напр., очень маленькія дѣти и животныя, не сознаютъ идеи времени, которое для нихъ и не существуетъ. Это отношеніе можно иллюстрировать слѣдующимъ *уподобленіемъ*. Представимъ себѣ, что поле нашего зрѣнія было бы значительно сужено вслѣдствіе того, что нашъ глазъ былъ бы ограниченъ узенькими цилиндрическими трубками. Тогда въ каждый моментъ мы видѣли бы какой-либо очень маленькій клочекъ нашего настоящаго поля зрѣнія; и возможно, что на долгое время мы *подпадали бы* той иллюзіи, что вещи постоянно возникаютъ изъ ничто и также исчезаютъ, между тѣмъ какъ теперь онѣ кажутся намъ, конечно, въ предѣлахъ нашего горизонта всѣ заразъ присутствующими въ пространствѣ. Могли бы пройти годы, десятки лѣтъ и даже вѣка, пока цѣлое человѣчество, путемъ соединенія этихъ отрывковъ пространственнаго міра, поняло бы, что находящіяся въ немъ вещи не возникаютъ и не исчезаютъ каждую минуту заново, а имѣютъ свое болѣе или менѣе постоянное *мѣсто* и *положеніе,* что уже доступно пониманію, напр., 7-ми, 10-ти лѣтнихъ дѣтей.

§ 10. Но здѣсь мнѣ представляется опасность, чтобы мое уподобленіе не было истолковано кѣмъ-либо въ томъ смыслѣ, что нашею *тѣлесною организаціею,* какъ, напр., прямымъ положеніемъ тѣла,

раздѣльностью и подвижностью пальцевъ верхнихъ конечностей и т. под., *обусловлена* способность человѣка къ высшему духовному развитію и совершенствованію, что, конечно, не разъ и утверждалось матеріалистами. Чтобы устранить эту опасность, я опять напомню читателю, что міръ матеріальный состоитъ только изъ *образовъ*, существующихъ въ нашемъ сознаніи, хотя и нельзя отрицать нѣкотораго *соотвѣтствія* этого кажущагося *міра образовъ* съ тѣмъ, что происходитъ въ дѣйствительномъ *мірѣ субстанцій*, такъ что *въ явленіяхъ*, перваго своеобразно отражаются реальныя *событія* и *порядокъ* дѣятельностей, принадлежащихъ существамъ второго. Но не организаціей частей тѣла, а только все энергичнѣе упражняющейся дѣятельностью мышленія достигаемъ мы, люди, значительной степени его силы и успѣха въ наукѣ и философіи; и тогда дѣлаемся *способными понять* что образы вещей должны находиться *заразъ* въ пространствѣ, не смотря на то, что нашъ горизонтъ все таки значительно *ограниченъ*. Потомъ, при болѣе интенсивномъ развитіи философскаго мышленія, мы уже становимся способными понять, что *кажущееся* пространство, въ которомъ простираются образы вещей, есть только *символъ* того, что все *дѣйствительно-существующее связано въ одну систему взаимодѣйствующихъ субстанцій*. Наконецъ, при еще напряженнѣйшемъ философскомъ мышленіи, мы становимся способными *понять умственно*, но не представить въ воображеніи, что существованіе различныхъ *фазисовъ* этого *взаимодѣйствія* субстацій, составляющихъ міръ, не отдѣлено какими либо *пустыми* временными промежутками. Подобно пространству и время есть *символъ* того, что система взаимодѣйствующихъ субстанцій не есть, какъ бы *застывшая на одномъ моментѣ* взаимодѣйствія, *совмѣстность многихъ*, но *живое движеніе* этихъ моментовъ и при томъ такое, что каждое изъ взаимодѣйствующихъ существъ не только мѣняетъ свое *идеальное мѣсто* относительно другихъ, но и претерпѣваетъ внутри себя *перемѣну* въ отношеніяхъ своихъ *функцій*.—Такимъ образомъ въ міропониманіи панпсихизма мы окончательно *освобождаемся* отъ двухъ страшныхъ чудищъ: безконечнаго пространства и времени, которыя въ другихъ міровоззрѣ-

ніяхъ не только угрожали поглотить всѣ *реальныя* существа, но которыя тѣмъ не менѣе все-таки не могли бы быть наполнены черезъ это поглощеніе и продолжали бы *зіять* своими *пустотами*, потому что, при условіи пониманія ихъ реальными, не только воображеніе, но и самый разумъ требовалъ бы пустыхъ промежутковъ въ нихъ.

§ 11. Теперь я кратко выскажусь о *панпсихизмѣ* въ сравненіи съ *позитивизмомъ*. Если припомнимъ поговорку, что одинъ глупый можетъ задать столько вопросовъ, что ихъ не разрѣшатъ и десятки умныхъ, то можно признать за позитивизмомъ преимущество въ томъ, что онъ отказывается отъ метафизики, чтобы не заниматься *неразрѣшимыми вопросами* и не плодить безполезныхъ споровъ. Но уже ранѣе было сказано, что метафизика есть продуктъ нашей *мыслящей дѣятельности*, спеціально отличающей человѣка отъ другихъ животныхъ, и что далеко *не всѣ* ея вопросы представляютъ нѣчто безсмысленное и неразрѣшимое. Во всякомъ случаѣ метафизику также нельзя *изъять изъ обращенія*, какъ нельзя устранить *разумъ* и *мышленіе*. Значитъ, отрицаніе позитивизмомъ метафизики вообще нужно значительно *ограничить* и *различать* между дѣйствительно безплодными вопросами и разумными проблеммами, необходимо требующими разрѣшенія и безъ него не позволяющими людямъ успокоиться, если они хотятъ остаться и остаются разумными существами. Къ этимъ проблеммамъ и *принадлежатъ* тѣ, надъ которыми постоянно работала и работаетъ философская мысль въ теченіе вѣковъ: таковы, напр., вопросы о различіи *дѣйствительнаго* бытія отъ *кажущагося*, объ *истинѣ* и *заблужденіи*, о *сущности* вещей, о происхожденіи и возможномъ ихъ концѣ, о *цѣляхъ* какъ міра въ его цѣломъ, такъ и каждаго существа, входящаго въ него, особенно же человѣка въ частности, Но, конечно, на ряду съ вопросами разрѣшимыми и разумными могутъ быть поставлены *неразрѣшимые* или же *праздные*; поэтому вмѣсто того, чтобы ратовать противъ неповинной въ томъ науки, *метафизики*, позитивизму слѣдовало бы вооружаться только противъ заблужденій и ошибокъ ученыхъ, *метафизиковъ*. При томъ же и *критерій* для предварительнаго различенія вопросовъ разумныхъ отъ

неразрѣшимыхъ и безсмысленныхъ найти не трудно. Въ большинствѣ случаевъ послѣдніе представляютъ либо *противорѣчіе* въ терминахъ, либо ведутъ *въ безконечность*, либо предполагаютъ *ложный кругъ* и т. под. логическія ошибки. Примѣрами такихъ вопросовъ богата исторія философіи; таковыми, напр., будутъ вопросы о началѣ и концѣ пространства и времени, при предположеніи, что они реальны; или же о началѣ движенія, а также о началѣ и концѣ причиннаго ряда. Особенно много неразрѣшимыхъ вопросовъ предлагается относительно природы и дѣятельности Бога, какъ, напр.: что Онъ дѣлалъ до созданія міра, или же ужъ окончательно безсмыслено вопросъ: если Богъ всемогущъ, то можетъ-ли онъ сдѣлать, чтобы дважды два было не четыре, а пять и т. под. Что же касается спеціально до, не подпадающихъ подъ сейчасъ означенный критерій, вопросовъ праздныхъ или безполезныхъ, то *источникъ*, изъ котораго они истекаютъ довольно *прозраченъ*: это-либо любопытство необузданной и не дисциплинированной фантазіи, либо продукты *мистическихъ* чувствъ и вожделѣній. Въ качествѣ образчика философіи и метафизики, вытекающей изъ этого источника, можно, напр., указать на наивныя, хотя и не лишенныя нѣкоторыхъ проблесковъ *геніальности*, философскія и теософскія измышленія знаменитаго Якова Бёма. Еще лучше, пожалуй, будетъ указать на уже совсѣмъ не наивную, а сознательно *бьющую на эффектъ* и *геніальное глубокомысліе*, хотя, въ сущности, полную пустыхъ риторическихъ фразъ позднѣйшую философскую систему Шеллинга, извѣстную подъ именемъ: „Философіи Миѳологіи и Откровенія“.

§ 12. Выше уже было упомянуто, что позитивизмъ далеко *не свободенъ* отъ того, что у другихъ направленій онъ осуждаетъ подъ именемъ метафизики *) и въ чемъ ихъ упрекаетъ. Но, какъ бы то

*) Къ сожалѣнію, мнѣ не помнится, чтобы, ратуя противъ метафизики, кто либо изъ позитивистовъ *обстоятельно, ясно* и *точно* опредѣлилъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ. По большей части, позитивисты упрекаютъ метафизиковъ за поиски *„непознаваемой сущности вещей“* (чѣмъ, конечно, и обличаютъ свое собственное признаніе *бытія* этой сущности), или же, безъ всякихъ объясненій, выражаются такъ, что метафизика есть какъ-бы общепризнанный вздоръ или галиматья.

ни было, позитивизмъ постоянно выходитъ изъ единственно признаваемой имъ доступною познанію, *сферы явленій* въ область метафизическихъ *предположеній* или *гипотезъ* и ставитъ понятія, касающіяся отрицаемой имъ сущности вещей или же заимствуетъ такія понятія у философовъ, прямо и откровенно признающихъ метафизику. Обыкновенно позитивисты въ такихъ случаяхъ принимаютъ видъ, что какъ будто бы они дѣлаютъ только *строгіе научные выводы* изъ фактовъ, такъ называемаго, опыта. Я считаю полезнымъ *иллюстрировать* сейчасъ сказанное парою примѣровъ, взятыхъ у представителей германскаго позитивизма.—Извѣстный ново-кантіанецъ Ф. А. Ланге въ своей „Исторіи матеріализма“ ставитъ, по моему, несомнѣнно *метафизическое понятіе*, отождествляя Кантово понятіе: „Ding an sich“, съ *человѣческою организаціей*. По его мнѣнію, и *міръ чувственный* (цвѣта, звуки и проч.) и *синтетическія формы* (пространство, время, причинность и пр.) суть *продукты* нашей организаціи тѣлесной и умственной. Въ этомъ мнѣніи и заключается, по моему, самый рѣзкій *переходъ* за сферу явленій къ метафизикѣ, очевидно, основанный на *смѣшеніи* двухъ разныхъ областей: естествовѣдѣнія и философской метафизики, и соотвѣтствующихъ имъ понятій. Терминъ: *организація*, принадлежитъ области естественныхъ наукъ и относится къ міру явленій, изучаемыхъ этими науками, какъ-то: біологіей, физіологіей, и далѣе химіей и физикой. Съ точки зрѣнія этихъ наукъ, не вдающихся въ метафизическіе вопросы и предположенія, это понятіе организаціи вполнѣ *ясно* и имѣетъ точно опредѣленное значеніе, а потому отождествлять его съ понятіемъ Канта: „вещи въ себѣ“, имѣющимъ у него значеніе только какого-то *неопредѣленнаго нѣчто* или, лучше сказать, *простого отрицанія* (вещь въ себѣ-не явленіе) есть совсѣмъ *непозволительный софизмъ*. Изъ отождествленія, которое дѣлаетъ Ланге, вытекаетъ нѣчто странное и даже безсмысленное. Естественно-научное *понятіе организаціи* предполагаетъ à priori'ныя, формы пространства, времени, движенія, матеріи и пр., *которыя*, въ свою очередь, *предполагаютъ* „Ding an sich“ или „вещь въ себѣ“ Канта, такъ что, въ концѣ концовъ, выходитъ, что *наша организа-*

ція, въ смыслѣ вещи самой въ себѣ, есть *продуктъ нашей организаціи*, какъ явленія. — Другой примѣръ даетъ намъ извѣстный ученый, физіологъ Вундтъ, одинъ изъ основателей позитивистическаго журнала въ Германіи: „Vierteljahrschrift и пр.“. Какъ выяснено это въ рефератѣ В. Н. Ивановскаго, недавно читанномъ въ московскомъ „Психологическомъ Обществѣ“, Вундтъ взялъ въ свою *эмпирическую психологію* изъ метафизической философіи терминъ *апперцепціи*. У философовъ — метафизиковъ, какъ, напр., у Лейбница, Канта, у Гербарта, терминъ этотъ употреблялся въ *различныхъ* значеніяхъ, чего Вундтъ вовсе *не различаетъ* и въ разныхъ мѣстахъ употребляетъ его въ значеніи, которое онъ имѣлъ у названныхъ философовъ, а кромѣ того еще и въ своемъ собственномъ. Въ этомъ „эклектическомъ“ употребленіи термина апперцепціи является такое *противорѣчіе* и *смѣшеніе* различныхъ точекъ зрѣнія, что понятіе это въ психологіи Вундта оказывается совсѣмъ несостоятельнымъ. Впрочемъ, Вундтъ и въ другихъ понятіяхъ, какъ, напр., *движеніе*, *предметъ*, *объектъ* и проч., постоянно смѣшиваетъ ихъ метафизическое значеніе съ естественно научнымъ. — Теперь я скажу *о панпсихизмѣ* въ его отношеніяхъ къ вопросамъ *не разрѣшимымъ* и *праздным*. Здѣсь онъ не только *не уступаетъ* позитивизму въ трезвости и умѣренности метафизическихъ предположеній, но даже вообще, при *большей сознательности* и *отчетливости* въ ходѣ своей мысли, на столько превосходитъ позитивизмъ, что неопытный читатель можетъ легко принять, по внѣшности, панпсихиста за болѣе строгаго позитивиста. Но, во всякомъ случаѣ, считая совершенно законнымъ заниматься *вышеозначенными вопросами о бытіи*, панпсихизмъ не интересуется ни *трансцендентностями*, въ которыя погружалась философія до Канта, не *трансцендентальностями*, которыя вошли въ нее съ Канта, ни *безконечностями*, которыя вообще процвѣтали въ германскомъ идеализмѣ. Панпсихизмъ также не любитъ термина: *сила* (включая и знаменитую Мольеровскую: „vis dormitiva“), а также не охотникъ онъ до термина: *абсолютное*, хотя и употребляетъ его тамъ, гдѣ это дѣйствительно необходимо. Наконецъ, міровоззрѣніе панпсихизма,

хотя и требуетъ болѣе напряженнаго мышленія, но это только сначала; разъ *привычка* къ усиленному мышленію *пріобрѣтена*, все міросозерцаніе панпсихизма дѣлается яснымъ и легкимъ и можетъ затруднять мысль, только слишкомъ привыкшую вращаться въ матеріалистическихъ понятіяхъ.

§ 13. Теперь я считаю не безполезнымъ нѣсколько дополнить сказанное въ главѣ III-ей о настоящемъ положеніи *дуалистическаго* міровоззрѣнія. Кстати, къ тому подаетъ поводъ и статья одного изъ *выдающихся представителей* этого направленія въ нашей литера- (Л. М. Лопатина въ 38 книжкѣ Вопросовъ: „Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза“). По моему, оно вообще возникаетъ изъ *гипостазированья* актовъ сознанія и *проекціи* наружу, т. е., внѣ этихъ актовъ, *понятій* и *образовъ*, которые внѣ ихъ и не существуютъ. Вся исторія дуализма, начиная съ Декарта и до сего времени, по моему, можетъ быть кратко выражена такъ, что *проектированныя понятія* и *образы* духа и матеріи, какъ бы вели между собою борьбу за *причинность* и *значеніе* въ мірѣ всего сущаго, хотя въ тоже время взаимно признавая право другъ друга и на существованіе, и на причинность вообще. Такъ дѣло шло, главнымъ образомъ, во французской философіи, гдѣ особенно *господствовалъ дуализмъ* со временъ Декарта. Впрочемъ, въ исторіи этого направленія можно считать постояннымъ фактомъ, что матерія все болѣе и болѣе *брала верхъ* надъ духомъ *), такъ что со второй половины нынѣшняго столѣтія матерія рѣшительно и окончательно преобладаетъ надъ духомъ.—Признаюсь, мнѣ всегда казалась странною эта братоубійственная борьба въ сферѣ самого дуалистическаго направленія. Вѣдь, здѣсь боролось не что либо одно съ другимъ, ему совершенно *чуждымъ*, а, такъ сказать, два родные брата, хотя и разныхъ характе-

*) Но бывали времена, когда и духъ имѣлъ свой реваншъ, такъ, напр., во Франціи, когда дѣйствовалъ Менъ-де-Биранъ (1-я четверть нынѣшняго столѣтія), казалось, что духъ готовъ былъ возобладать надъ матеріей. Но однако это было не долго, да и самъ Менъ-де-Биранъ закончилъ свою карьеру мистикой, что, по моему, представляетъ возможный и довольно естественный исходъ изъ дуализма.

ровъ, но фатально необходимые для существованія другъ друга: погибнетъ одинъ, погибнетъ и другой. Вѣдь, сторонники духа, называющіе себя *спиритуалистами*, могли бы съ одинаковымъ правомъ называть себя и *матеріалистами*, потому что для нихъ и матерія и духъ суть одинаково *принципы* всего сущаго. Хотя духъ и матерія философскаго дуализма весьма *похожи* на Ормузда и Аримана миѳологическаго дуализма, но большая разница въ томъ, что въ миѳологіи Ормуздъ современемъ совсѣмъ уничтожитъ Аримана и всѣ дѣла его. Въ философскомъ-же дуализмѣ такого конца не предвидится, ибо, по самому понятію своему, для дуализма необходимы *два* начала. Но предоставляя послѣдователямъ дуализма самимъ выходить изъ этого затрудненія, я теперь скажу *), что почтенный авторъ статьи подтверждаетъ въ существенномъ всѣ сейчасъ сказанное. Прежде всего онъ указываетъ на нѣсколько основныхъ „слабыхъ пунктовъ физіологическаго монизма“ **), какъ, напр., что онъ долженъ „искусственно изобрѣтать схемы для процессовъ въ мозгу“, которыми объяснялись бы психическіе факты; что онъ долженъ неизбѣжно „утверждать абсолютную пассивность душевнаго существованія“, или что онъ „принимаетъ чрезвычайно много окончательныхъ, первичныхъ фактовъ“. Затѣмъ авторъ указываетъ, что этотъ монизмъ, по самой своей сущности, долженъ прибѣгать къ разнымъ даже „безсмысленнымъ предположеніямъ въ родѣ того, что мысль и чувство есть не-что иное, какъ движеніе вещества“. Въ противоположность этому, авторъ указываетъ на многія и разныя преимущества „спиритуалистическаго дуализма

*) Разумѣется, я сдѣлаю это возможно кратко, такъ какъ ни объемъ, ни цѣль моей настоящей статьи не позволяютъ входить въ какія либо подробности.

**) Подъ этимъ терминомъ авторъ разумѣетъ психологическое ученіе, видящее въ мозгѣ и его движеніяхъ *причину* психическихъ явленій и состояній. Это ученіе вмѣстѣ съ „физіологической психологіей“, а также „психофизикой“ и т. под. есть въ сущности *матеріалистическая метафизика*, иногда признаваемая явно, а иногда прикрывающаяся терминомъ *научной психологіи*. Такъ какъ въ настоящее время современная психологія этого типа разработывается въ Европѣ въ такъ называемыхъ „психологическихъ лабораторіяхъ“, то я позволю себѣ, ради краткости, всѣ эти различные термины, въ случаѣ надобности, соединять подъ однимъ общимъ терминомъ *лабораторной психологіи*.

надъ физіологическимъ монизмомъ", особенно же на фактъ „единства сознанія", которое только и объяснимо изъ „существованія особаго дѣятеля, а именно, единой человѣческой души" и заключаетъ тѣмъ, что „всякая попытка провести монистическій взглядъ на душевную жизнь приводитъ какъ разъ къ совершенно противоположному, т. е. къ дуализму". Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ почтенный авторъ поддерживаетъ дуалистическое различіе между тѣломъ (матеріей) и духомъ, хотя и неразрывно „связанныхъ въ своихъ проявленіяхъ другъ съ другомъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ старается устранить разныя возраженія, которыя дѣлались противъ спиритуалистической гипотезы души, какъ особаго дѣятеля. Особенно устраняетъ онъ то возраженіе противъ этой гипотезы, что *„взаимодѣйствіе души и тѣла совершенно непонятно"* и думаетъ, что это затрудненіе существовало только *въ средѣ картезіанскаго направленія* философіи, чего и не хотятъ понимать противники спиритуалистической гипотезы.— Теперь я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія по поводу настоящихъ моихъ указаній на борьбу *своеобразнаго* „спиритуализма" почтеннаго автора съ „матеріализмомъ лабораторной психологіи". Во-первыхъ въ этой борьбѣ, по моему, авторъ постоянно *какъ бы забываетъ* о томъ, что, вѣдь, и самъ онъ *матеріалистъ* и оспариваетъ „физіологическій монизмъ" въ такомъ тонѣ, какъ будто бы онъ самъ былъ *чистымъ спиритуалистомъ* въ родѣ Берклея или Лейбница. Да и на самомъ дѣлѣ, онъ въ своей борьбѣ тихомолкомъ *какъ бы переходитъ* на точку зрѣнія (напр. на стр. 519, 520) Лейбница и въ серьезъ принимаетъ „всеобщее воодушевленіе", которое, по моему, совершенно не нужно для *чистаго спиритуализма*, а съ *дуалистическимъ* не можетъ быть соглашено *). Во-вторыхъ, если взять въ соображеніе *силу и остроуміе* борьбы автора съ „физіологическимъ монизмомъ" (лабораторной психологіей вообще), то, сравнительно съ этой силой, покажется, пожалуй, слишкомъ робкимъ тонъ, какимъ авторъ уговариваетъ „физіологическій монизмъ допустить и спиритуалистическую гипотезу

*) Кстати скажу, что выраженіе: *дуалистическій спиритуализмъ* до такой степени странно, что его и выговорить-то не легко.

для объясненія психической жизни", обѣщаясь при этомъ, что такое допущеніе „не внесетъ никакого существеннаго измѣненія въ общихъ задачахъ эмпирическаго или экспериментальнаго изученія психической жизни" (стр. 533). Конечно, болѣе тонкіе представители „лабораторной психологіи" только, какъ говорится, „посмѣются себѣ въ бороду" при такомъ ходатайствѣ „о допущеніи спиритуалистической гипотезы къ объясненію и проч.", зная очень хорошо, что въ настоящее время *психологія, какъ частная эмпирическая наука,* уже поставлена на такой путь, который самъ собою приведетъ къ предустановленной пристани *матеріалистической метафизики.* Напротивъ, *лабораторные психологи* могутъ еще, *въ видѣ нотаціи* спиритуалистамъ, замѣтить, что *психологія, какъ естественная наука, никакихъ гипотезъ* ни матеріалистическихъ, ни спиритуалистическихъ не допускаетъ и ограничивается *строгими выводами изъ фактовъ,* собранныхъ въ лабораторіяхъ путемъ общепринятыхъ научныхъ методовъ *). Въ третьихъ, не могу я согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что будто бы *взаимодѣйствіе души и тѣла* (матеріи) было затрудненіемъ „спеціально картезіанскимъ". Къ этому авторъ прибавляетъ: „а если мы иначе (т. е. не какъ картезіанцы) смотримъ на міръ и, главнымъ образомъ, на природу матеріи, то получитъ совсѣмъ другой видъ и угнетавшая картезіанцевъ проблемма" (стр. 519). Но, какой „видъ получитъ проблемма" и какъ она тогда разрѣшится въ сторону *согласимости матеріи и духа,* этого авторъ не указываетъ.

*) Что касается до меня лично, то я рѣшительно ничего не имѣю противъ методовъ, принятыхъ въ „лабораторной психологіи" и думаю, что противъ незаконной *эксплоатаціи* этихъ методовъ въ пользу матеріализма нужно бороться *не* въ психологіи, *а* въ метафизикѣ, какъ высшей инстанціи. Методы и пріемы „лабораторной психологіи" *сами по себѣ,* по моему, рѣшительно не даютъ возможности *строить* на данныхъ, собираемыхъ этими методами, матеріалистическую или же спиритуалистическую метафизику. Конечно, и въ области „лабораторной психологіи" нужно устранять implicite приплетающуюся къ ней *презумпцію,* что будто бы факты, пріобрѣтаемые ея методами, ни къ чему иному, кромѣ матеріализма, не ведутъ. Презумпція же эта, по моему, основана на той, уже выше высказанной, ложной мысли, что будто бы *факты существуютъ сами по себѣ,* тогда какъ они существуютъ только въ нашемъ умѣ и куда наклоняется этотъ умъ еще до нихъ, туда *наклоняются и факты,* конечно, вмѣстѣ съ выводами изъ нихъ и гипотезами, а онъ наклоняется прежде всего по направленію безсознательной метафизики.

Конечно, и я признаю, что понятіе матеріи Декарта *разнится* отъ современнаго понятія и что натурфилософія или физика картезіанцевъ значительно отличается отъ физики настоящаго времени: но основное *свойство матеріи* (ея протяженность или лучше пространственность) осталось и въ современномъ ученіи о матеріи. Но, вѣдь, оно-то и дѣлаетъ невозможнымъ *взаимодѣйствіе духа и тѣла*, какъ при Декартѣ, такъ и теперь. Сущность затрудненія состоитъ, по моему, въ томъ, что оно *приводится къ противорѣчію въ терминахъ:* духъ, т. е. нѣчто не пространственное, долженъ взаимодѣйствовать, да еще „неразрывно", т. е., *въ каждомъ пунктѣ и въ каждомъ моментѣ* своего бытія, съ матеріею, т. е., съ пространственнымъ. Напрасно почтенный авторъ вмѣсто обстоятельнаго подтвержденія своего мнѣнія о „картезіанскомъ затрудненіи" *отдѣлывается* (sit venia verbo) тѣмъ, что будто бы оно вообще затрудненіе метафизическое, а въ психологіи его нѣтъ. Съ этимъ я не могу согласиться, да, кажется, и самъ авторъ не долженъ бы соглашаться, если только онъ не раздѣляетъ мнѣнія позитивистовъ, что *метафизика не наука*, а пустой вздоръ.—Но какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что и *отсутствіе* полной увѣренности въ правахъ „спиритуалистической гипотезы", и нѣкоторую *шаткость*, напоминающую знаменитый въ нашей журналистикѣ припѣвъ: „съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой должно признаться", представляютъ заключительныя слова статьи почтеннаго автора. „Выводами", говоритъ онъ (стр. 534), „къ которымъ я пришелъ, не уничтожается значеніе противоположной ей гипотезы *физіологическаго монизма:* монистическая теорія даетъ хотя и одностороннее, но все же весьма своеобразное освѣщеніе душевнымъ процессамъ, которое во многихъ случаяхъ можетъ быть полезнымъ въ смыслѣ метода. Наконецъ, нельзя не считаться съ привычками ума у отдѣльныхъ изслѣдователей, которыя невольно влекутъ ихъ къ предпочтенію однихъ предположеній другимъ, не за ихъ логическія преимущества, а просто за ихъ субъективное удобство. Тѣмъ не менѣе истина психологіи лежитъ не въ монизмѣ: это когда нибудь сознаютъ всѣ, и тогда въ изученіи душевной жизни навсегда исчезнетъ монополія физіологическихъ объясненій".

Что касается до меня, то я не сочувствую ни *монополіи* „физіологическаго монизма“ (матеріализма тожь), ни безплодной *конкурренціи* дуалистическаго спиритуализма съ матеріализмомъ, а становлюсь подъ *знамя панпсихизма* (т. е. всеобщаго психизма или, если угодно, подлиннаго спиритуализма) который есть для меня *единственно истинное и реальное міросозерцаніе.*

§ 14. Теперь остается сравнить *панпсихизмъ* съ *идеализмомъ* и указать на преимущества перваго. Ранѣе, въ главѣ IV объ идеализмѣ, уже было указано на нѣкоторыя несостоятельныя стороны и недостатки этого направленія, какъ напр., на его *односторонность*, на *отсутствіе реальности* въ его основныхъ началахъ (идеи, формы), на *субстанціированіе* и *проективизмъ* его понятій (идеи, роды, виды, понятія), на *оторванность* реальныхъ элементовъ бытія другъ отъ друга (содержанія отъ дѣятельностей и субстанцій). Теперь же я остановлюсь на его несостоятельности въ той реальной дѣятельности, которою онъ занимался по преимуществу, а именно, въ *мышленіи*, на которомъ, главнымъ образомъ, стоитъ *человѣческая функція познанія* *). Но тѣмъ не менѣе, идеализму *неудалось* удовлетворительно рѣшить вопросъ о познаніи, что, по моему, и предстоитъ сдѣлать *панпсихизму*, являющемуся какъ-бы преемникомъ идеализма въ этомъ отношеніи. Эта неудача объясняется, по моему, главнымъ образомъ, тѣмъ что идеализмъ никогда не могъ, какъ слѣдуетъ, *понять отношеніе образовъ къ понятіямъ* и *процессъ образованія* какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Отсюда и происходило то, что онъ никогда не могъ вполнѣ *стряхнуть съ себя* цѣпей безсознательной метафизики, хотя по временамъ (напр. при Кантѣ и Фихте) бойко шелъ въ этомъ на-

*) Кромѣ мышленія, есть еще вспомогательная къ нему, но, однако, необходимая для познанія, реальная дѣятельность—*движеніе* въ его различныхъ формахъ (слышаніе, видѣніе и проч., вообще, такъ называемое, чувственное воспріятіе). Подъ *дѣйствительнымъ* движеніемъ я разумѣю *смѣну актовъ взаимодѣйствія* нашего существа съ другими и, прежде всего, съ тѣми, которыя *являются* намъ въ образѣ нашего тѣла. *Движеніе-же физическое*, или перемѣна тѣлами мѣста въ пространствѣ есть только нѣчто *кажущееся*, или отраженіе въ сознаніи этой смѣны взаимодѣйствія существъ, которыя, подобно намъ, непространственны, а потому пространственные *образы* суть только *значки* дѣйствительныхъ субстанцій.

правленіи и въ значительной степени положилъ начало процессу освобожденія ума отъ этой метафизики. Уже въ греческомъ идеализмѣ сказалась весьма важная его ошибка въ томъ мнѣніи, что будто-бы *понятія* соотвѣтствуютъ *идеямъ*, т. е., неизмѣнно сущему бытію, а образы вещамъ, которыя *„текутъ“* и постоянно *видоизмѣняются*. Такъ какъ на самомъ то дѣлѣ ни реальныхъ *образцовъ* или *прототиповъ* вещей, т. е., идей, ни самихъ *вещей нѣтъ*, то собственно рѣчь могла бы идти только о дѣйствительномъ содержаніи нашей психической дѣятельности т. е. о неизмѣнности понятій и измѣнчивости образовъ. Но и въ этомъ отношеніи мнѣніе идеализма было ошибочно. Конечно, понятія *сравнительно* съ образами *устойчивѣе*, но, однако, и они, какъ доказываетъ вся исторія наукъ, постоянно видоизмѣняются по той простой причинѣ, что, въ силу взаимодѣйствія съ другими существами, постоянно измѣняется субъектъ, *создающій и образы и понятія*, т. е., наша человѣческая субстанція, подлежащая процессу развитія. Человѣкъ, въ качествѣ животнаго, проходитъ *всѣ фазы* развитія животнаго отъ простѣйшей формы (клѣточки) до самыхъ сложныхъ; но только они совершаются въ очень сокращенный срокъ. Что касается до психической стороны, то онъ свою *умственную жизнь* начинаетъ также, какъ и животное, съ образовъ; но уже съ 2-хъ, 3-хъ лѣтняго возраста мало по малу переходитъ отъ нихъ къ понятіямъ. Разумѣется, въ первое время этого перехода, онъ *образуетъ* свои понятія *безотчетно* и при томъ такъ, что они очень мало отличаются отъ образовъ. Но чѣмъ далѣе и, особенно, чѣмъ выше ступень умственнаго развитія человѣка, тѣмъ понятія его *рѣзче* и *ярче* отличаются отъ образовъ, все болѣе и болѣе становясь чистыми *значками* или *символами*, такъ что *идеалъ* понятія, хотя вполнѣ и не достижимый въ дѣйствительности, состоитъ въ томъ, чтобы въ понятіи ничего не было образнаго. Въ наибольшей степени этого идеала достигаетъ только *математика*, но, вообще, мы не можемъ абсолютно обойтись безъ всякаго образа, такъ что и для болѣе строгихъ понятій употребляемъ какой либо письменный *значокъ* или же *слово*. Что же касается до, такъ называемыхъ, *вещей ма-*

теріальнаго міра, то онѣ, какъ уже было сказано ранѣе, суть не что иное, какъ *комплексы* нашихъ *ощущеній*. *Основу* этихъ комплексовъ составляютъ обыкновенно *мускульныя*, *осязательныя* и, наконецъ, *зрительныя* ощущенія. Въ ощущеніяхъ же нужно различать *двѣ стороны*: одну *реальную*, другую—*мнимую*, *кажущуюся*. Реальная сторона ощущеній *дѣйствительно переживается* нами въ нашемъ сознаніи и при томъ каждымъ индивидуумомъ особо и спеціально принадлежащимъ ему образомъ, такъ что, когда мы говоримъ словами другъ другу объ этой реальной сторонѣ нашихъ ощущеній, то всегда болѣе или менѣе предполагаемъ, что она *знакома всякому* изъ его собственнаго опыта и въ нашей передачѣ дѣлаемъ, въ сущности, только *намекъ* на нѣчто, непосредственно знакомое нашему собесѣднику изъ его собственной индивидуальной жизни. *Кажущаяся* же *сторона* ощущенія состоитъ въ *проэкціи* реальнаго элемента, даннаго въ актѣ ощущенія, въ безсознательно созидаемую нами форму пространства.—Теперь слѣдовало бы сказать объ *отличіи понятій отъ образовъ*, но для этого необходимо обстоятельно изложить исторію образованія понятія, что, въ свою очередь, можно сдѣлать только въ очень подробномъ очеркѣ, а для того, конечно, *выйти* изъ задачи и рамокъ этой статьи. Дѣло въ томъ, что панпсихизмъ, къ которому я присоединяюсь, значительно разнится къ этомъ вопросѣ отъ теорій, принятыхъ въ современныхъ логикахъ *). Поэтому я вынужденъ ограничиться только краткимъ *общимъ замѣчаніемъ*, что какъ образы вещей, такъ и вообще вся область нашего *обыкновеннаго*, по большей части безотчетно сложившагося, *сознанія* служатъ почвою, на которой выростаютъ понятія. Однако для этого почва обыкновеннаго т. е. принадлежащаго вообще людямъ, какъ образованнымъ, такъ и не образованнымъ, со-

*) Такъ, напр., ходячая *теорія абстракціи*, состоящая въ томъ, что, будто бы, при образованіи понятія, мы *отвлекаемся* отъ всѣхъ признаковъ, заключающихся въ конкретныхъ представленіяхъ вещей (т. е. образовъ), и беремъ только ихъ *существенные признаки*, общіе всѣмъ этимъ представленіямъ, *вполнѣ* ошибочна. Ею, вѣдь, уже предполагается готовымъ, то, что, по теоріи, еще должно сдѣлать, чтобы получить понятіе, ибо если я могу выдѣлить существенные признаки изъ массы несущественныхъ, то eo ipso я *уже обладаю* искомымъ понятіемъ.

знанія должна быть предварительно *подготовлена* различными операціями нашего мыслящаго разума. Эти операціи состоятъ: въ *анализѣ* или *разложеніи* всего обыкновеннаго сознанія на его *первичные, простые* элементы, и на *производные* и *сложные*. Послѣ этого анализа и *сравненія* или *сопоставленія* тѣхъ и другихъ другъ съ другомъ начинается, завершающая работу мышленія, *операція*, а именно, *синтезъ* или сочетаніе сопринадлежныхъ элементовъ въ *новыя единства*, называемыя *понятіями*, въ которыхъ окончательно и *выражается* та функція нашего „я“, которая называется *познаніемъ* *). — Въ связи съ недостаточнымъ пониманіемъ *отношенія образовъ къ понятіямъ* стоитъ и *неопредѣленность въ значеніи и мѣстѣ*, которую обнаружилъ идеализмъ относительно той человѣческой дѣятельности, которая называется *воображеніемъ* или *фантазіей* и которая созидаетъ образы. Главное заблужденіе его состоитъ въ томъ, что онъ видѣлъ въ ней *низшую ступень* познавательной или мыслящей дѣятельности, между тѣмъ какъ она служитъ только *вспомогательной для познанія* и имѣетъ *свою особую задачу и мѣсто* въ кругу человѣческихъ дѣятельностей. Задача эта не *теоретическая*, а выражаясь точнѣе, *практическая*. Ею удовлетворяется не потребность пониманія и знанія *сущности* и *порядка* событій и актовъ, происходящихъ *внутри* самого субъекта, а напротивъ, потребность его удовлетворить своимъ *стремленіямъ* къ счастью, къ благу съ одной стороны, а съ другой *устранить* тѣ бѣдствія, которыя могутъ произойти отъ столкновенія съ другими существами при выходѣ изъ *субъективнаго міра въ объективный ради взаимодѣйствія съ другими* субстанціями. Въ этомъ случаѣ образуется уже не *идейная система познанія*, а *реальная система*, о которой я упоминалъ подъ названіемъ *технической системы*. Здѣсь познавательная дѣятельность является вспомогательною, а глав-

*) Здѣсь позволю себѣ посовѣтовать читателямъ «Своего Слова», если они владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, познакомиться съ процессомъ образованія понятій изъ сочиненій Лотце и особенно Тейхмюллера. Для незнакомыхъ же съ нѣмецкимъ языкомъ, можно ознакомиться съ этимъ процессомъ, какъ изъ моихъ отрывочныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ въ «Своемъ Словѣ», такъ и изъ указаній, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ учениковъ Тейхмюллера, напр., Е. А. Боброва и Я. Ѳ. Озе.

ное значеніе принадлежитъ дѣятельности *двигательной* и ея продуктамъ—ощущеніямъ и далѣе *комплексамъ* этихъ ощущеній, которые воображеніе или фантазія слагаетъ *въ образы*, въ смѣнѣ которыхъ продолжается движеніе ощущеній.—Хотя, какъ уже было сказано, *тѣла въ пространствѣ*, котораго реально не существуетъ, суть *нѣчто кажущееся*, но, однако, наше воображеніе *пріурочиваетъ* къ этому кажущемуся *перемѣны въ актахъ* нашего *ощущенія*, что при помощи *научныхъ* системъ анатоміи, физіологіи, физики, химіи, географіи и пр. даетъ намъ полную возможность *ориентироваться во внѣшнемъ мірѣ* и надлежащею комбинаціею нашихъ движеній, достигать безконечно разнообразныхъ предметовъ нашихъ желаній. Поэтому мы можемъ разсматривать свое и другія тѣла, какъ своего рода *ландкарты* или *планы*, безъ которыхъ, хотя они и вовсе не похожи на то, что ими *символизируется*, мы не могли бы идти дальше животныхъ во взаимодѣйствіи съ субстанціями внѣшняго міра.—Въ силу ошибочнаго пониманія дѣятельности *воображенія* или *фантазіи*, односторонне отводится ей идеалистами и мѣсто въ ряду другихъ человѣческихъ дѣятельностей: они пріурочивали ее преимущественно *) къ области искусства **).

§ 15. Теперь мнѣ можно перейти къ сравненію *идеализма съ панпсихизмомъ*, но сперва я считаю не безполезнымъ въ дополненіе къ вышесказанному о фантазіи прибавить нѣсколько словъ о *недавней попыткѣ* одного почтеннаго философа, Фрошаммера (Frohschammer) приписать фантазіи гораздо важнѣйшую роль, чѣмъ обыкновенно приписывается ей, какъ *субъективной* человѣческой дѣятельности вообще и художественной въ частности.—Фрошаммеръ, умершій уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ изъ фантазіи *общемірового творческій принципъ*, подобно тому, какъ Гегель сдѣлалъ таковой же изъ разума, или Шопенгауеръ изъ воли. Сочиненіе, въ которомъ

*) Только Фихте давалъ ей болѣе широкое значеніе въ процессѣ построенія міра.

**) Смотри въ сочиненіи Е. А. Боброва: «О понятіи искусства» указанія на мнѣнія представителей идеализма о значеніи фантазіи въ этой области.

развито міровоззрѣніе Фрошаммера, носитъ заглавіе: „Phantasie, als Grundprincip des Veltprocesses, Münich, 1877". Здѣсь Фрошаммеръ видитъ въ фантазіи, кромѣ нашей субъективной дѣятельности, *объективное творческое и синтетическое начало*, изъ котораго, по его мнѣнію, объясняется весь міръ. Она *созидаетъ* не только образы вещей въ насъ, но и во всей природѣ и исторіи; она есть *образующее* и *объединяющее* начало не только въ отдѣльныхъ индивидуальныхъ вещахъ, но и въ организаціи цѣлаго міра. Фантазія, думаетъ Фрошаммеръ, объясняетъ все существующее *гораздо удовлетворительнѣе*, чѣмъ начала другихъ философовъ. Абсолютный разумъ Гегеля, напр., не можетъ объяснить существованія безсознательнаго, а неразумная воля Шопенгауера не объясняетъ бытія разума. Фантазію, какъ *творческое* и *образующее* начало, можно, по Фрошаммеру, считать принадлежностью Бога; значитъ, міръ съ наполняющими его, вещами можно разсматривать, какъ актъ божественнаго воображенія и вмѣстѣ съ тѣмъ божественнаго могущества, реализирующаго произведенія этого воображенія. Въ видѣ бѣглой оцѣнки міровоззрѣнія Фрошаммера, я замѣчу, что если понимать общеміровую фантазію, какъ дѣятельность, *оторванную* отъ субстанціи, то я, конечно, въ силу *моего понятія бытія*, не могу допустить *дѣятельности безъ дѣятеля*. Что же касается до принадлежности міробразующей фантазіи Высочайшему Существу, то, по нашей отдаленности отъ Него, мы не можемъ образовать сколько нибудь основательныхъ (адекватныхъ) понятій *о родѣ и способѣ* Его дѣятельности. Кромѣ того я нахожу довольно страннымъ, чтобы у Высочайшаго Существа, которое представляетъ *идеалъ соединенія и сопроникновенія дѣятельностей въ единствѣ субстанціи*, можно было какъ бы *раздроблять* и *обособлять* Его дѣятельности, пріурочивая ихъ къ тѣмъ или другимъ продуктамъ, какъ дѣлаетъ это Фрошаммеръ, предполагающій, что Богъ образуетъ вещи и ихъ образы именно *путемъ воображенія или фантазіи*. Поэтому, избѣгая опасности впасть въ *ложныя аналогіи*, а черезъ нихъ въ *антропоморфизмъ*, я воздержусь въ этомъ пунктѣ отъ какихъ либо поправокъ міровоззрѣнія Фрошаммера.—Но за то я охотно готовъ вмѣстѣ съ Фрошам-

меромъ расширить значеніе фантазіи *) и включить ее въ рядъ основныхъ психическихъ *дѣятельностей человѣка*. Но такъ какъ она несомнѣнно принадлежитъ и животнымъ, для которыхъ составляетъ, при помощи созидаемыхъ ею образовъ, *главное условіе взаимодѣйствія* ихъ съ существами внѣшняго міра, то, съ этой точки зрѣнія мы можемъ понимать ее какъ всеобщую *объективную дѣятельность*.—Теперь я, возможно кратко скажу о *преимуществахъ* панпсихизма передъ идеализмомъ. Прежде всего, панпсихизмъ строго устраняетъ *оторванность* однихъ элементовъ *реальнаго бытія* отъ другихъ, содержанія и дѣятельностей отъ субстанцій. Для него сущее есть всегда *индивидуальная субстанція* производящая акты, имѣющіе то или другое содержаніе ея дѣятельностей. Отсюда *міръ* и его *эволюція* или *развитіе* совершаются въ *субстанціяхъ*, такъ что *въ панпсихизмѣ нѣтъ* никакого мертваго и внѣшняго этимъ субстанціямъ матеріала, который въ другихъ міровоззрѣніяхъ слыветъ подъ именемъ *матеріи*. Въ отношеніи къ реальнымъ началамъ панпсихизма нужно отмѣтить въ числѣ его преимуществъ, что онъ *избѣгаетъ смѣшенія* двухъ различныхъ понятій, *дѣйствительности и истины*, которому сплошь и рядомъ подпадаютъ другія міровоззрѣнія. *Истина существуетъ* только въ *актахъ* нашего *мышленія*, которое можетъ давать въ результатѣ и истину, и ошибку, хотя *актъ мышленія* въ послѣднемъ случаѣ вовсе *не теряетъ* своей *реальности*. Идеализмъ вообще грѣшитъ этимъ смѣшеніемъ, но больше всего повиненъ въ немъ его послѣдній выдающійся представитель, Гегель, положеніе котораго, что все *дѣйствительное* (реальное) *разумно* (истинно) есть

*) По моему всего лучше терминъ: *воображеніе*, оставить за дѣятельностью, созидающей образы вещей, когда она дѣйствуетъ *безотчетно* или же когда она протекаетъ *съ ничтожнымъ* участіемъ мыслящаго разума въ созданіи образовъ. Терминъ же *фантазіи*, по моему, лучше употреблять въ тѣхъ случаяхъ, когда эта дѣятельность происходитъ съ гораздо большимъ участіемъ сознательнаго мышленія, какъ, напр., въ искусствѣ, гдѣ, хотя первоначальный *замыселъ* художника и выражается въ безотчетно созидающихся и движущихся въ его душѣ образахъ, но за то поправка и детальное выполненіе этихъ образовъ происходитъ при весьма сильномъ *вмѣшательствѣ* сознательнаго мышленія въ ихъ *выборъ* и комбинацію.

самое яркое выраженіе этого смѣшенія. Содержаніе дѣятельностей реально, какую бы *цѣнность*, съ точки зрѣнія нашихъ мнѣній или чувствъ, мы имъ ни придавали. Актъ мысли, который представляетъ для нашего *логическаго чувства*, опирающагося на критеріи *законовъ противорѣчія* и *достаточнаго основанія*, нелѣпость, есть столь же *реальный актъ*, какъ и тотъ, который, по нашему, представляетъ величайшую истину. Руководясь въ отыскиваніи реальныхъ началъ *первоначальнымъ* и *непосредственнымъ* сознаніемъ, панпсихизмъ старается строго различать таковыя начала отъ продуктовъ *вторичнаго* и *сложнаго* сознанія, которые всего чаще происходятъ вслѣдствіе *безсознательной проэкціи* наружу, т. е., внѣ актовъ этого производнаго сознанія, въ которомъ эти начала только и существуютъ. *Сложность* же и *производность* такихъ мнимыхъ началъ затемняется *иллюзорною* ихъ *простотою*, которая возникаетъ отъ того, что мы не замѣчаемъ *множества* слагающихъ эти начала актовъ сознанія и обращаемъ вниманіе только на ихъ *конечный результатъ*, какъ это обнаруживается въ *идеяхъ времени, пространства, движенія и матеріи*. Хотя мною *далеко не вычислены* всѣ преимущества панпсихизма передъ идеализмомъ, однако сдѣланныхъ ранѣе и теперь указаній на эти преимущества я считаю достаточнымъ для цѣлей моей статьи. Теперь же я скажу нѣсколько словъ о концѣ идеализма и переходѣ его въ матеріализмъ и въ заключеніе этой статьи, скажу о *современномъ состояніи* панпсихизма, этого *истиннаго наслѣдника* идеализма въ дальнѣйшемъ развитіи философской науки вообще.

Глава VI.

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПАНПСИХИЗМА, ИСТИННАГО ПРЕЕМНИКА ИДЕАЛИЗМА ВЪ РАЗВИТІИ ФИЛОСОФСКАГО ЗНАНІЯ.

Въ первой главѣ этой статьи уже было упомянуто о переходѣ философіи послѣ Гегеля изъ идеализма въ матеріализмъ. Здѣсь я только дополню сказанное тѣмъ, что къ этому переходу, хотя и не сознавая того, подтолкнулъ идеализмъ, а съ нимъ и всю философію, *послѣдній* выдающійся *представитель* германскаго идеализма, именно, Гегель. По своему характеру, чувствамъ и тенденціямъ, Гегель былъ довольно рутиннымъ *консерваторомъ* и *филистеромъ*, а между тѣмъ *различныя* обстоятельства, какъ напримѣръ, его историческое *положеніе* въ развитіи идеализма, его *значительныя умственныя силы* и *слишкомъ большія притязанія* на непогрѣшимость въ философскомъ знаніи, требовали отъ него *самостоятельности и оригинальности*, приличествующихъ *новатору и реформатору*. Удовлетворить этимъ *противоположнымъ влеченіямъ* ему возможно было только искуснымъ *компромиссомъ* между ними и *софистическою изворотливостью*, которую Гегель и обнаружилъ въ своей системѣ. При его жизни, благодаря какъ высокому *авторитету*, которымъ онъ пользовался въ основанной имъ школѣ, такъ и оракулообразному, *двусмысленному языку*, которымъ онъ выражался, эти *компромиссъ* и *софистика* оставались не вскрытыми, и Гегель безмятежно пользовался своей славой и былъ *безспорно* главою своей школы. Но какъ скоро онъ умеръ, то въ ней началось сильное *движеніе*, которое и повело къ ея *разложенію* на различныя *фракціи*, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ половины нынѣшняго столѣтія и къ переходу идеализма въ матеріализмъ.

Какъ извѣстно изъ исторіи философіи, это разложеніе началось *спорами* между различными послѣдователями Гегеля о *правильномъ пониманіи* его ученія, изъ которыхъ и обнаружилось, что *различіе въ пониманіи и истолкованіи* его философіи зависитъ главнымъ образомъ отъ *возможности различно* и *даже противоположно* толковать выраженіе этого ученія, сдѣланное самимъ Гегелемъ. Затѣмъ началась *провѣрка* самой философіи Гегеля въ ея цѣломъ и въ ея связи съ частями. Эта провѣрка приводила къ убѣжденію, что его философія состоитъ изъ множества *двусмысленныхъ софистическихъ положеній* и что на нихъ то и основаны всѣ его притязанія, изъ которыхъ *важнѣйшія* суть: что будто бы его философія согласна съ религіознымъ ученіемъ христіанской церкви, что его понятіе государства, какъ „нравственнаго цѣлаго“, какъ „осуществленія свободы“ и т. под. согласно съ разумомъ и съ исторіей, что его философія природы вполнѣ согласна съ эмпирическими науками о природѣ. При провѣркѣ же всей его философіи выяснилось, что эти притязанія *вполнѣ неосновательны*, а потому лѣвая школа Гегеля съ талантливымъ ея представителемъ, Фейербахомъ, предпочла вмѣсто безполезнаго *топтанія* между тремя искусственными областями — *бытія въ себѣ, инобытія* и *бытія для себя*—изучать *единое бытіе* такъ же, какъ оно изучается въ частныхъ и особенно въ естественныхъ наукахъ. Но такъ какъ въ этихъ послѣднихъ, стоящихъ вообще на почвѣ неразоблаченной *безсознательной метафизики*, тогда уже осуществился переходъ *традиціоннаго матеріализма въ научный*, то естественно, что поворотъ лѣвой стороны гегельянства къ наукамъ равнялся полному и окончательному переходу философскаго *идеализма въ* философскій *матеріализмъ*.

Здѣсь мнѣ *кстати* сказать, что и заимствованія, сдѣланныя у Гегеля „экономическимъ матеріализмомъ“, по моему, пользы ему не приносятъ, а скорѣе *вовлекаютъ* его *въ ошибки*. Укажу, напр., что пресловутый *переходъ тезиса* черезъ *антитезисъ* въ новый синтезизъ или переходъ первобытнаго коммунизма семьи и племени, послѣ *мнимаго отри-*

ланія его въ личной, частной собственности (современномъ капитализмѣ) въ будущій развитый общественный коммунизмъ есть, по моему, апріорное соображеніе, *несоотвѣтствующее* дѣйствительной исторіи. Первобытнаго коммунизма никогда у людей не было, а было естественное животное состояніе, гдѣ царствовало *право сильнаго*, а потомъ началось образованіе и коллективной собственности, семейной и племенной, при преобладаніи всетаки того же права сильнаго или старшаго. Параллельно же съ тѣмъ началась индивидуальная собственность, а коллективная продолжала свою дальнѣйшую эволюцію въ возникновеніи *государственной собственности*, которая постоянно расширялась и расширяется до сихъ поръ. Отсюда можно сдѣлать вѣроятное заключеніе, что изъ *всѣхъ видовъ* соціализма будущее скорѣе всего можетъ принадлежать соціализму государственному.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о современномъ состояніи панпсихизма. Представителями его въ послѣднее время выступаютъ *два замѣчательныхъ мыслителя:* Лотце и Тейхмюллеръ. Оба они примыкаютъ къ Лейбницу, хотя, конечно, испытали вліяніе *всей* философіи послѣ него и до нашего времени, особенно же вліяніе германскаго идеализма, что, однако, не мѣшаетъ имъ быть энергическими критиками этого направленія. Важнѣйшей заслугой ихъ, особенно Тейхмюллера, направленію панпсихизма можно считать дальнѣйшее развитіе того, что сдѣлано Лейбницемъ, а также и поправку ошибокъ, оставленныхъ и сдѣланныхъ самимъ Лейбницемъ.

Лотце (1817—1881) написалъ *многія* сочиненія, въ которыхъ сполна выражена вся его философская система. Отличительными чертами ея можно признать, *въ теоріи познанія и метафизикѣ*, то, что Лотце вышедшій самъ изъ области естествовѣдѣнія (сначала медикъ) и хорошо съ нимъ знакомый, относится *отрицательно* къ обычному мнѣнію, что будто бы образы, которые мы называемъ вещами, суть какъ бы оттиски впечатлѣній, дѣлаемыхъ на насъ реальными вещами. Дѣйствительныя вещи, по его міросозерцанію, духовной природы; кажущіеся намъ пространственные образы суть продукты нашего взаимодѣйствія съ другими существами, также духов-

ными. Изъ отражающагося въ нашемъ сознаніи этого нашего взаимодѣйствія съ другими существами, называемыми нами вещами внѣшняго міра, мы, однако, не можемъ сдѣлать заключеній о томъ, какъ порождается эта кажущаяся намъ *дѣйствительность;* во всякомъ случаѣ, взаимодѣйствіе отражается болѣе въ насъ, чѣмъ въ другихъ существахъ.

Система Лотце имѣетъ *телеологическій* характеръ; вещи у него суть предметы *ощущенія* и *познанія,* имѣющихъ значеніе, главнымъ образомъ, въ дѣлѣ наслажденія духовныхъ субстанцій, вершину которыхъ составляетъ Богъ, связывающій ихъ собою и въ себѣ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ низшихъ субстанцій *мы* сознаемъ особо и себя, и свои состоянія.

Впрочемъ, отличеніе самосознанія отъ *сознанія функцій* нашего „я", выражено у Лотце недостаточно ясно. Исходный пунктъ въ его системѣ есть признаніе имъ *единства сознанія,* которое для него въ то же время есть и фактъ существованія субстанцій. Дѣятельности нашей субстанціи или способности нашей души представляютъ четыре отдѣла, не сводимыя одинъ къ другому, но всегда связанные другъ съ другомъ. Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ у Лотце состоитъ въ томъ, что онъ придаетъ *времени реальное* значеніе, считая въ то же время *пространство* продуктомъ нашей души. Кромѣ того, онъ впадаетъ въ *проэктивизмъ* *) нѣкоторыхъ понятій. Философія Лотце пользуется въ Германіи довольно обширнымъ распространеніемъ. Выдающимся изъ его послѣдователей можно считать Г. Зоммера (Hugo Sommer).

Тейхмюллеръ (1832—1889), связанный преемствомъ съ Лотце, былъ долго профессоромъ философіи въ Россіи въ Дерптскомъ—нынѣ Юрьевскомъ—университетѣ. Это мыслитель замѣчательный своею разностороннею эрудиціей: знакомъ съ математикой, естественными науками, съ египтологіей, знаетъ много языковъ и въ совершенствѣ древнюю

*) См. большое сочиненіе Я. Ѳ. Озе: „Персонализмъ и проэктивизмъ въ метафизикѣ Лотце".

философію *). Хотя систему его можно счесть не вполнѣ *выработанною* и *законченною*, однако, онъ внесъ въ панпсихизмъ самые крупные послѣ Лейбница вклады.

Сочиненія его отличаются такимъ остроуміемъ, діалектическою силою и ясностью изложенія, что читаются, гораздо легче, чѣмъ напр., сочиненія Лотце. Я назову изъ нихъ главныя, особенно важныя для выраженія его философскихъ убѣжденій, а именно: „Die wirkliche und die scheinbare Welt“**). „Die neue Grundlegung der Psychologie und der Logik“ ***) и наконецъ: „Religionsphilosophie“ („Философія религіи“), гдѣ кромѣ главнаго предмета, есть много мѣстъ, также относящихся къ теоріи познанія и метафизикѣ.

Теперь я скажу, что *важные* и *оригинальные* пункты въ философіи Тейхмюллера состоятъ въ томъ, что онъ *сознаніе*, и *при томъ непосредственное* и *первоначальное*, считаетъ единственнымъ источникомъ реальности. Это сознаніе противополагается имъ мышленію, которое можетъ быть и ошибочнымъ, и истиннымъ. Сознаніе же *не* истинно и *не* ошибочно, — оно только *есть* и совершенно одинаково у всѣхъ существъ, животныхъ и человѣческихъ, но само по по себѣ оно *невыразимо* словомъ и дано намъ, какъ и всякимъ другимъ существамъ, въ *непосредственномъ переживаніи* (ощущенія, чувства, желанія). Но вмѣстѣ *съ словомъ* къ этому первоначальному сознанію уже *привходитъ* и мышленіе (различеніе), съ которымъ и начинается возможность истины и ошибки.

Въ *различеніи* сознанія и знанія, которыя постоянно смѣшивались въ философіи, заключается одинъ изъ основныхъ пунктовъ философіи Тейхмюллера. На немъ же зиждется и понятіе субстанціи, или нашего „я“, которое дано непосредственно въ сознаніи всѣхъ реальныхъ существъ, хотя и въ различной степени интенсивности и ясности. Въ

---

*) Замѣчательны въ этомъ отношеніи его изслѣдованія, вышедшія въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: „Geschichte der Begriffe“.

**) „Дѣйствительный и кажущійся міръ“. Это основное сочиненіе по его метафизикѣ или онтологіи.

***) „Новыя основы Психологіи и Логики“.

идеализмѣ же „я“ есть не что иное, какъ теоретическое *понятіе* объ „я“. У Тейхмюллера и вообще въ панпсихизмѣ, „я“ есть прежде всего непосредственное и простое сознаніе, а уже потомъ философское понятіе.

Кромѣ яркаго и точнаго отличеніе сознанія отъ знанія, Тейхмюллеръ еще различаетъ отъ *специфическаго* познанія—*значковое*. Первое можетъ быть выражено черезъ *опредѣленіе*, значковое же выражается *знакомъ*, *указаніемъ* на то, что *каждому дано и знакомо* въ его личномъ сознаніи. Кромѣ *онтологіи* или изслѣдованія о мірѣ бытія въ главномъ сочиненіи Тейхмюллера чрезвычайно важна *феноменологія* или дедукція міра кажущагося. Здѣсь онъ съ большимъ остроуміемъ занимается понятіями видимаго міра и излагаетъ образованіе формъ: времени, пространства, движенія и матеріи.

Но само собою разумѣется, что панпсихизмъ въ настоящемъ его положеніи не имѣетъ никакихъ притязаній на *абсолютную законченность* своего развитія, а потому его послѣдователямъ, идущимъ теперь главнымъ образомъ по слѣдамъ Лотце и Тейхмюллера, предстоитъ работать надъ дальнѣйшимъ развитіемъ направленія. Дѣла еще много; въ настоящее время многое осталось *невыработаннымъ*, недостаточно опредѣленнымъ *) и едва только затронутымъ. Такъ, напр., проблема *взаимодѣйствія субстанцій* представляетъ еще не мало вопросовъ, гдѣ, для разрѣшенія затрудненій, требуется много энергической работы.

Въ этой работѣ могутъ принять участіе и немногіе представители панпсихизма, дѣйствующіе въ нашемъ отечествѣ **). Здѣсь укажу только на тѣхъ, работы которыхъ являются на русскомъ языкѣ, а именно: на автора этой статьи и на двухъ учениковъ Тейхмюллера: Я. Ѳ. Озе и Е. А. Боброва. Кстати, укажу на три послѣднія со-

*) См. напр. въ соч. Е. А. Боброва „Объ Искусствѣ“, указанія на нѣкоторую неопредѣленность и шаткость въ положеніяхъ Тейхмюллера.

**) Выше я уже сказалъ, что въ европейской литературѣ есть послѣдователи у Лотце. Въ указанномъ соч. Е. А. Боброва можно найти указанія на сочувствіе нѣкоторыхъ философскихъ писателей Европы и къ Тейхмюллеру, хотя извѣстность его значительно меньшая, чѣмъ Лотце.

чиненія Е. А. Боброва (1897—1898): „О понятіи бытія“; „О самосознаніи“; „Изъ исторіи критическаго индивидуализма“.

Что касается до меня лично, то прежде чѣмъ примкнуть къ панпсихизму, я работалъ въ направленіи Канто-шопенгауеровскаго идеализма; къ панпсихизму же обратило меня въ 80-хъ годахъ усердное изученіе Лейбница и затѣмъ окончательно знакомство съ сочиненіями Тейхмюллера, о чемъ и сказано было въ моей статьѣ о Тейхмюллерѣ въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“, книги 24-я и 25-я.

Но кромѣ работы въ дальнѣйшемъ развитіи панпсихизма на его представителей ложится также необходимость борьбы съ противодѣйствующими ему направленіями, каковы, напр., позитивизмъ и еще болѣе матеріализмъ. По крайней мѣрѣ, я для себя сознаю обязательность этой задачи и, по мѣрѣ силъ, выполняю ее: удачно или нѣтъ? — объ этомъ судить уже не мнѣ.

А. К.

ОБЪЯСНЕНІЯ СЪ МОИМИ КРИТИКАМИ.

I. Объясненіе съ Вл. С. Соловьевымъ.

Мнѣ непріятна вообще полемика, а, кромѣ того, и силъ осталось въ моемъ распоряженіи очень немного, однако необходимо *защитить свою мысль* отъ вольныхъ и невольныхъ искаженій ея другими, ибо, въ противномъ случаѣ, не нужно было-бы и вообще обнародовать ее. Одно изъ такихъ искаженій произошло отъ уважаемаго мною Вл. С. Соловьева; и теперь я намѣренъ защитить свою мысль отъ этого искаженія.

Я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, что почтенный Вл. С. Соловьевъ состоитъ *редакторомъ* философскаго отдѣла въ „Энциклопедическомъ словарѣ", издаваемомъ гг. Брокгаузомъ и Ефрономъ, и, напротивъ думаю, что, для выполненія этой функціи, не легко было найти столь же компетентное лицо, какъ и уважаемый Вл. С. Соловьевъ. Но, тѣмъ не менѣе, моя настоящая претензія обращается къ нему болѣе, какъ къ редактору „Словаря".

Дѣло въ томъ, что въ этомъ словарѣ (Т. XV^{A}) помѣщена Я. Н. Колубовскимъ біографическая статейка обо мнѣ лично („А. А. Козловъ, стр. 605"). Въ ней къ біографическимъ указаніямъ присоединено авторомъ статьи нѣсколько словъ о моихъ философскихъ воззрѣніяхъ и выражена моя мысль о томъ, что образованіе *идеи пространства* „не можетъ быть объяснено при помощи ассоціаціи, такъ какъ это объясненіе попадаетъ въ ложный кругъ" (стр. 606). Къ этимъ словамъ сотрудника „Словаря" Я. Н. Колубовскаго, редакторъ философскаго отдѣла, Вл. С. Соловьевъ, дѣлаетъ ex abrupto и безъ малѣйшаго къ тому повода примѣчаніе, состоящее изъ слѣдующихъ

трехъ строкъ: „Несвободна отъ этой логической ошибки собственная попытка К. объяснить происхожденіе *времени* изъ такихъ, между прочимъ, элементовъ, какъ воспоминаніе, уже предполагающее время".

Прежде всего, я считаю *неправильнымъ и незаконнымъ* не только для редактора, но даже и для самихъ авторовъ статей „Словаря" *входить* въ полемику по какимъ-либо чужимъ мнѣніямъ или же *подавать* къ ней поводъ. Статьи „Словаря", кажется, должны-бы касаться только фактовъ, установившихся въ исторіи наукъ, но все то, гдѣ еще можетъ царствовать разногласіе, споръ—не должно входить въ „Энциклопедическій словарь". Особенно же долженъ былъ *воздержаться* отъ этого редакторъ отдѣла, въ число обязанностей котораго входитъ, конечно, и та, чтобы сотрудники „Словаря" не плодили въ содержаніи ихъ статей безполезныхъ для цѣлей „Словаря" пунктовъ. Здѣсь же Вл. С. Соловьевъ *самъ* въ чужой статьѣ, *подаетъ* прямой *поводъ* къ спору и полемикѣ *).

Мое мнѣніе о происхожденіи идеи времени въ „Своемъ Словѣ" занимаетъ нѣсколько печатныхъ листовъ и касается этого вопроса со многихъ сторонъ, а потому я, имѣю *полное право* спросить своего критика: къ *какимъ словамъ* и *выраженіямъ* моего сочиненія относится вышеприведенное примѣчаніе: ибо слово „воспоминаніе" встрѣчается въ моемъ сочиненіи довольно *часто* и въ связи съ разными другими словами.

Такъ какъ никакихъ указаній на этотъ счетъ въ примѣчаніи Вл. С. Соловьева нѣтъ, то я и освобожу себя отъ безполезнаго труда розыскивать, къ какимъ моимъ словамъ оно можетъ относиться. Кромѣ

*) При этомъ нельзя не отмѣтить, что, при возможной полемикѣ, будетъ *нарушена справедливость*, ибо сопряженныя съ полемикой невыгоды падутъ только на мою сторону, а Вл. С. Соловьевъ, по обстоятельствамъ дѣла будетъ отъ нихъ гарантированъ. Во-первыхъ я, конечно, не могу сдѣлать ему возраженіе тутъ-же въ „Словарѣ", который послужитъ для Вл. С. Соловьева своего рода неприступною крѣпостью. Всякое-же мое возраженіе въ другомъ мѣстѣ, какъ напр. въ „Своемъ Словѣ" и т. п., по силѣ и вліянію, рѣшительно не можетъ сравниться съ замѣчаніемъ моего критика въ „Энциклопедическомъ Словарѣ": вѣдь, этотъ „Словарь" будетъ въ рукахъ у многочисленныхъ читателей и при томъ все время, пока длится настоящее изданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будетъ укрѣпляться искаженіе моей мысли.

того я позволю себѣ сдѣлать предположеніе, что едва-ли онъ читалъ мое изслѣдованіе о времени, а, всего вѣроятнѣе, ограничился только чтеніемъ статейки Я. Н. Колубовскаго, гдѣ, въ качествѣ выраженія моего мнѣнія, находятся слѣдующія слова: „Первая ячейка идеи времени зарождается отъ сравненія содержанія воспоминанія съ содержаніемъ наличнаго представленія, если только оба эти содержанія относятся къ одному и тому-же *„Я“* и признаются одинаково реальными или данными въ нашей дѣйствительной дѣятельности“ (стр. 606).

Разъ Вл. С. Соловьевъ увидалъ слово: „воспоминаніе“, то *безъ дальнѣйшихъ разсужденій* и устремился къ обличенію открытой имъ моей ошибки, т. е. — *вывода времени изъ времени.*

Теперь я, желая, чтобы *стремительный натискъ* на меня моего почтеннаго критика не вводилъ въ заблужденіе кого-либо изъ читателей „Своего Слова“, сдѣлаю къ примѣчанію Вл. С. Соловьева слѣдующее свое примѣчаніе. Слово: „воспоминаніе“, конечно, предполагаетъ время, но только въ случаѣ *сознательныхъ воспоминаній*, когда вспоминающій субъектъ, сознаетъ *что онъ вспоминаетъ*, но есть множество случаевъ, гдѣ *посторонній* можетъ говорить о воспоминаніи, но самъ вспоминающій ничего о томъ и не подозрѣваетъ.

Это постоянно бываетъ у животныхъ, у маленькихъ дѣтей, вообще у тѣхъ существъ, которые еще не упражняются въ мышленіи. Въ душѣ такихъ существъ бываютъ *не воспоминанія*, а только *два* тождественныхъ или сходныхъ *образа.* Много разъ проходятъ черезъ душу человѣческихъ, т. е. способныхъ къ мышленію, существъ такіе образы и только наконецъ болѣе или менѣе начинаютъ безпокоить ихъ тѣмъ, что *одно* и *то же*, а между тѣмъ *два* экземпляра. Только частый опытъ такого безпокойства наталкиваетъ нашу мыслящую дѣятельность къ выходу изъ затрудненія тѣмъ, что она распредѣляетъ эти образы въ различные порядки, которые выражаются словами: *прежде, теперь, послѣ.*

И такъ, скажу я въ заключеніе моего объясненія съ Вл. С. Соловьевымъ не всякое воспоминаніе предполагаетъ время, а только *сознательное.* Безсознательное-же воспоминаніе вовсе не предполагаетъ времени, такъ что лучше было-бы въ этомъ случаѣ устранить слово

воспоминаніе и тѣмъ избѣжать путаницы понятій. Но съ языкомъ и его употребленіемъ бороться мудрено.

Во всякомъ случаѣ *сперва* (prius) акты субстанціи, въ которыхъ ея мышленіе можетъ и не участвовать (животныя, человѣческія дѣти), а уже *потомъ* понемногу привходитъ и мышленіе. Въ послѣднемъ результатѣ этого процесса пріобрѣтается *порядковая идея времени* (прежде, теперь, послѣ) и укрѣпляется до того, что философія считала ее происходящею à priori.

На этомъ я и закончу мое объясненіе съ почтеннымъ Вл. С. Соловьевымъ.

II. Объясненіе съ Е. И. Челпановымъ.

Е. И. Челпановъ въ своемъ сочиненіи: „Проблема воспріятія пространства 1896 г.“, сдѣлалъ критическое замѣчаніе относительно моихъ воззрѣній на пространство. Оно приведено на стр. 97 и 98 въ примѣчаніи, которое почти все (1½ стр.) занято выписками изъ „Своего Слова“, относящимися къ моей теоріи пространства. Къ критикѣ-же, по моему, можно отнести только *шесть* слѣдующихъ строкъ: „Относительно теоріи проф. Козлова нужно замѣтить, что она больше, чѣмъ какая-либо другая, старается создать пространство изъ ничего, потому что думать, что однихъ качествъ, хотя-бы съ прибавкой даже объединительной дѣятельности мыслящей субстанціи (что, впрочемъ, предполагается всякой психологической теоріей), можно было-бы вывести какое-нибудь пространство,—это значитъ думать, что изъ сложенія нулей можно создать число“.

Слава Богу! возраженіе почтеннаго Е. И. Челпанова не потребуетъ для его устраненія отъ меня большихъ усилій. И въ этомъ случаѣ, также, какъ и въ объясненіи съ Вл. С. Соловьевымъ, я буду имѣть въ виду главнымъ образомъ читателей „Своего Слова“, чтобы они не были введены въ заблужденіе, что будто-бы, по моему, идея пространства образуется въ нашей душѣ изъ *ничто* или изъ *нулей*.

Уже изъ выписокъ приведенныхъ Е. И. Челпановымъ изъ моего трактата о пространствѣ ясно видно, что для образованія этой идеи

служатъ во-первыхъ: различные *акты ощущеній* отъ дѣятельности: чувства мускульнаго, осязательнаго, зрительнаго; во-вторыхъ: *акты мыслящей дѣятельности* человѣческихъ существъ, у которыхъ *постепенно* и *во многихъ фазисахъ* развитія образуется идея пространства въ томъ видѣ, въ какомъ она принадлежитъ обычному человѣческому сознанію. Мнѣ кажется, что хотя авторъ и указалъ на 31—41 стр., изъ которыхъ сдѣлалъ нѣкоторыя выписки, но что онъ далеко не принялъ въ разсчетъ всего моего трактата въ 4-мъ номерѣ „Своего Слова“. Такъ, напр., онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что, по моему, идея пространства образуется у насъ, пройдя три стадіи развитія: — *субъективную*, *объективную* и *абстрактную*. Значитъ, если акты чувственности (зрѣнія, осязанія и пр.), а также и акты первоначальнаго мышленія суть „ничто“, то, конечно, я вывожу пространство изъ „ничто“.

На этомъ можно-бы и покончить мое объясненіе съ Е. И. Челпановымъ, но я еще скажу два слова о его вопросѣ, который онъ, должно быть, считаетъ для меня весьма затруднительнымъ, а именно: „откуда извѣстно проф. Козлову“, спрашиваетъ онъ послѣ выписки моихъ словъ, что „созерцаніе даже цвѣтовыхъ ощущеній безъ соотносящей, сравнивающей и обнимающей въ своемъ единствѣ дѣятельности „я“, могло-бы быть *безпространственнымъ созерцаніемъ только качества*“ *).

Отвѣчаю: изъ *сравненія* различныхъ стадій образованія идеи пространства и далѣе изъ *сравненія актовъ:* животнаго, дѣтскаго и взрослаго человѣческаго сознанія, а также надлежащаго *вывода* изъ сопоставленія всѣхъ этихъ актовъ.

Въ заключеніе моего объясненія позволю себѣ посовѣтовать читателямъ „Своего Слова“, не смущаясь замѣчаніемъ Е. И. Челпанова, прочесть указанную имъ часть моего трактата о пространствѣ, а лучше-бы прочесть все, что въ 4-мъ № „Своего Слова“ относится къ пространству.

А. К.

*) Это выписка изъ „Своего Слова“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Бесѣды съ петербургскимъ Сократомъ	1—73
Бесѣда пятнадцатая (понятіе движенія)	1
Бесѣда шестнадцатая (понятіе движенія)	19
Бесѣда семнадцатая (понятіе матеріи)	33
Бесѣда осмнадцатая (понятіе матеріи и причинности) . . .	55
Мысли о нѣкоторыхъ философскихъ направленіяхъ, преобладающихъ въ современной русской литературѣ и объ одномъ возможномъ въ будущемъ	73
Глава I. Матеріализмъ экономическій.	76
Глава II. Матеріализмъ научный и традиціонный	82
Глава III. Дуализмъ и позитивизмъ	89
Глава IV. Идеализмъ	100
Глава V. Панпсихизмъ; его преимущества передъ выше разсмотренными направленіями	121
Глава VI. Настоящее положеніе панпсихизма, истиннаго преемника идеализма въ развитіи философскаго знанія . .	154
Объясненія съ моими критиками	
I. Объясненіе съ Вл. С. Соловьевымъ	161
II. Объясненіе съ Е. И. Челпановымъ	164

Библиотека ООН
СССР